

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ АВТОРСКОГО МОНОЛОГА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Морозова И.Б., канд. филол. наук (Одесса)

Как известно, язык не представляет собой единого монолита, а является совокупностью "подязыков", употребленных в различных функциональных смыслах. Однако обычно принятые в лингвистике противопоставление специальных и художественного стилей не вполне представляется обоснованным, поскольку художественный текст не однороден и распадается на диалог персонажей и авторский монолог.

Дискуссионность в определении монолога, его роли в реальном общении вызвана, на наш взгляд, неразличием двух аспектов: монолога как акта коммуникации, как типа повествования.

Очевидно, что художественный текст (за исключением драмы) материально представлен прежде всего авторским повествованием. В.А.Кухаренко отмечает, что образ автора является непосредственным выражением личности автора (Кухаренко, 1998: 240-241).

Л.Лолозель, представитель пражской лингвистической школы, рассматривает текст как комплекс относительно самостоятельных высказываний, заменяя традиционное деление на авторскую речь и речь персонажей, членение текста - на план рассказчика и план персонажей и выделяет дифференциальные признаки того и другого плана. К последним он относит своеобразие синтаксиса авторской речи, резко отличающейся от речи персонажей.

В.В.Виноградов также считает, что своеобразие структуры авторской речи глубже и ярче всего выражается стилистическим единством произведения (Виноградов, 1995: 27). При этом он разделяет мнение Р.Якобсона о том, что авторская речь обязательно модельна.

Вышеизложенное позволяет заключить, что оппозиция речи автора и прямой речи персонажей частично совпадает с противопоставлением монолога и диалога, хотя, конечно, и в диалоге содержатся элементы монологической речи.

Главным коммуникативным различием между этими видами повествования является, с нашей точки зрения, отсутствие речевой ситуации в речи автора и необходимость создания последней для протекания диалогического общения персонажей. Иными словами, автор строит свою собственную виртуальную реальность посредством описания, расширения собственного повествования. Количественное сопоставление употребления сложных, осложненных и простых предложений в речи автора показано в таблице.

ТАБЛИЦА

Удельный вес различных видов высказываний в авторском монологе

№ п/п	Типы предложений	Количество	%
1	Сложные	646	64,6
1.1	сложносочиненные	423	42,3
1.2	сложноподчиненные	15	1,5
1.3	смешанного типа	73	7,3
2	Простые	222	22,2
	Неэллиптические		
2.1	распространенные	142	14,2
2.2	нераспространенные	42	4,2
	Эллиптические	29	2,9
2.3	двусоставные распространенные	21	2,1
2.4	двусоставные нераспространенные	8	0,8
2.5	односоставные распространенные	7	0,7
2.6	односоставные нераспространенные	-	-
2.7	структурно-непредикатные высказывания	2	0,2
3	Осложненные	132	13,2
3.1	с вводными элементами	72	7,2
3.2	с цепочкой координированных членов предложения	13	1,3
3.3	содержащие грамматические комплексы	47	4,7
3.4	смешанного типа	-	-
Всего		1000	100,0

Примеры видов высказываний, приведенных в таблице

1.

1.1 The elder woman grew pale beneath the coarse powder that daubed her cheeks and her dry lips twitched with a spasm of pain. (O.Wilde).

1.2. When he arrived home, about half past twelve o'clock, he saw a telegram on the hall table. (O.Wilde).

1.3. He saw aware that she was an ex-school teacher, and that she had a job connected with the teaching of Braille at the Aaronberg Institute for handicapped children. (A.Christie).

2.

- 2.1. She looked at me with calm gray eyes. (S. Maugham).
 2.2. The door felt shut. (K. Brush).
 2.3. I didn't want to kill him. I really didn't. (W.S. Tuttle).
 2.4. He didn't do it. He wanted. (V. Murray).
 2.5. I looked out. Rather cold. (G. Gray).
 2.7. a) He knew Jack should do it. Yes. It was the onliest way out. (J. Lark).
 6) She played with the idea. A cottage in Spain. Sounds nice. (L. Brett).

3.

- 3.1. His soul, certainly, was sick to death. (N. Lofts).
 3.2. Mavis was looking nice but felt excessively unwell. (G. Holden).
 3.3. He seems to have been taken suddenly ill at the office. (A. Christie).

Исследование фактического материала свидетельствует о том, что наибольшей частотностью в авторском монологе обладают предложения сложные, то есть содержащие более, чем одну первичную структуру предикации (64,6%). При этом 412,3% из них являются сложносочиненными. На втором месте - простые предложения (22,2%), из которых большая часть неэллиптические распространенные высказывания (14,2%). Третье место по частотности употребления занимают высказывания, осложненные вводными элементами, цепочкой координированных членов или содержащие грамматические комплексы (13,2%). Такое распределение частотности различных типов высказываний, на наш взгляд, связано в первую очередь с функциональными особенностями авторского повествования. В задачи автора любого художественного текста входит моделирование объективной действительности, и в конечном итоге, речевой ситуации. Нами было установлено, что простые структурно-предикатные предложения соотносятся с одним элементарным процессом окружающего мира (50:116). Очевидно, что моделирование приближенной к реальной жизненной ситуации предполагает наличие в ней более одного элементарного процесса. Отсюда - преобладание сложных синтаксических конструкций в тексте.

Как следует из проведенного анализа, в авторском монологе засвидетельствован принципиально новый тип высказываний - структурно-непредикатные - они составляют всего 0,2%. Высказывания, даже имплицитно не содержащие структуры предикации, не были засвидетельствованы нами ни в одном из специальных стилей, кроме ораторского.

Таким образом, авторский монолог художественной прозы является переходной формой речи между специальными стилями и естественной речевой коммуникацией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения // Вопросы грамматического строя. - М.: Изд-во АН СССР, 1955. - С. 389-435. 2. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. - 2-е изд., перераб. - М.: Просвещение, 1988. - 358 с.

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИНТЕГРАЦИИ ИРРЕАЛЬНЫХ ФОРМ КОНДИЦИОНАЛА С ОТРИЦАНИЕМ (на материале французского языка)

Музейник И.В. (Харьков)

В основе организации предложения как синтаксической единицы лежат интегративные процессы, целью которых является взаимодействие составляющих предложение компонентов, что позволяет достичь желаемого коммуникативного эффекта. По мнению Л.В. Щербы, речь идет не только о правилах синтаксиса, но, что гораздо важнее, о правилах сложения смыслов, дающих не сумму смыслов, а новые смыслы (Щерба, 1974:24).

При этом следует отметить, что под семантической структурой предложения подразумевается обобщенное типовое информативное содержание, структурирующее определенную мысль и принадлежащее к области речемыслительных универсалий (Москальская, 1974:37). Фактически речь идет о прототипических конструкциях, которые в дискурсе конкретизируются и становятся ситуативно-ориентированными с интерпретацией говорящим пропозитивной информации.

З.Г. Бурдина считает целесообразным различать два понятия: неразложимость предложения и его членимость. Причем неразложимость предложения ассоциируется с возникновением в предложении интегративных компонентов значения (модальности, утверждения, отрицания и др.), т.е. синтаксических категорий, возникающих на уровне предложения и не соответствующих его грамматической организации (вербально не выраженных) (Бурдина, 1987:82).

Возникновение утвердительного или отрицательного компонента значения связано с явлением отрицания, которое, по мнению некоторых исследователей, представляет собой "явление далеко не периферийное", оно является важным фактором, ограничивающее или модифицирующее воздействие которого в той или иной степени имеет место на всех уровнях языковой структуры (Кржижкова, 1969:205).

Одним из характерных примеров, подтверждающих данное положение, является взаимодействие двух отрицательных значений, в результате которого предложение приобретает утвердительное значение, как полностью эквивалентное, так и с оттенками усиленного/ослабленного утверждения. В любом случае интеграция второго отрицательного компонента приводит к тому, что отрицательное по форме предложение в информативном содержании является утвердительным.

Подобные же интегративные процессы происходят при употреблении ирреальных форм кондиционала (*conditionnel passé*) в сфере модуса, отражающего коррелятивную операцию, производимую мыслящим субъектом по отношению к диктуму, соответствующему представлению об описываемом событии (Балли, 1955:44). Ирреальность кондиционала в данном случае следует трактовать как имплицитно выраженное отрицание, которое при наличии интегрированного эксплицитно выраженного компонента отрицания нейтрализуется, в результате чего высказывание переводится в область утвердительной предикации. Обратимся к следующему примеру:

Le Roi *J'avais un petit chat tout roux... Un beau jour... il a dû se dire qu'il devait sortir. Le gros chien des voisins l'a tué.*

Marie (à Marguerite) *Tu n'aurais pas dû laisser la porte ouverte; je t'avais avertie.*

(E. Ionesco *Le roi se meurt*, p. 76)

Исходя из контекста очевидно, что печальная участь рыжего кота уже свершилась по причине оставленной открытой двери (чем, собственно, и продиктовано употребление ирреальной формы кондиционала). В данном случае отрицание, интегрируясь с ирреальной формой кондиционала, формирует положительный интегрированный компонент:

Tu n'aurais pas dû laisser la porte ouverte = En réalité tu l'a ouverte

Говоря об аргументативной (прагматической) направленности данного высказывания, важно отметить, что значение «ирреальности» является определяющим в формировании интенции говорящего, состоящей в оказании желаемого психологического воздействия на собеседника. Оценивая содержание сообщаемого, Мари, обращаясь к Маргерит, фактически обвиняет ее в случившемся. Это подтверждает значение «ирреальности» в формировании интенции и таких составляющих речевого акта, как «воздействующая направленность», «оценочное отношение» и «эффективность».

Речевые акты, содержащие ирреальные формы кондиционала, как правило, отличаются высокой степенью их воздействующей направленности.

В фильме Люка Бессона «Леон» главный герой, профессиональный киллер, становится свидетелем жестокой расправы над семьей наркодилера, жившей по соседству. Случайно уцелела только двенадцатилетняя Матильда, выпешдая в магазин за покупками. Когда она возвращается домой убийцы все еще находятся в их квартире. Леон решает открыть девочке свою дверь, тем самым спасая ее, но отказывается оставить ее у себя, понимая чем ему это грозит:

Léon *Il faut que tu t'en ailles.*

Mathilda *Et je vais où?*

Léon *C'est pas mon problème.*

Mathilda Si tu m'as sauvé la vie, je pense que tu dois avoir de bonnes raisons. Si tu me vire maintenant c'est comme si tu m'avais laissée dehors, comme si tu m'avais laissée crever devant ta porte. Mais tu l'as ouverte.

Представленные в лексемном составе предложения слова с отрицательной семантикой, интегрируясь с ирреальным условием, нейтрализуются и в результате происходит положительная констатация. Значение «ирреальной негативности» в этом случае соотносится с «воздействующей направленностью» высказывания и является основным фактором, обеспечивающим его «эффективность». Данное обстоятельство свидетельствует о том, что ирреальные предложения могут быть отнесены к разряду языковых средств, которые могут быть использованы говорящим для выражения наиболее значимой информации.

Использование речевых актов с негативной эмоциональной окраской, содержащих взаимодействующие ирреальные формы кондиционала и отрицание, благодаря своей субъективно обусловленной интенции увеличивает аргументативную силу высказывания, что дает возможность собеседнику понять причины, предопределяющие оценочную позицию говорящего.

В фильме режиссера Андре Дельво «Женщина в сумерках» (*Femme entre chien et loup*) действие происходит в оккупированной нацистами Бельгии. Хозяин мясной лавки, сотрудничавший с оккупантами, после освобождения родного города охвачен страхом перед возмездием своих сограждан. Он убивает своих детей и сводит счеты с жизнью сам. Между главными героями фильма происходит следующий диалог:

Lieve Le boucher. Il s'est suicidé, le boucher.

François Mais Lieve, nous n'y sommes pour rien.

Lieve Mais les enfants, il les a tués aussi. Il n'aurait pas dû faire ça.

В этом случае взаимодействие ирреальной формы кондиционала с отрицанием с одной стороны традиционно переводит высказывание в область положительной поляризации с точки зрения констатации свершившегося факта:

Il n'aurais pas dû faire ça=mais il l'a fait,

с другой стороны является экспрессивным речевым актом с негативной оценкой, в данном случае речь идет об акте несогласия и даже осуждения. Воздействующая направленность такого типа речевых актов – это, как правило, результат запланированного действия говорящего, реакция на какую-либо информацию, соотносимая с его желанием (тактикой, стратегией). При этом сама оценка (в виде иллюкутивного акта) делается ради лица, воспринимающего высказывание (Козловский, 1998:24-25).

Таким образом, интеграция ирреальных форм кондиционала с отрицанием подтверждает тезис об асимметрическом дуализме лингвистического знака (Карцевский, Звегинцев, 1965:90), который лежит в основе изучения предложения как асимметрического знака, отдельные компоненты которого да-

леко не всегда симметрически соотносятся с отдельными компонентами его значения.

Исходя из вышеизложенного можно констатировать, что интеграция ирреальных форм кондиционала с отрицанием является частным случаем явления отрицания отрицания, возникающего вследствие взаимодействия семантических и прагматических компонентов предложения. Подобные высказывания обладают ярко выраженной прагматической направленностью и характеризуются высокой степенью аргументативной силы, наличием оценочного отношения и эффективностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балли Ш. (1955) Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.
2. Бурдина З.Г. Неразложимые языковые структуры и речевая коммуникация. М.: Высшая школа, 1987.
3. Карцевский С. Об асимметрическом дуализме языкового знака//Звегинцев В.А. (1965) История языкознания XIX-XXвв. в очерках и извлечениях Ч. II. М.
4. Козловский В.В. (1998) Структурно-семантическая организация и коммуникативно-прагматическая направленность предложений с конъюнктивом в совр. немецком языке: Автореф. дис...докт. филол. наук: Киев.
5. Кржижкова Е. (1969) Заметки о месте негации в языковой структуре//Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М.
6. Москальская О.И. (1974) Проблемы системного описания синтаксиса. М.
7. Щерба Л.В. (1974) О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании//Языковая система и речевая деятельность. Л.

СУБЪЕКТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ДИСКУРСА АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ

Нефёдова Е.Д. (Харьков)

Среди типологических особенностей дискурса английской литературной сказки (далее – АЛС) можно выделить особую субъектную организацию повествования, основными чертами которой являются вовлечение читателя в псевдиалог с автором и двуплановость позиции автора-повествователя.

При анализе субъектной организации сказочного текста детальное внимание прежде всего уделялось особенностям реализации языковой личности автора, формам выражения авторского сознания, позиции автора-повествователя в тексте. Однако не только автор-повествователь является составной частью субъектной организации АЛС. Любой дискурс можно рассматривать в качестве диалога (Cook 1992: 59), предполагающего наличие как адресанта сообщения, так и его адресата (Cook 1992: 25). При анализе АЛС с использованием модели нарративных трансакций, предложенной

Дж. Стивенсом (Stephens 1992: 21), становится очевидной роль читателя, уравнивающая роль автора в создании дискурса и являющаяся составной частью субъектной организации дискурса АЛС. По утверждению Дж. Стивенса "[...] детей побуждают к тому, чтобы они помещали себя внутри текста, отождествляя себя с главным героем и его конструированием и опытом восприятия мира" (Stephens 1992: 4) (здесь и далее перевод мой – Нефёдова Е.Д.). Данную точку зрения разделяет В. Айзер, рассматривающий художественную литературу как уникальную модель взаимоотношений между наблюдателем и объектом наблюдения. В. Айзер утверждает, что читатель (субъект) помещен внутри художественного текста (объекта, который ему необходимо понять) (Iser 1978: 108-109). Субъектные позиции, которые может занимать читатель, воспринимающий повествование, в тексте АЛС остаются практически не исследованными. Рассмотрим взаимодействие членов оппозиций *Implied Author :: Implied Reader* (подразумеваемый автор :: подразумеваемый читатель); *Narrator :: Narratee* (автор-повествователь :: читатель, воспринимающий повествование), представленных в модели Дж. Стивенса (Stephens 1992: 21), в АЛС.

На основании различных способов реализации авторской и читательской субъектных позиций в тексте и их взаимодействия можно выделить следующие типы субъектной организации АЛС:

1. Читатель, воспринимающий повествование, находится в одном времени с автором-повествователем, противопоставленном плану сказочных событий; всезнающий автор-повествователь открыто руководит читательским восприятием АЛС, ведя с ним эксплицитный диалог;
2. Автор-повествователь имплицитен, действие представлено глазами одного из героев (обычно положительного), с которым читатель себя ассоциирует; частный случай – автор-повествователь или читатель, воспринимающий повествование, является одним из героев АЛС, принимающим участие в развитии сказочных событий.

Рассмотрим первый тип субъектной организации дискурса АЛС, являющийся наиболее распространенным. Его особенностью является реализация двуплановости позиции автора как субъекта повествования. Как отмечает М.Н. Липовецкий, двуплановость субъектной организации сказочного текста упоминается в работах В.А. Бахтиной, Н.М. Герасимовой, С.Г. Лазутина, Д.Н. Медриша, Е.М. Мелетинского, Е.М. Неелова, С.Ю. Неклюдова и др. (Липовецкий 1992: 35). Двуплановая субъектная организация АЛС предполагает, что в ней "[...] одновременно представлены два разных типа дистанции между художественным субъектом и объектом эстетического изображения" (Липовецкий 1992: 35): с одной стороны, условно-личный автор-повествователь в зачине, концовке и коммен-

тариях существует во временном плане настоящего, в одном времени с читателем, воспринимающим повествование; а с другой стороны, основная часть АЛС организована по законам безличного повествования и отнесена в далекое сказочное прошлое. Данная субъектная организация АЛС отражает "[...] присущее сказочной модели мира решение центральной проблемы своеобразной жанровой *гносеологии*: насколько истинно знание о мире, воплощенное в сказочной картине мира, какова дистанция между сказочным миром и реальностью" (Липовецкий 1992: 35). Двуплановая субъектная организация повествования дает возможность автору-повествователю рассказывать о сказочных событиях, не настаивая на их достоверности, отнеся их в далекое неопределенное прошлое и комментируя их из настоящего, с позиции современника читателя. При этом ценность рассказанной АЛС не снижается, т.к. подобная особенность субъектной позиции автора-повествователя снимает с него ответственность за правдивость рассказанного, и читатель сам должен решить, верить в достоверность описываемых событий или нет.

Смысл двуплановости сказочной субъектной организации заключается также в том, что "... переход от личного к безличному, а затем опять к личному повествованию, обрамление внутренней субъектной позиции в начале и в финале позицией внешней имеет очень серьезное значение в акте художественного завершения волшебной сказки. Такая трансформация повествователя замыкает сказочный мир как целостный образ и отделяет его от реальности, тем самым развивая художественный потенциал хронотопа волшебной сказки" (Липовецкий 1992: 36).

Пример 1

The Prince and his two wives were long alive after this, pleased and peaceful. I left them there. (J.Jacobs "Gold-Tree and Silver-Tree").

Однако, такой переход, свойственный народным сказкам, не является типичным для АЛС и встречается, в основном, в стилизациях. Наиболее распространенным в АЛС способом свертывания сказочного мира является смена временных планов: неопределенно далекое прошлое сменяется настоящим, что подразумевает изменение типа автора-повествователя. При этом, как отмечает М. Уоллес, "в концовке находят свое отражение моменты, которые общество считает важными, и в ней представлен исход, рассматриваемый обществом как желательный. [...] выход из временного плана повествования [...] подразумевает связь с реальным временем и, таким образом, подтверждает ценность представленного исхода событий повествования" (Wallace 1986: 84).

Пример 2

Then it spread its wings and flew away, and has never been seen again; but it made the Goodman and his daughter rich for life, and it had rid them of the

cruel stepmother, so that they lived in peace and plenty for the remainder of their days. (E.Grierson "The Milk-White Doo").

Основными лингвистическими маркерами временных планов условно-личного и безличного повествования являются грамматические времена глаголов. Временной план условно-личного повествования АЛС четко выделяется глагольными формами настоящего времени на фоне безличного повествования о событиях сюжета в далеком прошлом, в большинстве случаев ведущегося в Past Simple.

Пример 3

I say 'in an ill day', for his second wife was a most deceitful woman, who really hated children, although she pretended, before her marriage, to love them. (E.Grierson "The Milk-White Doo")

Интересно, что в АЛС зачастую создается пространственно-временная иллюзия сближения вышеупомянутых планов повествования: "использование длительных прошедших времен [...] создает впечатление, что "прошедшее обозначает настоящее" (Wallace 1986: 137), в то время как прошедшее совершенное время [...] принимает на себя функции прошедшего основного разряда. Такой сдвиг времен чрезвычайно распространен в повествовательном дискурсе и также представлен использованием индикаторов близости – например, 'this', 'here', 'now' – вместо соответствующих индикаторов удаленности – 'that', 'there', 'then'. Данная стратегия уменьшает дистанцию между автором-повествователем и героями, также как и использование определенного артикля [...] с объектом, упоминаемым впервые [...]" (Stephens 1992: 28). Подобная стратегия способствует увеличению заинтересованности читателя в повествовании, актуализирует описываемые сказочные события.

Пример 4

And now there was no mistaking it and all four children stood blinking in the daylight of a winter day. (C.S.Lewis "The Lion, The Witch and the Wardrobe")

Однако, несмотря на вышеупомянутые стратегии приближения сказочного действия к плану читателя, воспринимающего повествование, автор-повествователь обычно четко разграничивает фантастические сказочные события и реальность и комментирует их из временного плана настоящего, в котором он находится вместе с читателем. Подобные комментарии конструируют субъектную позицию автора-повествователя и в АЛС могут быть представлены ремарками, авторскими отступлениями, риторическими вопросами, ответами на незадаанные читательские вопросы и прочими средствами авторской оценки повествования (evaluation в терминах модели В. Лабова (Labov 1972)). Они вовлекают читателя в суждения автора, заставляют принять авторскую точку зрения, создавая

при этом у читателя иллюзию свободы выбора и равноправного партнерства с автором-повествователем в создании дискурса.

Пример 5

Oh, now and then you will hear grown-ups say, "Can the Ethiopian change his skin or the Leopard his spots?" I don't think even grown-ups would keep on saying such a silly thing if the Leopard and the Ethiopian hadn't done it once – do you? (R.Kipling "How the Leopard Got His Spots").

Вышеупомянутые средства авторской оценки повествования создают иллюзию устного повествования, неформальную атмосферу и привлекают читателей – т.к. комментарии, риторические вопросы и "... прямые обращения к читателю ... создают псевдо-разговорный регистр..." (McCarthy 1991: 89) и выполняют фатическую функцию. Речь повествователя, намеренно приближенная к разговорному регистру, изобилует иприфовыми выделениями (курсивом, написанием большими буквами, разрядкой, дефисным написанием и т.п.), способствующими передаче авторской интонации на письме.

Пример 6

"Now don't you take on like that," said his wife, who was a very sensible woman: [...] (K.Graham "The Reluctant Dragon").

Погружению читателя в текст АЛС способствует также нейтрализация оппозиции прямой речи персонажей и речи повествователя, когда наблюдается "[...] динамический переход одного плана в другой. Число контекстовых приемов увеличивается, в них входят неозначенная прямая речь, несобственно-прямая речь и смешанная речь, при которой в речи рассказчика еще сильнее, чем в несобственно-прямой речи концентрируются стилевые и семантические признаки плана персонажа, что придает произведению полифонический характер" (Арнольд 1990: 201). "Включенная в авторское повествование несобственно-прямая речь тесно с ним переплетается: голос персонажа сливается с голосом рассказчика" (Арнольд 1990: 203). Это способствует сближению плана условно-личного повествователя / читателя, воспринимающего повествование, и плана безличного повествования о фантастических событиях, а в конечном итоге – вовлечению читателя в текст, возникновению у него доверия к повествователю и повышению интереса к описываемым событиям.

Все вышеперечисленные средства авторского контроля повествования в АЛС с субъектной организацией первого выделенного нами типа способствуют тому, что автор-повествователь, выступающий в роли наставника, зачастую заранее предписывает читателю, воспринимающему повествование, определенную роль. Это может быть роль пассивного наблюдателя (в сказке Р. Киплинга "How the Whale Got His Throat", речь автора-повествователя в обращениях к читателю изобилует модальными

глаголами со значением долженствования – must, to be to) или роль активного наблюдателя, вмешивающегося в развитие событий, спорящего с автором (Ch. Kingsley “The Water-Babies”). С таким читателем возможен эксплицитный диалог, в котором вопросы читателя, безусловно, жестко фиксированы автором.

Пример 7

But towards evening, when people and things grow restless and tired, there came up the Man (With his own little girl-daughter?) – Yes, with his own best-beloved little girl-daughter sitting upon his shoulder, and he said, [...] (R.Kipling “The Crab That Played With the Sea”).

В таком псевдидиалоге автор-повествователь может заранее определить не только ответы читателя, воспринимающего повествование, но и его чувства, действия (читатели аплодируют, чтобы спасти героиню сказки Дж. Барри “Peter Pan”, фею Чинь-чинь), возраст и пол (в сказке Ч. Кингсли “The Water-Babies” читатель – мальчик) и даже количество читателей, как в сказке Э. Несбит “Five Children and It”, где читатель представлен группой детей. Иными словами, “...или читателям будет предписана готовая субъектная позиция в тексте, или они построят субъектную позицию, исходя из материала, предоставленного в тексте” (Stephens 1992: 55).

Таким образом, субъектная организация дискурса АЛС предполагает, что автор-повествователь занимает позицию комментатора сказочных перипетий, современника читателя и определяет возможную субъектную позицию воспринимающего повествование читателя, которая практически всегда является подчиненной по отношению к позиции самого автора-повествователя.

Однако, делимитация возможных субъектных позиций читателя, воспринимающего повествование, не является конечной целью автора. Это лишь средство для создания необходимых условий правильной читательской интерпретации коммуникативного акта “автор-читатель”, реализующегося при посредстве трансакций в рамке Narrator::Narratee (Stephens 1992: 21). Конечной целью двухплановой диалогичной субъектной организации дискурса АЛС является обеспечение постоянного читательского интереса к повествованию и адекватного понимания сказочной фантастики.

Вышеперечисленные авторские стратегии, обеспечивающие адекватное понимание АЛС, могут быть замечены читателем или оставаться незамеченными. Как отмечает Дж. Стивенс, “[...] читатель может занять две различные интерпретационные позиции в качестве читающих субъектов – субъективированную (читатель воспринимает только сюжет, стратегии и субъектная организация повествования воспринимаются как само собой разумеющееся – прим. мое – Нефёдова Е.Д.) и интеррогативную”

(Stephens 1992: 50) (читатель ищет и осознает целенаправленное использование выпереженных стратегий автора). Последняя позиция (осознанная текстуальность) предполагает "[...] читателя, роль которого – быть со-участником авторской игры. Играть вместе с автором в игру с определенными правилами и немного лучше осознавать, каким образом создаются смыслы – лингвистически и социально" (Stephens 1992: 71).

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И.В. (1990). Стилистика современного английского языка: (Стилистика декодирования): учебное пособие для студентов пед. ин-тов по спец. "Иностр. яз.". – 3-е изд. – М.: Просвещение.
2. Липовецкий М.Н. (1992). Поэтика литературной сказки (на материале русской литературы 1920-1980-х годов). – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та.
3. Cook G. (1992). Discourse. Oxford: Oxford University Press.
4. Iser W. (1978). The Act of Reading: A Theory of Aesthetic Response. – Baltimore and London: John Hopkins University Press.
5. Labov W. (1972). Language in the Inner City. – Oxford: Basil Blackwell.
6. McCarthy M. (1991). Discourse Analysis for Language Teachers. – Cambridge: Cambridge University Press.
7. Stephens J. (1992). Language and Ideology in Children's Fiction. – London and New York: Longman.
8. Wallace M. (1986). Recent Theories of Narrative. – Ithaca: Cornell University Press.

EVOLUTION DES WORTES ALS KENNZEICHEN DER HISTORISCHEN ENTWICKLUNG DER GESELLSCHAFT

(zum Problem der Erweiterung des deutschen
Wortschatzes im 17. Jahrhundert)

Novikova O. (Kiew)

Es ist eine unmögliche Aufgabe, wenn man den Versuch macht, den ganzen Wortschatz zu behandeln." (1) Eine jede Wortgeschichte muß sich auf Aussichten beschränken und deshalb mehr oder weniger subjektiv sein, kann aber natürlich das Schwergewicht verteilen.

Der vorliegende Artikel trachtet einen Überblick über das 17. Jahrhundert – die Zeit des Dreißigjährigen Krieges und die Barockzeit, zu geben. Es besteht kein Mangel an Stoff, denn es ist sehr viel darüber geschrieben worden (F. Kluge, A. Langen, F. Schramm, F. Helbling, R. M. Mayer, P. F. Gant u. a.) Doch gibt es große Lücken in der Forschung, die kaum jemals dazu kommen wird, alle Wörter gründlich zu bearbeiten. Die Geschichte des deutschen Volkes spiegelt sich nicht nur in der Dichtung, sondern auch in der Sprache und hier besonders im Wortschatz wieder. Ausgewählte Wörter sollen zeigen, wie Wörter ihre Geschichte haben, wie sie aufkommen, ihre Bedeutung ändern, vergehen, wie sich neue einbürgern, wie sich die Beziehungen zu den Nachbarsprachen und dem weiteren Ausland niederschlagen. Die Geschichte der Wörter kann auch den Nachdruck auf die

etymologische Erklärung der Wörter legen oder sie als Begleiter der deutschen Geschichte und Kultur kennzeichnen, was auch die Aufgabe dieses Artikels wäre.

Im 17. Jh., in dessen Mittelpunkt der Dreißigjährige Krieg und die Barockzeit stehen, tritt das Fremdwortproblem in den Mittelpunkt. Die Wirkung des langen Krieges waren für große Teile Deutschlands verheerend. Die Abhängigkeiten vom Ausland war gestiegen, die Fürstenmacht weiter gestiegt, der Bauerstand herabgedrückt, die Städte in ihrer Wirtschaftsstruktur gefährdet (2). Das sprachliche Leben, vor allem der Wortschatz, ist durch die fremden Heere und die Anfälligkeit der führenden Schichten für die fremden, besonders die französischen Wörter großen Belastungen ausgesetzt. Die Höfe werden beispielgebend, nach ihnen richtet sich der Adel, dem die Bürger nacheifern und schließlich die Bauern folgen. Das Reich war schwach, Kleinstaaten und Residenzen wogen vor, so daß den Einflüssen des Zentralismus Schranken gesetzt waren. Das Französische wurde zum großen Teile die Hofsprache, spanisches Zeremoniell drang weiter in den Wiener Hof ein, das Italienische herrschte im Theater und bei den bildenden Künsten in Süddeutschland, aber Spanisch wurde nirgends Hofsprache. Die Kavalierstour der jungen Männer von Adel führte nach Frankreich, Italien und Wien. Latein spielt auf den Universitäten und den Gymnasien die Hauptrolle, der Jesuitenorden hat es zur alleinigen Schul- und Bildungssprache gemacht und seine Schauspiele wurden in lateinischer Sprache aufgeführt. Aber das Ausland zeigt mit seiner nationalsprachigen Literatur, daß Deutschland hierhin allein stand, und so strebte man zuersz im protestantischen Bereich nach deutschsprachiger Literatur, die sich freilich nach dem fremden Vorbild richtete. Das Fremde war das Vornehme, es war das Beispiel, damit will man prunken.

Die Katholiken näherten sich nach der Glaubensspaltung Italien und Spanien, die Gegenreformation und die Jesuiten, mißtrauisch gegen das Luthertum, standen dem Latein freundlich gegenüber, das so eine neue Stärkung erfuhr. Die Protestanten fanden in Frankreich und Schweden eine Stütze, kalvinistische Höfe wie der Heidelberger fördern französischen Einfluß und französischen Wortgut. Die Vorläufer der Zeitungen sind voll von ausländischen Wörtern. Der Hang zur Fremdländerei, zur Alamode, war allgemein (3), in der Kleidung und im Benehmen sichtbar. Es ist nicht der Dreißigjährige Krieg allein Schuld daran, denn schon vorher ist die Neigung dazu zu beobachten. Der Krieg beschleunigt nur diese Entwicklung.

Die Zahl der Fremdwörter ist bei diesen Zuständen gewaltig gewachsen und eine große Zahl ist geblieben vor allem in den Bereichen, die den fremden Einflüssen am stärksten ausgesetzt waren, im Heerwesen, in Gericht und Verwaltung, im Theater, in der Musik, der Gartenkunst und Wirtschaft.

Spanische und französische Heere brachten fremde Ausdrücke, italienische Soldaten gab es genug, hatten doch die Habsburger in den böhmischen Ländern die Güter der vertriebenen protestantischen Adeligen mit französischen,

spanischen und italienischen besetzt, die den Hofdienst pflegten, in der Armee dienten und in der Heimat für das Soldatenleben warben. Aus den Landsknechtshaufen wurden Soldatenheere mit meist adeligen Offizieren. Den soldenrere "Söldner" gibt es schon am Ende des Mittelalters, um 1500 taucht zunächst vereinzelt soldat "Sold, Lohn" / ital. soldato auf (zu lat. solidus), nun wird dieses Wort zur Bezeichnung des Empfängers. Die militärische Stufenleiter wird fast zur Gänze französisch benannt, denn die deutschen Fürsten hatten den Ehrgeiz, es Frankreich gleichzutun und sich wie dieses stehende Heere zu halten. Es erscheinen der Lieutenant "Statthalter" (ursprünglich Vertreter des Obersten), Capitän, General, Marschall, der im Französischen vom Pferde knecht, dem französischen Marschall, zur höchsten militärischen Würde emporgestiegen war. Die deutschen Wörter bleiben auf den Hauptmann (dafür im Omd. Houbetman, daraus russisch hetman) und Obrist beschränkt. Das ahd. Obarosto "der Oberste" wird im 15. Jh. zum obersten "Vorgesetzten", seit der zweiten Hälfte des 16. Jh. zum Befehlshaber eines Regimentes. Sein Stellvertreter heißt seit der Mitte des 17. Jh. Obristleutnant. Ein Unteroffizier wird nun Sergeant genannt (frz. Sergent). Schon in spätmhd. Zeit kannte man den sarjant, serjant "Diener des Ritters, Knappe, Fußknecht, Unterführer", jetzt wird das Wort zweitesmal entlehnt. Eine Menge anderer Fremdwörter hängt damit zusammen, so Regiment, Truppen, Waffen wie Pistole, Karabiner, weiter attackieren (frz. altaquer). Aus Spanien kamen Wörter wie Infanterie, Armada, Parade, aus Italien Brigade, basta "fertig". Marketender dringt in der zweiten Hälfte des 16. Jh. ein (ital. merkatante). Bei den spanischen Fremdwörtern wird z. T. mit französischer Vermittlung zu rechnen sein (4).

Im Bereich der Verwaltung setzen sich lateinische. Bezeichnungen durch wie Audienz, Formular, deren Einbürgerung schon im 16. Jh. beginnt. Auf richtige Titel legte man Wert, das gehörte nicht nur zum guten Ton, sondern wurde auch vielfach verlangt, und die Gesuchsteller mußten sich der Hilfe von Leuten bedienen, die sich darin auskannten.

Auf dem Gebiet des Rechtes geht der seit der Einführung des Römischen Rechtes angebahnte Einbruch lateinischer. Bezeichnungen weiter, so daß u. a. Klausel, Legat, zedieren noch häufiger angewendet werden.

Im Zeitalter des Absolutismus verfügen die Landesherren über die Steuern, als wären sie ihr eigenes Vermögen. Sie schmücken ihre Residenz, führen die Oper ein und pflegen das Ballett, fordern die Baukunst und berufen italienische. Baumeister, so daß sich italienische Wörter wie Galerie, Balkon einbürgern, pflegen das Theater, wo groteske Possen (frz. bosse /frk. Bottia "Anschwellung", zu altfrk. Botan "ausschlagen", im 16. Jh. für "Spiel, Unfug, Torheit" üblich) mit bravo bedacht werden. In der Musik werden Konzerte mit Solo gegeben, Instrumente heißen Violine und Fagott, Stimmen Alt, Baß und Bariton.

Viele italienische Ausdrücke werden noch heute in der Musik verwendet, so Adagio und Allegro. In Wien wurden noch im 18. Jh. Opern in italienischer

Sprache regelmäßig von italienischen. Sängern aufgeführt. Gärten werden nach frz. Geschmack angelegt, Spalier und Allee kommen auf. Aus dem Italienischen cauliravi stammt Kohlrabi, aus covolfiore das öst. Karfiol, dafür in Deutschland die Übersetzung Blumenkohl. Man wird langsam mit der Kartoffel bekannt, die z. T. über Italien kommt, wo man sie wegen ihrer Ähnlichkeit mit den Trüffeln als tartuffulo bezeichnete. Die Franzosen nannten sie pomme de terre, was man als Erdapfel übersetzte, die Engländer batates, dafür in französischen. Landschaften potaque, von auswandernden Hugenotten auch nach Deutschland gebracht, so daß man z. B. in der Erlanger Gegend, wo sich Hugenotten nach dem Edikt von Nantes 1685 niederließen, von Potacken spricht. Da die Früchte auch an Birnen und Bohnen erinnern, kamen in Deutschland Bezeichnungen wie Erdbirne, Erbbohne auf. Es ist bei dieser neuen Frucht möglich, das Aufkommen einer reichen Synonymik zu verfolgen(5). Die Wörter begleiten die Wanderung und Einführung der Sache. Die slawische Nachbarschaft übernimmt Bezeichnungen aus dem Deutschen, so tchechisch-mda. Krumpir / grundbir "Grundbirne", brambory "Brandenburger". Der Kaffeegeuß bürgert sich stärker ein, seit die Türken nach der Aufgabe der Belagerung von Wien 1683 große Kaffeevorräte zurückgelassen hatten. Das italienische Bankwesen wird weiter nachgeahmt, Credit und Debet kommen auf. Im Handel spricht man nach französischer Art von Garantie, Rabatt, reel, solid.

Zur französischen Mode gehören auch Wörter der Anrede, weil sich die französische Form, die neben der italienischen und spanischen und zunächst parallel lief, schließlich durchsetzt. Dame erscheint zuerst um 1600, daneben ist auch spanisches oder italienisches, dama bezeugt, daneben Madame, seit der zweiten Hälfte des 17. Jh. Mademoiselle, für adelige Fräulein speziell Damselle. Die gleiche Bedeutung hat im Anfang auch Mätresse in den Übersetzungen französischer Romane für Angebetete des Cavaliers, bald in der heutigen Bedeutung, die auch dem Französischen nicht ganz fremd ist (6). Zum französischen Modewesen gehören noch Compliment, frivol, galant, pikant (zunächst "stark reizend", die ältere Bedeutung "prickelnd, anregend" begegnet noch im 19. Jh., wird schließlich auf nichtharmlose Geschichten übertragen), scharmant, während Lakai, bigott spanischer Herkunft sind. Auf das französische galante Benehmen gehen Bezeichnungen wie Parfum, Garderobe zurück, während Limonade, Pastete italienischer Herkunft sind. Der Matjeshering ist aus Holland gekommen wie die Tulpe. Die Fremdwörter haben bisweilen eine andere Bedeutungsschatierung, karessieren ist nicht dasselbe wie liebosen, die Sauce etwas andere als die Tunke.

Die Einflüsse des Englischen auf den deutschen Wortschatz des 17. Jh. sind gering, denn diese Sprache war bis in die erste Hälfte des 18. Jh. in Deutschland wenig bekannt. In der zweiten Hälfte des 17. Jh. hört man von Hochverrat, in dem eine Lehnübersetzung des englischen High treason vermutet wird. Unter- und Oberhaus, Lehnübersetzungen von Lower und Upper House, Sprecher für

Speaker, Debatte. Es sind Ausdrücke des englischen Parlamentarismus. Die Ereignisse des Jahres 1648, die Hinrichtung Karls I. und die englische Revolution wirken mit, das Interesse am englischen Parlamentarismus in Deutschland wachzurufen. Hinzu kommt, daß seit etwa 1670 Reiseberichte und Beschreibungen von England veröffentlicht werden (7).

Jede Übertreibung führt zu einer Reaktion. Es bildeten sich Gesellschaften, die deutsche Gesinnung und tugendhaftes Benehmen pflegen wollten. Die Gründer sehen in ihren Gesellschaften ihre Gefolgschaften. Man wußte von der Bedeutung der Sprache als einer wichtigen Kulturäußerung. Der Große Kurfürst war ein Gönner dieser Bestrebungen. Er hat für Rang und Posten das Wort Stelle einzuführen getrachtet. Die Verwilderung der Schreibung durch die Kanzlisten wurde bekämpft. Eine Reihe von Neubildungen setzt sich durch z. B., grammatische Ausdrücke wie Zahlwort, Einzahl, neue Zusammensetzungen wie Briefwechsel, Bruchstück, Sinngedicht (Epigramm). Gewiß ist es zu Übertreibungen dabei gekommen, weil man den Unterschied zwischen Fremd- und Lehnwort nicht verstanden hat. Einheimische Wörter wie Nase und Sonne und eingebürgerte Lehnwörter wie Fenster, Männer- und Frauenklöster versuchte man durch Gesichtserker, Tagleuchter, und Jungfrauenzwinger zu ersetzen. Solche schaden der Sache. Es wurde aber auch Brauchbares geschaffen, etwa Tagebuch für Journal, Anschrift für Adresse, Glaubensbekenntnis für Konfession, Urschrift für Original, Wörterbuch für Idiotikon, Bücherei für Bibliothek, wenn auch manche dieser Neuerungen erst im späten 19. Jh. aufgenommen worden sind. Es sind in diesem Jh., das soviel an sprachlicher Würde vergessen hat, doch so schöne Wörter neu gebildet worden wie Menschentum, das Logau 1654 in seinen Gedichten zuerst bringt (im Sinne von frz. humanité), wobei das Wort gegen Ende des 18. Jh. eine tiefere Bedeutung annimmt. Man hatte vorher Ausdrücke gebracht wie Menschheit, Menschenfreundlichkeit, -gefühl, -würde, Menschlichkeit. Das mhd. Menschlichen im Sinne von "Menschheit", das in frühnd. Zeit in Vergessenheit geraten war, erscheint gegen Ende des 17. Jh. wieder, hat aber im 18. verschiedene Bedeutung, so "Menschsein", erst in der zweiten Hälfte die von "Humanität" (8).

Die Frage Mundart oder Schriftsprache wird im 17. Jh. endgültig zugunsten der hd. Schriftsprache entschieden, wobei man an das Lutherdeutsch denkt, das sich aber schon gegenüber der Bibelübersetzung verändert hat. Wörter wie Laib "Brot", auch des evangelischen Kirchenliedes wie Ahn, Mär, Wahn u.a. hält man im Anfang des 18. Jh. für veraltet, doch leben sie noch heute in der Schriftsprache fort. Dieses Problem des Archaismus taucht noch öfter auf, die Wirklichkeit entspricht nicht immer den Vorstellungen der Grammatiker.

Im Barockstil, den besonders die schlesischen Dichter pflegen, liebt man das Prunkende wie in der Kunst der Zeit, besonders zusammengesetzte Adjektive werden als schön empfunden, so (bei Gryphius) heiligsüß, grimmiggraus, bei Lohnstein hochmächtiggroß.

Der Schwabe Weckherlin, ein hochgebildeter Hofmann, schätzt die heimische Sprache, gebraucht aber trotzdem nicht wenige Fremdwörter. Die Einstellung der Lyrik zum Fremdwort hat sich geändert. Opitz tadelt die Neigung zur schleisischen Mundart, Paul Fleming schließt sich ihm an. Lohnstein wendet in seinen Dramen auch sexuelle Wörter an (hecken, zeugen, gatten). Die volkstümliche Sprache meldet sich bei Grimmeishausen zu Wort. Er schätzt das Volkstümliche seiner bürgerlichen Lebenswelt, bei ihm findet man Wörter wie Strolch, Schmalhans, schachern. Deutlich ist bei ihm, daß er das Rotwelsche kennt. Die Briefe der Zeit schwelgen in Fremdwörtern. Böhme, der die Barockmystik einleitet, setzt die Sprache der alten Mystiker fort, wenn er von Begreiflichkeit, Ungrund spricht. Angelus Silesius (Johannes Scheffler) gebraucht Überwesenheit (=supra-essentia), Abgeschiedenheit. Man kennt die mittelalterlichen Mystiker, besonders Tauler. Der Pietismus ist international eingestellt, wie religiöse Übersetzungen zeigen. Sein Wortschatz kehrt überall wieder. Aber sie verwenden die deutsche Sprache, während die orthodoxe Theologie lateinisch schreibt. Leibniz wagt um 1700 noch nicht die Anwendung der deutschen Sprache überall, trotzdem er theoretisch die Muttersprache schätzt, entwickelt aber in seinen "Unvorgreiflichen Gedanken" ein weitblickendes Programm zur geschichtlichen Erforschung der deutschen Sprache. Er beschäftigt sich sogar mit der Frage nach deutschen Wörterbüchern, die schon die Sprachgesellschaften anregten. Er denkt an Sprachbereicherung durch Wiederbelebung älteren deutschen Wortgutes, Einbürgerung geeigneter Fremdwörter und vorsichtige Neubildungen.

Gegen Ende des 17. Jh. wird die barocke Dichtersprache allmählich entwertet.

Literaturverzeichnis

1. Friedrich Kluge, Wortforschung und Wortgeschichte, 1912, S. 117.
2. Willi Flemming, Barock, S. 1 bis 21; August Langen, Dt. Sprachgeschichte vom Barock bis zur Gegenwart, Sp. 931-1018; Helmut Henne, Hochsprache u. Mundart im schlesischen Barock, Mitteldt. Forschungen, Bd. 44, 1966.
3. Fritz Schramm, Schlagwörter der Alamodezeit, ZfdW 15, Beiheft, 11914, S. 16-29.
4. Franz Hebling, Das militärische Fremdwort des 16. Jh., ZfdW 14, 1912/13, S. 20-70; M. Meyer, Die militärischen Titel, ZfdWII, 1909, S. 145-156.
5. Bernhard Martin, Die Namengebung einiger aus Amerika eingeführter Kulturpflanzen in den dt. Mundarten, DWf. II, 1963, S. 1-158.
6. Fritz Schramm, ZfdW, 15, Beiheft, S. 29-32, 57-69, 69-71.
7. Peter F. Ganz, Der Einfluß des Engl. Auf den dt. Wortschatz 1640 bis 1815, 1957, S. 13 und Wörterbuch.
8. Wilhelm Pfaff, a. a. O., S. 39 ff.

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЛОЖНОКОНВЕРТИРОВАННЫХ ГЛАГОЛОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Омельченко Л.Ф., докт. филол. наук (Киев)

Максимчук Н.Н., канд. филол. наук (Луцк)

Морфолого-синтаксический способ (конверсия) особенно широко представлен в системе английского глаголообразования (Ch.Barber, H.Marchand, V.Adams, И.В.Арнольд, Г.М.Беляева, Л.Ф.Омельченко, Ц.Г.Матурели, И.И.Борисенко, П.М.Карашук, О.Д.Мешков и др.). Например: *rubberneck* с любопытством рассматривать (достопримечательности); *glazet* (на уличное происшествие); *fatcat* получать или пытаться получить специальные привилегии; *blacklist* вносить в черный список; *blackmail* шантажировать, вымогать деньги; *butterfinger* спорт. промазать [He *butterfingered* a tentative high-cross from W. Johnston in the second half and the ball crawled over the line (Morning Star, 1972, Apr. 1). Vial *bulldogged* his face into a smile (Colin Machines). Night baker Walter Bedford leaped as far as he could and *cannon-balled* into the water in a sitting position (W. Lord)].

Из 110 структурно-сложных глаголов, извлеченных нами из "Дополнения к большому англо-русскому словарю" (1980), 69 неологизмов созданы по модели морфолого-синтаксического способа, что составляет 62,7% от общего количества сложных глагольных инноваций, возникших преимущественно в последние годы XX века, а 41 (37,3%) лексема по модели словосложения.

Нередко конвертированные глаголы-компози́ты содержат скрытое сравнение и находят образно-метафорическое применение в той или иной жанрово-стилистической сфере употребления лексики.

Многие морфологически-сложные глаголы-конверсивы окружены ореолом образно-эмоциональной выразительности и идиоматичности, затемняющей смысловую структуру слова и нередко диктующей необходимость апелляции к этимологическим и лексикографическим изысканиям: *gooseberry* воровать белье с бельевой веревки; *chestnut* повторять избитый анекдот, пошлая шутка, банальный мотив; *blackjack* амер. избивать дубинкой; *mainline* жарг. принимать наркотики внутривенно; *micky-mouse* кино проф. синхронизировать музыку с действием на экране; *pigeon-hole* 1. раскладывать бумаги по ящикам, отделениям; 2. перен. класть под сукно, откладывать в долгий ящик: His plan was pigeon-holed его план поло-

жили под сукно; 3. классифицировать, to pigeon-holed facts классифицировать факты; *cold-shoulder* пренебрегать, третировать, демонстративно избегать, проявлять равнодушие; to be cold-shouldered получить холодный прием, столкнуться с неприязненным отношением: I have a preference for the natural environment into which we were happily born, unlike so many artists to-day who cold-shouldered nature (Morning Star, 1969, Jan. 25).

При передаче эмоционально-оценочных моментов часто обнаруживается недостаточность системы выразительных средств книжной речи и возникает необходимость заимствования лексико-фразеологических единиц из богатой эмоционально-экспрессивными элементами живой речи: *red-bait* амер. преследовать прогрессивные элементы, охотиться за "красными" [As a result of its stand, the MMPS was red-baited by some elements in the community (Daily Word, 1982, Aug. 5)]; *pussy-foot* 1) идти крадущейся, копячей походкой, красться по-копячи; 2) амер. разг. действовать осторожно, с оглядкой, вилить, темнить: to pussy-foot on disarmament вилить в вопросах разоружения.

Значение многих структурно-сложных глаголов осложнено коннотацией оценочно-эмоционального характера (пренебрежения, презрения, осуждения, сочувствия, иронии и т.п.): *muck-rake* усердно расследовать и разоблачать темные административные и политические махинации, "разгребать грязь"; *wet-blanket* разг. отравлять удовольствие, наводить скуку, гасить (радость, энтузиазм), обескураживать; *dumb-bell* заниматься гантельной гимнастикой; *gum-shoe* амер. разг. красться, идти крадучись; *panhandle* амер. разг. 1. 1) просить милостыню, попрошайничать; 2) нищенствовать, бедствовать; 2. перен. выплакивать; *soft-soap* 1. мыть жидким мылом; 2. разг. льстить, умасливать, подлизываться: It does no good to soft-soap Powellism, and to compromise with his racialist prison (Morning Star, 1968, Dec. 4).

Семантическая структура идиоматичных композитных дериватов диффузна и неопределенна, однако, в ней всегда присутствуют в качестве исходных или фоновых значения неидиоматичных дериватов. Многим из указанных лексем присуща ярко выраженная стилистическая окрашенность жаргонного, разговорно-бытового или общественно-политического характера. Например: *belly-ache* жарг. жаловаться, ныть, "скулить"; *coffe-house* разг. заниматься пустой болтовней и сплетнями; *moonshine* разг. заниматься самогонованием; *rough-house* сленг. скандалить, буяннить; *hightail* разг. 1. удирать; 2. (тж. hightail it) мчаться со всех ног; *bad-mouth* амер. жарг. чернить, порочить, обливать грязью; *blue-pencil* разг. редактировать, сокращать, вычеркивать; *sandbag* 1. защитить, "заложить, закрыть мешками с песком"; 2. 1) оглушить ударом мешка с песком; 2) амер.

разг. заставлять, принуждать; 3) to sandbag a proposal амер. жарг. провалить предложение, навалиться, обрушиться на кого-л. К распространенным газетным жаргонизмам относятся такие глаголы, как *back-pedal* 1. тормозить велосипед; 2. жарг. 1) медлить, приостанавливать, тормозить (дело); 2) идти на попятный; *soft-pedal* 1. муз. брать левую педаль; 2. жарг. смягчать, сглаживать, приуменьшать (значение и т.п.); спускать на тормозах [At a meeting called by Aylesbury engineers, Mr. Mike Connel, was challenged by several speakers when he soft-pedalled the idea of non-redistration if Carr's Bill became law (Morning Star, 1971, Febr. 1)]; *bootleg* жарг. 1) тайно торговать контрабандными или самогонными напитками; 2) тайно торговать или нелегально распространять (что-л.); to bootleg aliens into the country нелегально ввозить в США эмигрантов; *feather-bed* 1. баловать, изнеживать; 2. амер. жарг. искусственно раздувать штаты (по требованию профсоюзов для уменьшения безработицы): [The motor worker earns every penny he gets and any person who thinks he is "feather-bedded" should spend a 40-hour week on the every morning track (Morning Star, 1971, May, 28)].

Очутившись в стилистически "чуждом" контексте литературно-письменного языка, слово фамильярной, разговорной окраски заостряет на себе внимание, создает комический эффект своей как бы "неуместностью", вызывая своим присутствием снижение сочетающейся с ним лексики. Рассмотренные глаголы, относящиеся к разговорной лексике, свидетельствуют о том, что в основе значения эмоциональности глаголов в газетном стиле лежит оценочность.

Наибольшую активность и подвижность в газетно-публицистической речи имеют стилистически-сниженные глаголы, которые ведут свое происхождение от просторечного, жаргонного или сленгового употребления. Так, например, фразеологический морфологически-сложный глагол to hijack вступает в коллокацию с широким кругом лексем, что свидетельствует о его семантической емкости: hijack амер. разг. 1) остановить на дороге и ограбить (автомобиль и т.п.), силой отнимать (что-л. у кого-л.); 2) заниматься воздушным пиратством: [(It seems as though Blue has returned to do his thing because all of the Mafia's heroin shipments into Harlem are being hijacked (Daily World, 1972, Aug. 16). Tory tries to hijack Labour meeting. An extraordinary little scene was enacted at the Commons yesterday when Tory MP tried, without success, to hijack a Labour council's press conference (Morning Star, 1979, Oct. 30). The Tanzanian Boeing 737 was hijacked in Tanzania (Morning Star, 1982, March). There was no doubting who had hijacked the Mail this week - anyone and everywhere who wanted to kick Labour (Morning Star, 1982, Oct. 2). Workers have every right to hijack the press when it becomes

nothing more than a tool to malign and abuse them (Morning Star, 1982, Oct. 2)].

Таким образом, многочисленный массив структурно-сложных глаголов-конверсивов, их словообразовательная ценность и стилистическая неограниченность свидетельствуют о том, что конверсия - наиболее характерный способ глаголообразования в современном английском языке, обладающий высокой продуктивностью и большим семантико-экспрессивным потенциалом.

В ее широком использовании нельзя не усмотреть действия принципа экономии в языке, использования им своих внутренних резервов за счет совмещения в производном слове взаимоисключающих значений разных лексико-десигнативных категорий в одной и той же структуре.

ФРАНЦУЗСКИЕ ОБЩЕВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В АСПЕКТЕ ИНТЕГРАТИВНОЙ ПРАГМАТИКИ

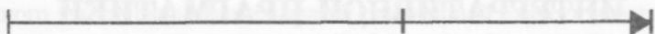
Панасенко О.И. (Харьков)

Ориентированность общевопросительных предложений (ОВП) на определенный ответ в процессе коммуникации рассматривается исследователями как со стороны контекста, так и со стороны использования специальных слов и сочетаний. Адекватное описание ОВП возможно лишь при комплементарном подходе, который принимает во внимание три диалектически взаимодействующих аспекта: синтаксис, семантику и прагматику (Кифер 1985: 333-349; Mæschler, Reboul 1994: 30-32; Mæschler 1996: 22-23 и др.). Такой синтетический подход получил название "интегративной" прагматики (Mæschler 1996: 24). В рамках данной теории языковые единицы рассматриваются как имеющие изначальное аргументативное (прагматическое) значение (Anscombre, Ducrot 1988). Вследствие взаимодействия синтаксиса, семантики и прагматики, ОВП, даже в отсутствие специальных маркеров детерминации ответа, оказываются ориентированными определенным образом (Ducrot 1981: 84-85). Такая аргументативная направленность представляет степень иллокутивной силы вопроса и фактически характеризует речевую стратегию говорящего, его прогнозирование перлокутивного эффекта. Содержанием последнего может быть как отрицание, так и подтверждение прагматической presupпозиции.

Так, исследователями отмечается, что ОВП с инверсией или морфемой *est-ce que* имеют отрицательную пресуппозицию: (1) *Que lui manquait-il ? L'argent. A défaut de la fortune de ses ancêtres, elle se contenterait de ce qu'elle trouverait. Epouser un millionnaire ? Mais y en avait-il encore ? (...)* *Un jeune homme riche ? Est-ce que ça se trouvait ailleurs que dans les romans arriérés, qui la faisaient rire ?* (Borniche)

Действительно, при замене выделенных вопросительных предложений соответствующими повествовательными с отрицанием, информационное содержание высказываний фактически останется без изменений: *Mais il n'y en avait plus ; Ça ne se trouvait ailleurs que dans les romans arriérés...* С другой стороны, если же заменить данные ОВП утвердительными предложениями, то смысл высказывания изменяется на противоположный: *Mais il y en avait encore ; Outre les romans arriérés, ça se trouvait ailleurs...*

Таким образом, ОВП с инверсией или с морфемой *est-ce que* оказываются ориентированными на отрицательный ответ, что позволяет представить подобные ОВП асимметрично на векторе отрицание-утверждение:

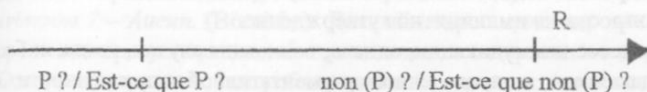
Il y en a

Y en a-t-il ?/Est-ce qu'il y a ?

Il n'y en a pas.

Следовательно, возможно констатировать, что подобные ОВП приближаются в речи к имплицитному отрицанию. Однако в дискурсе, где коммуникация является многоканальной, разнообразные контекстуальные факторы могут привести к ослаблению аргументативной направленности подобных ОВП. При этом, воспринимая сомнения говорящего (при отрицательной ориентации вопроса), собеседник может ответить утвердительно: (2) “ – *Croyez-vous tout connaître dans la vie ? demanda celui-ci. La réponse vint dans le noir, portée par la même voix tranquille : – Oui.* ” (Camus).

Для усиления иллокуции в распоряжении говорящего существует большое количество маркеров ориентированности, которые позволяют более эффективно воздействовать на процесс коммуникации. Среди системы маркеров детерминации ответа, который прогнозируется говорящим, форма отрицания *ne... pas* является семантически наиболее абстрактной и грамматизованной, а следовательно, употребляя отрицание в ОВП, говорящий может с большей уверенностью прогнозировать перлокутивный эффект своего высказывания. Таким образом, ОВП с отрицанием возможно расположить на векторе аргументативности как средство, имеющее большую иллокутивную силу, чем обычные ОВП :

В данной схеме Р – содержание пропозиции, а R – прогнозируемый (желательный) ответ.

Как правило, подавляющее большинство вопросов с инверсией или с *est-ce que*, в которых употребляется отрицание, являются ориентированными в значительной степени, что подтверждается их высокой частотностью риторического употребления в монологической речи и в монологических компонентах диалогической речи. Обычно содержание прагматической пресуппозиции таких высказываний, в отличие от подобных конструкций без отрицания, является положительным: (3) *Et le luth qui caresse votre âme, n'est-il pas le même bois qui fut évidé au couteau ?* (Gibran).

Следовательно, вопросительное предложение в данном примере возможно заменить без потери информационного содержания соотносительным повествовательным утвердительным предложением: *Le luth qui caresse votre âme est le même bois...*

Таким образом, ОБП данного типа употребляются в монологической (в широком смысле) речи для выражения имплицитного утверждения с ярко выраженным перлокутивным эффектом, что позволяет говорить о закреплённости за подобными конструкциями определенного (утвердительного) значения.

Схожее положение отмечается с подобными структурами и в диалогической речи, однако, речевая закреплённость в данном случае не столь ярко выражена, поскольку диалогическая речь обладает, по сравнению с монологической, большей степенью динамизма.

Так, наряду со случаями, когда употребление подобных ОБП с отрицанием является риторическим (ответ очевиден и для говорящего, и для собеседника): (4) – *Est-ce que nous n'allons pas devenir fous ? demandait-il à Berliac. Et de fait, certains jeudis, ils se sentaient étrangers : la pénombre s'était sournoisement glissé dans la chambre de Berliac, ils avaient fumé des paquet entiers de cigarettes opiacées, leurs mains tremblaient.* (Sartre), возможны случаи, когда собеседник воспринимает ОБП именно как вопрос и отвечает на него, и, как правило, утвердительно, как и прогнозировалось говорящим: (5) “*Vandomme. Hé là ! Vandomme... Saprejeu, Vandomme !... Monsieur votre grand-père ne se prénomait-il pas Anthénor ? Anthénor de Vandomme ? – Oui, monsieur.* (Bernanos). А.-М. Диллер (1984: 106) отмечает, что замена в ответе собеседником “*Oui*” на “*Si*” указыва-

ет, что адресант отдает себе отчет в том, что он отвечает не на “настоящий” вопрос, а на имплицитное утверждение.

В процессе коммуникации, однако, возможны случаи, когда, собеседник, отдавая отчет в определенной аргументативной направленности ОВП говорящего, а значит понимая, что выраженная говорящим возможность, является для него желательной, отвечает все же отрицательно, но, как правило, свое расхождение в мнениях с говорящим по поводу пропозиции он старается смягчить различными средствами: (6) – ... *Ily a longtemps que j'ai cessé de trouver ça original. – N'est-ce pas ce qui vous sépare de Paneloux ? – Je ne crois pas. Paneloux est un homme d'études.*” (Camus)

В данном случае собеседник отвечает на имплицитное утверждение говорящего (*C'est ce qui vous sépare de Paneloux.*) отрицательно, однако отрицание смягчено модальностью глагола (*Je ne crois pas*) и обоснованием несогласия собеседника с говорящим (*Paneloux est un homme d'études.*).

Одним из наиболее широко распространенных синтагматических средств выражения вопросительности в современном французском языке является использование ОВП, выражающихся с помощью интонации. Приближаясь к структуре повествовательного предложения, такие “интонативные” вопросы, как правило, являются ориентированными на подтверждение, т.е., приближаются к имплицитному утверждению: (7) – *Vous vous appelez Pablo Ibbieta ? Je dis que oui.* (Sartre). Однако, довольно часто в разговорной речи подобные вопросы употребляются говорящим и для простого запроса информации, другими словами, аргументативная направленность их остается весьма незначительной: (8) – *Ça vous dérange ? – Pas du tout.* (Bonniche). Специфика структур подобного типа заключается в том, что они оказываются в значительной степени зависимыми от широкого контекста, в отличие от ОВП инверсивного типа и с оборотом *est-ce que*. Для более эффективного воздействия на собеседника говорящий использует разнообразные маркеры ориентированности ОВП. Как и в случае с двумя предыдущими типами вопросов, одним из наиболее продуктивных средств ориентации ОВП является отрицание. Однако, в данном случае ориентация вопроса на определенный ответ оказывается в большей степени контекстуально зависимой, что требует от говорящего уточнения своей речевой интенции с помощью разнообразных, в первую очередь лексических, средств, которые усиливают аргументативную силу интонативных ОВП с отрицанием, приводя к “кумулятивному” эффекту. При этом, в зависимости от семантики маркеров, ориентация может быть направлена как на подтверждение предварительного мнения говорящего (содержание которого может быть как положитель-

ным, так и отрицательным), так и на отрицание : (9) – *Vous n'avez pas de patrimoine ? – Aucun.* (Borniche). Данный вопрос ориентирован на подтверждение пресуппозиции, об отрицательном содержании которой сигнализирует предлог *de*, употребляющийся без артикля. Аналогичным образом функционируют и другие маркеры : *du tout, absolument, presque, pratiquement, plus, encore, toujours, trop, assez*, etc. : (10) – *Elle n'est toujours pas mariée ? – Elle a failli le faire, il y a six mois...* (Lebrun).

В отсутствие определенных маркеров, “интонативные” ОБП с отрицанием воспринимаются собеседником как ориентированные на подтверждение отрицательной пресуппозиции : (11) – *Les enterrements ne sont pas surveillés ? – Non.* (Camus) ; (12) – *Tu ne rentres pas ? – Non, bien sûr, dit-elle simplement.* (Bernanos), т.е., говорящий составляет отрицательное предварительное мнение о пропозиции под влиянием контекстуальных факторов. Вопросы, выражающиеся интонацией, в таком случае являются свидетельством того, что для говорящего в данный момент содержание пропозиции представляет проблему, которую он пытается разрешить, запрашивая информацию у собеседника.

Таким образом, в “интонативных вопросах”, как и в других типах ОБП, отрицание может употребляться как оператор вербального взаимодействия, но для того, чтобы собеседник правильно истолковал речевую интенцию говорящего, в подобных ОБП значительно шире используются разнообразные маркеры ориентированности различной природы.

Кроме рассмотренных выше средств, придающих аргументативную направленность ОБП, во французском языке употребляются и некоторые другие маркеры, которые выполняют не только функцию операторов вербального взаимодействия, но и участвуют в образовании вопросительного значения высказывания. Таковыми являются постпозитивные *n'est-ce pas, oui, non, si, hein (hé), pas vrai*, etc : (13) – *Vous avez dormi, n'est-ce pas ? demanda Rieux. – Oui.* (Camus). Однако на сегодняшний день среди исследователей не существует единого мнения по поводу функционирования подобных морфем в речи, и их описание представляет определенные трудности (см., например, Rémi-Giraud, 1991 : 58-59 ; Kerbrat-Orecchioni 1991 : 89 ; Гак 1986: 127 и др.).

Таким образом, анализ совокупности подобных языковых средств, использующихся участниками процесса коммуникации, доказывает исключительную важность взаимодействия семантического и прагматического уровней, позволяет представить языковую систему в динамике контекста, проследить возможные реализации языковых моделей, закрепленных в системе и описать многочисленные прагматические эффекты, вызванные актуализацией виртуальных когнитивных программ.

ЛІТЕРАТУРА

1. **Anscombe J.-C. et Ducrot O.** (1988) L'argumentation dans la langue. – Liège – Bruxelles : Pierre Mardaga.
2. **Diller 1984** : Diller A.-M. La pragmatique des questions et des réponses. Günter. – Nazz Verlag. – Tübingen.
3. **Ducrot 1981** : Ducrot O. La valeur argumentative de la phrase interrogative // Logique, argumentation, conversation. – Fribourg, 1981. – P. 79-110.
4. **Moeschler 1996** : Moeschler J. Théorie pragmatique et pragmatique conversationnelle. – Paris : Armans Colin, 1996. – 255 p.
5. **Moeschler, Reboul 1994** : Moeschler J., Reboul A. Dictionnaire encyclopédique de pragmatique. – Paris : Seuil, 1994. – 975 p.
6. **Kerbrat-Orecchioni 1991** : Kerbrat-Orecchioni C. L'acte de question et l'acte d'assertion : opposition discrète ou continuum ? // La Question. – Presses Universitaires de Lyon, 1991. – P. 87-113.
7. **Rémi-Giraud 1991** : Rémi-Giraud S. Question et assertion de la morpho-syntaxe à la pragmatique. // La Question. – Presses Universitaire de Lyon, 1991. – P. 33-63.
8. **Гак 1986** : Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис. – М.: Высшая школа, 1986. – 220 с.
9. **Кифер 1985** : Кифер Ф. О роли прагматики в лингвистическом описании. // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16. – С. 333-349.

СЛОВО ЯК ШЛЯХ САМОРЕАЛІЗАЦІ ТА САМОРЕГУЛЯЦІ ОСОБИ

Пасинок В.Г., канд. пед. наук (Харків)

Саморегуляція як стан особи, що визначається відповідністю її поведінки реагування на події і ситуації в кожному даний момент життєдіяльності з урахуванням динаміки подій, що виникають навколо неї є, мабуть, основним і самодостатнім показником відповідного рівня соціально-психологічної вихованості. Саморегуляція передбачає низку зовнішніх поведінкових і внутрішніх морально-емоційних станів, які коригуються самою особою. Вищим рівнем саморегуляції суб'єкта є внутрішнє переживання стану самореалізації. Власне заради досягнення відповідного стану й результату самореалізації будуються і реалізуються плани, різноманітні завдання навчання, виховання і освіти.

Коли М. О. Бердяєв [2, с. 84] писав про пошук сенсу життя і відкриття істини, а М. О. Лосський роздумував про любов до особи, що здатна перерости до розмірів вселенської [10, с. 182-196], то і перший, і другий мали на увазі не лише створення певного відчуття, стану душі, способу поведінки й життя, але й вираження усіх цих феноменів у слові, голосі, звучанні, інформації. В усіх цих і інших випадках самореалізації особистості процес мовлення посідає провідне місце.

Сама сутність самовираження і саморегуляції особистості через слово й процес мовлення є справді визначальним, хоч у побуті, в практичному житті та і в науковій літературі такого зведеного, узагальненого, психоло-

го-соціологічного його тлумачення і визначення педагогічних шляхів його здійснення ми досі не зустрічали.

Наша концепція мовленнєвого шляху щодо самореалізації, безумовно, будеться на працях видатних попередників і сучасників. Нам імпонують ідеї В. Вернадського і К. Д. Ушинського про широкі взаємовпливи й взаємозв'язки між усім живим і неживим світом довкілля, як і витонченість видатних майстрів слова Л. Толстого, Л. Українки, С. Цвейга, Д. Голсуорсі, Т. Шевченка, О. Пушкіна, М. Лермонтова та багатьох інших про тонкощі впливу слова, ідеї, що спрямовуються на душу й тіло вихованця, на людину взагалі.

В наших наукових пошуках ми намагаємось використати відомі нам дослідження про роль, значення, силу слова як формуючого, виховуючого і зміцнюючого фактору, але й акцентуємо увагу на його педагогічних можливостях. Особливого й активно-творчого підходу заслуговують ті дослідження, які допомагають людині зміцнити своє здоров'я, підняти свій статус особистості – оптиміста та реалізувати себе в соціально-професійній діяльності і в приватному житті в якнайкращий спосіб. Слова, говорить Г.М. Ситін [12], здатні відігнати й хвороби, поганий настрій та підтримати життєвий тонус організму, поліпшити імідж. Створені ним “цілющі настрої”, перевірені практикою: вони мають оздоровчий ефект, суть їх полягає в тому, що вони базуються на смислових елементах, які гальмують негативні уявлення і думки хворого про себе, можуть навіть зміцнювати позитивні генетичні задатки. Людина, що керується ідеєю оздоровлення, перемагає старіння, як і всі хвороби, та допомагає визначити життєвий шлях людини.

Визнана вченими концепція І.П. Павлова про дві сигнальні системи засвідчує зв'язок другої сигнальної системи (мови) з підсвідомістю людини, що керує фізіологічними процесами організму. А якщо такий зв'язок є, то словом можна цілеспрямовано впливати на психіку людини і через неї буквально на всі процеси: поновлювати і підсилювати функції окремих органів, мобілізувати саморегуляцію, формувати поведінку. Сьогодні нам стали відомими відкриття К. Юнга і З. Фрейда, В. Франкла і П. Брегга про значення інтуїтивного й свідомого для процесу самореалізації особи. Інтуїтивні процеси тісно взаємодіють з другою сигнальною системою. А тому філологічні роздуми В. В. Виноградова, М. М. Бахтіна, Б. А. Ларіна, Р. А. Будагова [5; 3; 4] та інших лінгвістів про естетику мови, мовлення, та про те, що говорити “красиво” або недбало – то є питання не тільки мовознавче, але й психолого-педагогічне, соціальне. “Краса” як провідний компонент емоційно-почуттєвого стану людини так чи інакше торкається міжособистісних стосунків, забарвлює їх у радісні чи сумні то-

нальні відтінки, що безпосередньо впливає на життєдіяльність особи та її оточення.

Будь-який процес мовлення - це комунікативна, соціально-психологічна система, за допомогою якої люди спілкуються та здійснюють відповідний вплив, у якому реалізуються їхні задуми. Переоцінити таку функцію мови просто неможливо. За допомогою слова, як і в самому процесі мовлення, люди передають свої почуття і переживання, захоплення і здивування, радість і горе, сум і веселість. І цілком слушно Р. А. Будагов [5, с. 64] зауважує, що в таких випадках мова є не тільки засіб комунікації. Вона допомагає особі самовиразитись, розкрити своє ставлення до світу, природи, довкілля, до інших людей, громадських чи державних установ і т.п. Автор підкреслював поліфункціональність самого мовлення - залежність мови від загального рівня культури суспільства. З нашого погляду, будь-який елемент мовлення може набувати певних емоційно забарвлених характеристик завдяки тому, як до цього ставитись.

У нашому дослідженні ми не маємо наміру піднімати суто лінгвістичні питання та піддавати сумніву основне комунікативне призначення мови. В 1905 р. професор О. А. Потебня, а в 1923 р. Л. В. Щерба звернули увагу на те, що естетикою мови займаються лише поети та прозаїки. У той же час мова була, є і буде не тільки способом комунікації, але і способом вираження, самовираження і самореалізації мовця. І кожна людина час від часу може себе почувати митцем.

Виникає питання, безумовно, і щодо естетики мови (як системи знаків, символів) і самого процесу мовлення. Ми обираємо тут інтегративний феномен мовлення та пошук педагогічних умов його розвитку, вдосконалення як засобу і комунікації, і впливу та самовираження і самореалізації кожної окремої особи.

Наше завдання ми вбачаємо в тому, щоб навчити студента як можна краще використовувати силу слова, спрямовану на зміцнення здоров'я, поліпшення власного іміджу, опанування освітою, щоб сприяти гармонізації внутрішнього і зовнішнього стану, злагоди самого себе з собою та з довкіллям.

Ми розглядаємо слово, процес мовлення, мовленнєву діяльність як засіб саморозвитку особистості і самовираження шляхом ефективного впливу на інших. З цього погляду цікавими є як лексичне значення слова, так і техніка його проголошення. І тут, і далі ми маємо на увазі індивідуально-особистісний характер процесу мовлення. Не піддаючи сумніву доцільність мовознавчо-лінгвістичних підходів до диференціації, стильових засобів, ми маємо намір говорити про індивідуальний тон (тональність) і власний стиль мовлення кожного вихованця. Мова йде не лише про техніку процесу мовлення, але й про те, що у різних осіб одне й те ж звукове вираження

має різний характер, справляє відмінний від інших вплив на слухача чи співрозмовника, про що наш учень мусить знати.

Почнемо з того, що слово – спосіб самовираження думок, почуттів, настрою, бажання, наміру. І вже це вимагає від кожного мовця вибирати єдино вірний для даної ситуації тон, тембр, яким буде сказано слово.

Аспекти розвитку мовленнєвої підготовки й мовної культури студента стають складниками, основним структурним матеріалом для забезпечення самого процесу мовлення, мовленнєвої діяльності взагалі.

Перший аспект, який полягає в тому, щоб озброїти особу багатством словникового складу, граматичною структурою, знанням основних фразеологічних конструкцій мови, наповнює процес мовлення конкретикою мовознавчого матеріалу. Цей напрямок передбачає методику вільного використання мовного багатства в будь-яких ситуаціях: службових, приватних, офіційних, наодинці з собою, при спілкуванні і т.д.

Мова йде про те, що кожна свідома людина може оволодіти відповідним рівнем культури мовленнєвої діяльності як такої, в якій відбивається рівень її професійної і індивідуально- особистісної підготовки.

Процес мовлення є дзеркалом духовного і певним чином фізичного стану людини, а це означає, що будучи важливим елементом виховного впливу процесу мовлення, “культура слова”, вибір слова, словосполучення, фразеологічного звороту вимагає відповідної обробки, шліфування голосом, щоб мати адекватну реакцію. У зв'язку з цим аспект вибору слова ми ставимо на перше місце та вважаємо його основним елементом мовленнєвої діяльності вчителя.

В залежності від ситуації мовець обирає слово, яке може відразу привернути увагу співрозмовника та викликати необхідну реакцію. Шлях самореалізації через процес мовлення здійснюється з допомогою самостійних занять, виправлення у виголошуванні фраз, висловів, уривків, у яких відображаються відповідні почуття, висловлюються думки, зміцнюються духовні і фізичні сили людини. Список джерел для читання мусить бути різнобічним з урахуванням віку вихованця, уподобань, професії, рідного стану, планів на майбутнє.

Техніка мови, мовлення (в рос. мові - *речь*) в теорії і досвіді окремої особистості ставиться нами на перше місце. В зв'язку з цим і перше завдання: оволодіти мовною культурою, щоб користуватись нею для самоорганізації, самореалізації, саморегуляції та позитивного впливу на людське оточення як в домашніх, так і в службових умовах. Внутрішньої особистісної свободи людина досягає теж з допомогою слова, в якому висловлюється і віра, і надія, і любов, і знання, і впевненість у собі та дається

самооцінка й оцінка всього, що відбувається, що, безумовно, впливає на процес саморегуляції, самокорекції.

Розвінчування часто повторюваної деякими людьми думки про те, що “знаю, але сказати не можу” викликає інтерес студентів. Значить, особа мало знає, погано чи зовсім чітко уявляє предмет чи процес обговорення, а тому треба, опановуючи знаннями, вчитись способам їх вираження у слові, у схемі, наочному посібникові.

Головне в процесі оволодіння культурою слова і багатством словникового складу є, як говорив В.О. Ключевський, поєднання, гармонізування думки (мислі) і слова. Опанування культурою слова потрібне для поглиблення процесу мислення і духовної сфери. Словниково-фразеологічне багатство змінює і конкретизує процес мислення. Це означає, що мовленнєва діяльність поглиблює не тільки розумові здібності студента, допомагає процесу самопізнання, самоусвідомлення, але й самореалізації та саморегуляції.

Другим важливим аспектом мовленнєвої діяльності є якості звучання голосу.

Лексико-фразеологічне багатство – це фактична, смислова частина усної і письмової мови й усного мовлення, воно віддзеркалює загальну особистісну культуру індивідуума. Звучання усного слова, музика мовлення є складником мовленнєвої педагогічної діяльності. Кажуть, що немає тоншого й багатшого інструмента, ніж голос людини. Голос може звучати на високому, низькому, середньому регістрі, може викликати радість, смуток, жаль чи роздратування, бути приємним чи розпачливим, допомагати зосередитись, замислитись, замилуватись чи заважати слідувати за ходом думки, викликати протест.

В поняття “музики” усної мови /мовлення/ входять багаточисленні компоненти, в тому числі: темп, динаміка, інтенсивність, тембр звучання та багато інших експресивних елементів, про що ми вже писали на попередніх сторінках. В даному випадку ми маємо намір об’єднати обидва аспекти в єдиний процес мовленнєвої діяльності. Мовленнєву діяльність ми кваліфікуємо як процес, що по суті має місце в житті кожної людини. Певною мірою саме в процесі мовлення (мовленнєвої діяльності) особа розкриває свій внутрішній світ, визначає свої наміри, бажання, формує життєву й громадянську позицію, дає підстави для того, щоб бути прийнятною адекватно. Ми переконані, що в педвузах мусить мати місце спекурс “Постава голосу”.

Процес мовленнєвої діяльності ми розглядаємо як засіб самокорекції: мова йде не просто про внутрішнє мовлення, як про це пишуть лінгвісти, Ми говоримо про мовлення “до себе й про себе” як про педагогічний, ви-

ховуючий і формуючий засіб та шлях до опанування ситуацією, професійною майстерністю та способом саморегуляції і самовираження.

“Мова про себе, до себе” є найпростішим і найголовнішим фактором саморозвитку, самовиховання, саморегуляції. Саме в зв’язку з цим ми приєднуємось до автора книги “Педагогіка особистості” [11], можливо вперше в історії педагогічної думки і практики заявляємо вголос як про ефективний шлях розвитку мови та вдосконалення культури мови, мовленнєвої діяльності. Нами розроблені відповідні пояснення, окремі педагогічні правила, принципи, форми реалізації.

Нами визначені такі принципи формування мовної культури як засобу самовираження:

1) самоусвідомлення особою своєї унікальності і неповторності, що вимагає розробки для кожної окремої людини своєї індивідуальної методики постави голосу.

2) принцип взаємозв’язку кожної особи з довкіллям, яке адекватно реагує не тільки на дії особи, але й на слово, голос, характер мовлення і навіть думки, почуття.

3) принцип необхідності співіснування особи з іншими істотами в мирі і злагоді. Дотримання такого принципу дає неперевершені результати в процесі розв’язання питань проблеми особистісно-індивідуальної і колективної гармонії (гармонізації, що веде до морально-психологічного затишку)

Певною мірою в даному принципі втілюються вимоги ідеї виховання в колективі, для колективу і через колектив. Разом з тим у нас провідним є позиція про зверхність інтересів особистості, яка свідомо, добровільно сприймає факт співжиття як реальну необхідність через партнерство, співробітництво, співпрацю з іншими, мирне співіснування.

Вироблені нами принципи вимагають і певних правил їх дотримання. Ми пропонуємо такі три педагогічні правила, дотримання та виконання яких допомагає ефективності формування відповідного рівня мовленнєвої культури.

Перше правило. Усвідомлення того, що все, про що людина думає, що чує, бачить, сприймає, оцінює чи обезцінює – все це вона здійснює з допомогою слова і тільки через нього виносить свій вердикт. Щодо першої сигнальної системи і її безпосереднього впливу на особистість, то й вона на людину впливає не без участі другої сигнальної системи/слова/. Тобто, сприйняття реального світу природи, суспільства, виробничого чи творчого процесу здійснюється людиною зовсім не так, як це відбувається у світі тварин, хоч, як правило, ми увесь час чуємо, що перша сигнальна система для людини є однаковою, спільною з іншими

живими істотами. Але ж вона є спільною по способу дії, а не по характеру сприйняття її людиною. Людина і реальні процеси, предмети, явища при сприйнятті /і в процесі їх спостереження/ все одно намагається називати, дати ім'я, визначити словом, щоб для себе відмітити риси, що є характерними, спільними чи різними для всього, що є, впливає, з чим взаємодіє особа.

Таким чином, уже на найпершому етапі спостереження і сприйняття реальності у людини воно відбувається по-своєму, по-людськи, з участю другої сигнальної системи – мови, слова, називання, мовлення. А тому й правило: чітко визначати з допомогою слова все, що цікавить.

Друге правило. Мова, слово, змінюючи предмет чи процес об'єктивної реальності формою називання, звуковим чи голосовим ефектом, викликає у людини таку ж реакцію, як і сам предмет чи процес, а тому і реакція особи на слово відповідає реакції на саму дію, предмет, явище. Правило таке: намагайся якнайкращим чином, "своїм голосом" назвати предмет розмови чи процес, пам'ятаючи, що "звук" вашої мовленнєвої діяльності може поліпшити, але може й погіршити настрій слухача, його ставлення до співрозмовника.

Третє правило. Сама дія, предмет, явище завжди є /відносно/ стабільним, тоді як слово, що їх називає, може бути мовлене з меншою чи більшою експресією /виразністю/, і тоді реакція на нього теж буде різною. Користуватися такими правилами є справою корисною для кожного, а для цього й необхідно для себе розв'язати питання техніки мови.

Подібного роду відмінності між сприйняттям твариною і людиною реальних дій і предметів об'єктивного світу не завжди враховуються у вихованні. І тому ми пропонуємо замислитись над нашими висновками, зробити для себе певні висновки й спробувати стати на шлях самовдосконалення з допомогою слова. Самовдосконалення для ряду професій є шляхом поглиблення професіоналізму та самопізнання, що плідотно сприяє самореалізації особистості та її саморегуляції.

Прості й усім доступні вправи, які ми пропонуємо студентам, пов'язані зі звертанням до себе як до особливо розумної, красивої, доброї, сильної, привітної індивідуальності, можна використовувати не лише ті, які ми пропонуємо. Кожна особа може створити для себе їх сама, виходячи з тієї, загальної концепції щодо мовної підготовки особи.

Третій аспект культури мовлення: жести, міміка, пантоміміка, рухи, вираз очей, губ, всієї постаті мовця.

Процес мовлення, як правило, супроводжується різного роду жестами, зміною виразу обличчя, очей, губ, обличчя взагалі, пантомімікою.

Даний аспект можна сміливо віднести до театральної педагогіки. Але ж учитель - це актор, як зауважують автори, які досліджують питання культури мовлення особи взагалі, а вчителя - зокрема. Так, Н. Д. Бабич пише: "Учитель—професіонал, і від нього вимагається мистецтво красномовства не в умовах сцени, а в умовах класу. Щоб бути хорошим учителем, треба любити те, що викладаєш, і любити тих, кому викладаєш. Професійні знання, контакт з аудиторією, володіння мовою, почуття міри, необхідності й можливості забезпечать оволодіння мистецтвом виразного мовлення. Щоправда, гарного результату не буде, якщо не зважати на психологічні особливості аудиторії, її вік, а значить, особливості сприйняття, мислення уявлення, її досвід, тобто якості базових знань, її емоційну "податливість" та ін." [1, с. 142]. Пояснюючи роль і значення курсу виразного читання, автори (Н. Д. Бабич [1], Г. О. Винокур [6], А. Й. Капська [8], А. П. Коваль [9] та ін.) характеризують його призначення як таке, яке навчає студента правильному і приємному для слуху відтворенню тексту у повному обсязі його логічного і художнього змісту, згідно з намірами автора або ж самого мовця. Виразне мовлення - це оформлене відповідно до мети і з урахуванням специфіки слухача усне мовлення, яке, внаслідок своєї правильності і емоційно-естетичної завершеності, передає думку та почуття самого оратора й викликає відповідну реакцію слухача.

Можна сказати, що із наших сучасників лише у працях В. А. Кан-Калік [7] та у А. Й. Капської [8, с. 76-80] є намагання охарактеризувати такий феномен артистизму як педагогічний.

Разом з тим, питання виразу обличчя, характеру міміки й жестів у процесі мовлення називається багатьма авторами як таке, що варте уваги: А. С. Макаренко, Н. Д. Бабич, І. А. Зязюн, А. П. Коваль, А. Й. Капська, І. Н. Горелов, Л. С. Нечепоренко.

Але мова у їхніх працях іде взагалі про артистичні уміння вчителя в контексті його професійної майстерності. Ми ж маємо намір визначити зовнішні реакції вчителя в процесі мовленнєвої діяльності та кваліфікувати його як елемент загальної мовної підготовки.

Зупинимося на окремих з них.

Вираз обличчя. З деяких часів веде свій початок наука про зовнішні ознаки особи, за якими можна визначити характер людини, а в середні віки по виразу обличчя передбачали (передрікали) й саму долю. Такими є науки: фізіогноміка, френологія, хірогномія. Має значення і символіка кольору та його відтінків обличчя. Мова йде не про містичну визначеність побудови голови чи форми обличчя, фігури, а про те, як свідомо, в процесі мовлення, можна використати рухи, жести, вираз обличчя, підсилю-

ючи чи нейтралізуючи вплив слова, підтримуючи чи гальмуючи увагу слухача.

Основною позитивною силою впливу на слухача є посмішка. Посмішка буває такою сильною зброєю, що здатна перебудувати мікроклімат як у навчальному класі, в групі, так і при індивідуальному спілкуванні. Існує безліч видів посмішки: доброзичлива, знущально-принизлива, поблажлива, скептична, довірлива, високомірна, зневажлива, презирлива, вимушена, ввічлива і т. п. На нашу думку, вчителя необхідно чити, виходячи з принципів загальної класичної педагогіки, доброзичливо-поблажливо посміхатись, ледь помітно надаючи виразу обличчя привітності, добродійності, готовності до позитивної взаємодії, до взаємодопомоги.

Розглядаючи тему про методи навчання і виховання, урок як основну форму організації навчання в школі, а також під час вивчення педагогіки й методики викладання навчальної дисципліни та готуючи студентів до педагогічної практики, є цілком реальна можливість теоретично й практично торкнутися розв'язання проблеми мовлення в його даному аспекті.

Робота по виробленню уміння втілювати в своєму виразі обличчя чуйність, доброзичливість пов'язувалась з ідеєю індивідуального, особистісного пошуку власного іміджу як такого, що забезпечує:

- 1) професійну озброєність;
- 2) власну (індивідуально-особистісну привабливість та чарівність);
- 3) шлях до успіху в праці, приватному та сімейному житті.

Уміння посміхатись формувалось шляхом навчання користуватись мовленнєвим апаратом (губами, наприклад) та виразом очей, рухами та жестами різних частин тіла, що беруть участь у вираженні основної думки мовця.

Ми відкрили для себе, що переважна більшість студентів (75 %) взагалі не мали жодного уявлення про те, що посмішка змінює всю зовнішність особи (надає їй привабливих рис) та впливає на характер мовлення, полегшує процес взаєморозуміння, сприяє успішному розв'язанню будь-яких проблем. Інформація про настрій, наміри, дії, рухи, які під впливом посмішки стають більш вираженими, приємними й такими, що сприяють досягненню успіхів, для багатьох студентів стали відкриттям великого особистісно-індивідуального сенсу.

Тасмниці обличчя вивчалися окультними науками й тривалий час не визнавались фундаментальними науками не тільки в колишньому Союзі, але й на цивілізованому Заході. Разом з тим сам факт невизнання не може бути науково обґрунтованим чи вмотивованим. Театральна педагогіка, історія її розвитку мають зовсім інші свідчення, які варті того, щоб до неї звертались і серйозні дослідники. У нашому випадку ми привертаємо увагу до питання: як вираз обличчя вчителя, викладача (особи взагалі) допомагає йому

виконувати свої професійні обов'язки вихователя. І в цьому аспекті ми маємо переконливі докази того, що привабливість особи вчителя розпочинається (відкривається) привабливою посмішкою, привітністю, що світиться в очах, м'яких жестах, у поставі голови. Різноманітні рухи під час мовлення (в процесі спілкування чи при будь-яких інших видах комунікації) підкорюються одному: виразу обличчя і адекватному звучанню голосу.

У Харківському педагогічному коледжі, яким керує талановитий педагог - кандидат педагогічних наук Г. Ф. Пономарьова, ведеться плідна робота по валеологічному вихованню (оздоровленню) студентів без медикаментозного втручання: словом, процесом спілкування, мовленням, поведінкою. У цей процес залучено всіх співробітників педколеджу. Розроблені музично-педагогічні вистави, студентські конкурси, концертні програми окремих викладачів-музикантів будуються на засадах практичної театральної педагогіки, артистизму, який став елементом навчально-виховного процесу й діяльності цієї установи. Основним "лікувально-оздоровчим" заходом колектив педколеджу визначив стосунки, виховуючі відношення, а також слово, процес мовлення, який ґрунтується на привабливості посмішки, виразу обличчя, м'яких рухах, жестах і т. ін.

Таким чином, питання про процес мовної підготовки вчителя в університеті ставиться і розглядається нами із загальнопедагогічних позицій і полягає в тому, що: мова й процес мовленнєвої педагогічної діяльності є не тільки джерелом знань і різного роду інформації, але й засобом та фактором саморозвитку особистості студента.

У зв'язку з цим мовна культура вчителя може розглядатись як загальнопедагогічний феномен, в якому проявляються дидактичні, виховні, професійно-формуючі уміння майбутнього вчителя.

Процес мовленнєвої діяльності вчителя є провідним елементом його професії, а тому його організація й методика здійснення є проблемою загальнопедагогічною.

Мовна підготовка вчителя взагалі – це явище багатоаспектне. Воно включає в себе не тільки коло питань, яке розглядається традиційно: дотримання нормативних фонетичних, граматики-синтаксичних, стилістичних норм, але й опанування широким спектром техніко-технологічних норм, правил мовлення, до яких входить постановка голосу, дотримання правил тримати голову, тіло взагалі у просторі, користування жестами, мімікою, опанування відповідним чином виразу обличчя.

ЛІТЕРАТУРА

1. Бабич Н.Д. (1990). Основи культури мовлення. – Львів.
2. Бердяев Н.А. (1991). Самопознание, - М : Наука.
3. Блонский П.П. (1989). Выбор профессии: Избр. Пед. соч. - М.: Наука.
4. Богатырев В.А. (1991). Психолого-педагогические особенности использования ролевой игры в профессиональном становлении учи-

теля //Проблемы освоения театральнoй подготовки будущего учителя. - Полтава. - С. 254 - 256. 5.Будагов Р.А.(1975). Эстетика языка (статья 1)// Русская речь.Москва. - №6. - С.63 - 72. 6. Винокур Г.О. (1984). Культура языка //Основы культуры речи. - Хрестоматия. - М.: Наука. - С.163 - 173. 7.Кан-Калик В.А. (1987). Учителю о педагогическом общении. - М.: Наука. 8.Капська А.Й. (1997). Педагогіка живого слова. - Київ. 9.Коваль А.П.(1992).Ділове спілкування. - Київ. 10.Лосский Н.О. Условия абсолютного Добра. - М.: Наука. 11. Нечепоренко-Л.С. (1993). Педагогічний пошук - Харків. 12. Сытин Г.Н. (1990). Животворящая сила. Целительные настроения. Помогите себе сам. - М.: Наука.

ГИБРИДНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ НА ПЕРИФЕРИИ ЖАНРОВ

Перлина Ю.Г. (Днепропетровск)

При исследовании немецкой эпиграммы мы исходим из общепринятого в современной филологии представления о жанре как об исторически развивающейся, открытой системе, контактирующей на разных стадиях своего развития со всевозможными родственными формами и обогащающейся за их счет.

Наблюдения над динамикой развития эпиграммы с 17 в. по 20 в. позволяют говорить о существовании в немецкой поэзии типичных эпиграмм, составляющих ядро эпиграмматического жанра - тип текста "эпиграмма", и так называемых гибридных образований, функционирующих на периферии жанра.

Одним из важнейших специфических параметров, который (в совокупности с другими признаками) позволяет однозначно идентифицировать типичную эпиграмму среди иных художественных произведений, является двухчастность композиции. Традиционно эпиграмма состоит из заголовка и собственно текста, в последнем вычленимы две текстымы: экспозиция и клаузула, например:

Der Gelehrte

} заголовок

Gleich einem Woerterbuch hat er, was der gedacht,

Und der getan und der gewesen,

Mit Fleiss und Mueh' in seinen Kopf gebracht;

Den eignen Geist nur liess er ausser Acht,

Den hat er totgelesen.

} экспозиция

} клаузула

(Deutsche Epigramme 1973: 110)

При рассмотрении эпиграммы в диахронии следует учитывать, что мировая эпиграмматическая поэзия прошла долгий путь от одночастной структуры к двухчастной. Переход к двухчастной композиции эпиграммы связывают с именем Марциала. На некоторых этапах развития немецкой эпиграмматики наблюдался временный возврат к простой одночастной надписи (особенно во время зарождения и становления жанра в 16 – 17 в.в., а также в творчестве Й. Г. Гердера в конце 18 в. и Б. Брехта в середине 20 в.). Поэтому в корпусе проанализированных эпиграмматических текстов встречаются исключения, которые лишь подтверждают общее правило двухчастной структуры эпиграммы. Это бывает в двух случаях.

Первый из них имеет место тогда, когда текст снабжен объемным конкретным заголовком (и/или авторской графической иллюстрацией, изображающей объект описания), способным(и) по объему содержащейся в нем (них) содержательно-фактуальной информации заменить собой экспозицию. Такой пространственный заголовок презентует объект, выполняя функцию первой текстемы эпиграмматического текста. Необходимость в собственно экспозиции в таком случае отпадает, и эпиграмма имеет вид одночастного текста. В качестве примера приведем медитативную антивоенную эпиграмму Б. Брехта, которая в оригинальном издании (как и все из цикла фото-эпиграмм "*Deutsche Kriegsfiabel 1*") служила надписью под документальным фотоснимком, зафиксировавшим известного главаря фашизма, поджигателя крупнейшей из войн во время его напутственной речи перед выступлением войск на фронт:

<i>Der Anstreicher spricht von kommenden</i>	} заголовок (и фото) –
<i>grossen Zeiten</i>	
<i>Die Waelder wachsen noch.</i>	} клаузула
<i>Die Aecker tragen noch.</i>	
<i>Die Staedte stehen noch.</i>	
<i>Die Menschen atmen noch (Brecht 1973: 228)</i>	

Заголовок и отсутствующий здесь фотоснимок презентуют референта, заменяя собой экспозицию. Собственно текст эпиграммы – это клаузула как монолитное целое (несмотря на автосемантическую целостность каждого из четырех составляющих ее предложений). По прочтении текста и ретроспективно – заголовка – читатель содрогается от мысли, что “всего этого может и не быть, все может быть вскоре уничтожено!”. Цель – подвести реципиента к самостоятельному выводу – достигнута, текст состоялся как эпиграмматический, несмотря на фактическую одночастность. Такой метод эпиграмматизирования подвергался резкой критике Г. Е. Лессингом как несовершенный (Lessing 1981: 89).

Второй случай представлен эпиграммой в ее исконном значении “надгробной надписи”, исполненной искреннего пиетета и не предполагающей при этом иронии:

Hier liegt

Der Gesandte der Elendsquartiere

Der Beschreiber der Peiniger des Volkes

Sowie ihrer Bekaempfer

Der auf den Universitaeten der Landstrassen ausgebildet wurde

Der Niedriggeborene

Der das System von Hoch und Niedrig hat abschaffen helfen

Der Lehrer des Volkes

Der vom Volk gelernt hat.

(Deutsche Epigramme 1973: 277)

Здесь набор развернутых перифраз изображает известного писателя из народа – А. М. Горького, и весь текст целиком представляет собой экспозицию.

Сопоставление этих с точки зрения семантического наполнения – совершенно разных текстов – приводит к выводу о том, что оба они созданы в древнегреческой традиции эпиграммы-надписи. Согласно классификации Й. Г. Гердера, это – генетически первый, самый простой тип одночастных эпиграмм (*Herder 1888: 355 – 366*).

В целом же тенденция к одно- или трехчастной композиции прослеживается в миниатюрах гибридного характера, тяготеющих к другим жанрам. При этом, в зависимости от перевеса остальных текстообразующих признаков, одночастные произведения могут быть квалифицированы как эпиграмматическая пословица, эпиграмматический афоризм или эпиграмматический шпрук. Для наглядности приведем несколько примеров:

Dummheit, die man bei andern sieht,

Wirkt meist erhebend aufs Gemuet.

(Deutsche Epigramme aus fuenf... 1969: 59)

Auf mit dem Herzen!

Veraechtlich ist der Mensch, der unter Menschen lebt

Und sich nicht ueber das, was menschlich ist, erhebt.

(Deutsche Epigramme 1973: 46)

По общим признакам эпиграммы и шпруха (краткость, лапидарность, медитативность) мы называем эти миниатюры **эпиграмматическими шпрухами**. Отсутствие ярко выраженного эпиграмматического пуанта (он намечен здесь шплагзацем – неожиданным поворотом мысли) и тяготение к одночастности не позволяют отнести их к “чисто эпиграмматическим”, то есть к типу текста “эпиграмма”.

Wer den Kopf haengen laesst, uebersieht vieles.
(Eulenspiegel 1989/20: 6)

Kein Widerspruch
Ein Atheist kann trotzdem ein
Krankenscheinheiliger sein.
(Schiffers 1986: 61)

Ети два текста можуть бути кваліфіковані як **епіграматическі афоризми**, поскольку для них характерны прежде всего общезначимость и краткость (признаки афоризма), а с эпиграммой их роднит стиховая ритмическая организация и шплагзац. Тяготение к одночастной структуре оставляет их в ранге переходных форм /ср. рассуждение эпиграмматиста Х. Кайша по этому вопросу: *"Wo ein kurzes, pointiertes Sinngedicht eine andere Struktur aufweist, wo statt der Zweiteilung Geschlossenheit vorliegt, haben wir es nicht mit einem echten Epigramm zu tun, sondern mit einem nahen Genreverwandten, dem Aphorismus. Die beiden moechten nicht verwechselt werden"* (Keisch 1981: 76)/.

Die Wahrheit ist ein selten Kraut,
Noch sel't'ner, wer sie wohl verdaut.
(Dreselly 1898: 141)

Was man besonders gerne tut,
Ist selten ganz besonders gut.
(Deutsche Epigramme aus fuenf... 1969: 137)

Данные тексты мы рассматриваем как **эпigramматические пословицы**. В первом случае источником эпigramматизации послужил, скорее всего, фразеологизм *die Wahrheit zu kosten bekommen*, во втором – компиляция пословиц *Was man gern tut, geht leicht von der Hand* и *Besser tun, was man nicht will, als tun, was man nicht soll*. Процесс эпigramматизации включает здесь ритмическую организацию, заключение в рифму пословичного материала, придание ему оригинальности, главным реализатором которой является шплагзац за счет активизации буквальных значений лексических единиц (наряду с переносными значениями). Для полноты реализации эпigramматического текста этим миниатюрам недостает четко обозначенной двухчастной структуры и заголовка.

Двухчастность, обнаруживаемая в структуре приведенных текстов лишь на синтагматическом уровне и не носящая характер антитетичности, весьма относительна и имеет значение *"минимума в композиции завершенно-*

го литературного произведения, у которого должны быть начало и ... конец ... Так же необходимо, как в беге необходимо должен быть старт и финиш" (Усачева 1975: 155). При такой организации материала вычленение отдельных текстов, которые характеризовались бы смысловой целостностью, различными эмоционально-модальной окраской и функциональной значимостью, становится проблематичным.

Другой случай отклонения от двухчастной структурной организации в сторону к трехчастной композиции прослеживается в таких гибридных формах как **эпиграмматическая сказка, эпибасня и эпиграмматический анекдот**, где намечается фабула произведения.

В основе понятий "сюжет" и "фабула" лежит прежде всего представление о динамике события, принятого за мельчайшую нерасторжимую единицу сюжетного построения (Лотман 1970: 280). Универсальная модель события (Шабес 1989: 56-129) принципиально неприменима к эпиграмматическому тексту. Убедимся в этом на типичной эпиграмме:

<i>Der Thaumaturg</i>	} заголовок
<i>Zu dem Gesandten Gottes kamen,</i>	
<i>In frommer Zuversicht, die Blinden und die Lahmen</i>	} экспозиция
<i>Kleingläubiger! Vernimm, was auf sein Wort geschah:</i>	
<i>Der Blinde ging, der Lahme sah.</i>	} клаузула
<i>(Deutsche Epigramme 1973: 199)</i>	

На первый взгляд, эта эпиграмма посвящена событию, которое можно назвать "сотворение чуда посланником божьим". Глаголы изменения состояния *kamen, vernimm, geschah, ging, sah* создают перспективу движения для описания свершившегося чуда (=невероятного события). При этом экспозиция вербализует инициальную ситуацию "приход убогих к божьему посланнику", а клаузула – финальную ситуацию – "свершение чуда". Логично предположить при этом отличие финального состояния верующих (после свершения чуда) от предыдущего состояния (в исходной позиции – убогость). На поверку же ничего не изменилось: "Слепой пошел (но не прозрел! – он и прежде был в состоянии двигаться), парализованный стал видеть (но он ведь и не был слепым!)". Здесь отчетливо ощущается аллюзия на слово Божье: *Euch geschehe nach eurem Glauben* (Die Bibel 1967: 867). Усомнившийся не проникся верой, для него не существует чудес. В итоге финальная ситуация тождественна инициальной, и за отсутствием изменения состояния агентов событие (здесь – чудо) не происходит, а о цепи событий для развития сюжета и говорить не приходится. Таким образом, в эпиграмматическом тексте вербализуется не событие как "комплексная когнитивно-семантическая единица, фиксирующая

определенное изменение фрагмента отражаемой действительности" (Шабес 1989: 129), а всего лишь одна единичная сценка. С точки зрения синтаксиса отсутствие сюжета прослеживается и в темпоральной структуре текста: здесь доминирует наиболее нейтральная, немаркированная временная форма настоящего панхронического. Действия (если таковые имеются), передаваемые этой формой, характеризуются неопределенной локализованностью во времени и пространстве.

Однако иногда в эпиграмматические сборники попадают и тексты с более или менее развернутой фабулой. Рассмотрим одну из миниатюр Й. В. Гете:

*Die Engel stritten fuer uns Gerechte,
Zogen den Kuerzern in jedem Gefechte;* } экспозиция (пресобытие)

- 1) *Da stuerzte denn alles drueber und drunter,
Dem Teufel gehoerte der ganze Plunder.
Nun ging es an ein Beten und Flehen!*
- 2) *Gott ward bewegt, hereinzusehen.*
- 3) *Spricht Logos, dem die Sache klar
Von Ewigkeit her gewesen war:
Sie sollten sich keineswegs genieren,
Sich auch einmal als Teufel gerieren,
Auf jede Weise den Sieg erringen
Und hierauf das Tedeum singen.*
- 4) *Das liessen sie sich nicht zweimal sagen,*
- 5) *Und siehe! Die Teufel waren geschlagen.*

*Natuerlich fanden sie hinterdrein,
Es sei recht huebsch, ein Teufel zu sein.
(Deutsche Epigramme... 1973: 213)* } клаузула (постсобытие)

Данный текст вполне отчетливо делится на 3 тексты: 1 – экспозицию, 2 – фабулу и 3 – клаузулу.

В экспозиции осуществляется вербализация коммуникативного пресобытия: адресант сообщает о том, что ангелы спорили за праведников и всякий раз проигрывали спор. Это – инициальная ситуация.

Фабула изображает эндособытие “победа над чертями” и содержит набор предложений, являющихся номинациями последовательных микрособытий: 1) все встало с ног на голову; 2) сам Господь вынужден был вмешаться в эту историю; 3) Всевышний дает ангелам указания, как следует вести себя впредь, чтобы выиграть; 4) ангелы последовали совету; 5) черти побеждены. При этом структуру эндособытия представляют 3 необходимых компонента: 1) потенциал действия */Spricht Logos, ... Und hierauf Tedeum singen* = совет Всевышнего; напряженность потенциала

создается за счет смыслового диссонанса между библейскими аллюзиями /*der ewige Logos Gottes (Die Bibel 1967: 952)* = голос самого Господа; *das Tedeum = Herr Gott, dich loben wir... (Das Tedeum 1956: 20-21)* – литургическое песнопение, прославляющее Господа за правую победу/, с одной стороны, и несправедным призывом, якобы из уст Господних, добиться победы любой ценой /*Auf jede Weise den Sieg erringen*/; 2) реализацию действия /*Das liessen sie sich nicht zweimal sagen* = литота: Так они и сделали/ и 3) результат действия /*Und siehe! Die Teufel waren geschlagen* = исход спора в пользу ангелов/.

Клаузула вербализует в виде коммуникативного постсобытия умственный аспект деятельности агентов относительно нормы поведения /=А потом ангелы решили, что чертом быть вовсе не так уж плохо/.

Проследим темпоральную структуру данного примера. Темпоральные локализаторы обеспечивают в тексте временной континуум: союзы и союзные слова в функции обстоятельств времени эксплицируют градуальный характер перехода от пресобытия к эндособытию (*da*), а в рамках эндособытия – между микрособытиями /*nun, hierauf, und siehe!*/ и от эндособытия к постсобытию /*hinterdrein*/. Временной континуум в тексте поддерживается также прошедшим претеритальным глаголом /*stritten, zogen, stuerzte, gehoerte, es ging, ward bewegt hereinzusetzen*/. При этом реципиент не замечает “вставочного” характера рассуждения Господа Бога /*Spricht Logos...*/. Здесь форма настоящего панхронического *spricht* подкрепляет представление о вневременном существовании этого агента, его вечной мудрости и правоте. Далее континуум действий агентов восстанавливается прошедшим временем последующих глаголов *liessen sich nicht zweimal sagen, waren geschlagen, fanden*.

В итоге макрособытие “спор ангелов и чертей о праведниках” предстает как динамическая непрерывно-прерывная система микрособытий, достаточная для развития элементарной фабулы произведения. Однако в процессе развития фабулы текст превращается в синкретическое образование, которое мы склонны назвать **эпиграмматической сказкой** – по совокупности признаков сказки (мифологичность героев, отсутствие определенных локальных и темпоральных координат, фабульность) и признаков эпиграммы (относительная краткость, сжатость, наличие остроумной концовки с эффектом обманутого ожидания).

Как видим, заполучая более или менее развернутую фабулу, текст эпиграмматической миниатюры закономерно удлиняется и одновременно смещается из рамок типа текста “эпиграмма” к границе с родственными типами текстов, характеризующимися признаком фабульности. При этом варианты перевоплощения текстов могут быть самыми разными. Описанным способом эпиграмма может превратиться не только в эпиграммати-

ческую сказку, но и в довольно длинное сатирико-юмористическое стихотворение, эпиграмму или же эпиграмматический анекдот.

Итак, в результате анализа конкретных примеров из творческого наследия известных эпиграмматистов Ф. ф. Логау, Й. В. Гете, Б. Брехта и др. можно сделать вывод о взаимозависимости между композиционной структурой текста и типом текста. Двухчастность композиции выполняет текстообразующую функцию и (в совокупности с другими тексто-стилистическими признаками) является надежным критерием отграничения эпиграмм от родственных малых форм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лотман Ю. М. (1970) Структура художественного текста. – Москва: Искусство.
2. Усачева Н. И. (1975) Лингвостилистические особенности немецкой пародии: Дис... канд. филол. наук. – Ленинград.
3. Шабес В. Я. (1989) Событие и текст. – Москва: ВШ.
4. Brecht B. (1973) Werke in 5 Bänden. – Bd. 3. – Gedichte. – Berlin, Weimar: Aufbau.
5. Das Tedeum. (1956) Altkirchlich/Martin Luther 1529 // Lutherisches Kirchengesangbuch. – Uelzen: Lutheraner -Verlag.
6. Deutsche Epigramme (1973): Deutsche Epigramme. – Leipzig: Reclam.
7. Deutsche Epigramme aus fuenf: Deutsche Epigramme aus fuenf Jahrhunderten. (1969) – Muenchen: Taschenbuch-Verlag.
8. Die Bibel oder die ganze Heilige Schrift des Alten und Neuen Testaments. (1967) Nach der deutschen Uebersetzung Martin Luthers. – o. O.: National Verlag Kompanie.
9. Dreselly A. Grabschriften. (1898) Sprueche auf Martersaeulen und Bildstoecken etc. – Salzburg: o. V.
10. Eulenspiegel: Woehentliche Zeitung fuer Satire und Humor. – Berlin. – 20/1989.
11. Herder J. G. (1888) v. Anmerkungen ueber Anthologie der Griechen, besonders ueber das griechische Epigramm // Herders saemtliche Werke in 33 Bänden. – Berlin: Bei C. W. Ettinger.
12. Keisch H. (1981) Gehauen und gestichelt. Neue Vierzeiler. – Berlin: Eulenspiegel.
13. Lessing G. E. (1981) Epigramme und Epigrammtheorie // Gesammelte Werke und Briefe in 12 Bänden. – Bd. 1. – Berlin, Weimar: Aufbau.
14. Schiffers A. (1986) Ich und andere Nebensachen: Heitere Gedichte. – Berlin: Eulenspiegel.

ЭКСПЛИЦИТНЫЕ И ИМПЛИЦИТНЫЕ СВЯЗИ В НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Подолкова С. В. (Сумы)

Изучение категорий текста остается одной из важных задач лингвистики текста, ибо “нельзя говорить о каком-то объекте исследования, не назвав и не объяснив его категорий” (Тураева 1986: 80). Исследование категорий текста предполагает выявление особенностей текстовой структуры, организации языковых единиц, установившихся между ними связей.

Одной из главных категорий текста как основного средства коммуникации является категория интегративности, имеющая две стороны — семантическую и формально-структурную, что отражается в двух взаимосвязанных аспектах: целостности и связности. А.А. Леонтьев считает, что связность и целостность текста различны по своей природе: связность — лингвистична; целостность — психолингвистична. “Если связность как внутритекстовая категория реализуется в формальной организации элементов в структуре текста, то целостность заключается в динамическом и не всегда полностью осознаваемом отнесении данного текста к одному объекту, простому или сложному” (Леонтьев 1979: 27). Научно-технический текст представляет собой упорядоченную систему, основными признаками которой являются логичность и точность. Категория связности и целостности особенно четко прослеживается в этих текстах: формальная связность (когезия), имеющая формально выраженное соединение при помощи языковых средств, и когерентность (содержательная связность). Именно в рамках последней осуществляется развитие темы, выступающей основным средством создания цельности текста. Под термином “связность” имеются в виду оба аспекта, т.к. содержательная связность предполагает обязательное наличие более или менее развернутой формальной связности (Кухаренко 1988: 71).

Научно-техническим текстам свойственно наличие последовательных переходов от описания одного фрагмента к описанию следующего и указания, как эти фрагменты связаны в единое целое. При этом предложения в тексте объединяются в субъекты, которые могут рассматриваться как коррелянты подтем, входящих в основную тему (Каменская 1990: 55). Например, в тексте промышленной рекламы фирмы «Eslag Baily Group» основной темой является описание продукции фирмы. Приводимые описания отдельных инструментов представляют субъекты, раскрывающие свои подтемы: преимущества конструкций отдельных инструментов и область их применения.

Например: *Even the world's best control system is only as good as the field instruments which guide its actions. Baily offers both.*

Baily Smart Transmitters combine direct, digital communications with on-board computation of pressure, temperature, level, flow, pH, conductivity, and more.

Baily Smart Mass Flowmeters offer direct, non-intrusive mass flow measurement without awkward calculations or correction factors.

Baily Command Series controllers ... (Ind. World : 13).

По мере усложнения текстов появилась необходимость сделать более понятным для реципиента переход от одного субъекта к другому, что вызвало появление дополнительных средств организации текста — демаркаторов, таких как: красная строка, пробел между строк. Со временем широко распространились специальные знаки-рубрикаторы.

Содержательные связи в научно-технических текстах реализуются с помощью различных языковых средств. Общая семантическая картина создается, в первую очередь, за счет связей между словами текста, т.к. основными носителями семантики в тексте являются слова (Степанов 1981: 4). Для связи предложений в тексте используются повторы одних и тех же слов или их семантических эквивалентов. Таким способом формируются контактные и дистантные внутритекстовые связи. Например, контактные внутритекстовые связи в аннотации к научной статье: *Stuffing box design for reciprocating pumps: Reciprocating pumps do not have the benefit of mechanical seals and various packed designs have evolved to cope with increased hazards posed by modern process requirements (Pumps for a Safer Future, 1993 :23).*

Дистантные внутритекстовые связи: *The advantages and disadvantages of seal chambers for various applications ... are discussed. Two application guides are offered for the selection of optimal seal chamber design for various conditions... (Pumps for a Safer Future, 1993 :23).*

Совокупность элементов, с помощью которых осуществляется связь между двумя или более компонентами текста, называется коннектором (Каменская 1990: 59). Коннектор может состоять из одного слова или группы слов.

Например: *The D-2 is packaged in one roadable piece, complete with hydromatic brake, catheads and suitable engine power. This package is dimensionally with 12 foot permit road width... (Cont. Emsco :10).*

Steal performance can be adversely affected by schaft runout, schaft deflection, and misalignment. To minimize these adverse affects, the 7th edition specifies controls on total schaft deflection and run out (API, 1990 :5).

Согласно коммуникативному принципу внутритекстовые связи разделяются на два типа: эксплицитные и имплицитные. Первые, обладая явно выраженным коннектором, легко устанавливаются и распознаются коммуникантами. Эксплицитные связи представлены тремя видами: рекуррентными, координатными и инцидентными (Каменская 1990: 62).

Рекуррентные связи осуществляются с помощью би- или поликомпонентного коннектора, компоненты которого состоят из одинаковых (с точностью до форм изменения) знаменательных слов.

Например: *The methodology and techmology pertaining to the development of a new pump which incorporates several new design features and materials is discussed. The development of unlubricated water pumps is already attracting interest from a wide range of industries including... (Pumps for a Safer Future, 1993: 19).*

Координатные связи — такие связи, в которых используются однокомпонентные коннекторы. В качестве таких коннекторов выступают специализированные словосочетания или предложения (часто с использованием числительных), указывающих местоположение — координаты — в данном тексте

того или иного его фрагмента. В некоторых случаях могут быть указаны координаты фрагмента в каком-либо другом месте. В научно-технических текстах этот фрагмент может состоять из формул, рисунков, графиков, чертежей. Например: *U.S. Patent No. 4, 225, 112; Catalog HAN-3; Circle 228 on inquiring card; as shown on Page 1; see para 2.7.1.12.*

Инцидентные связи реализуются в тексте с помощью специфических коннекторов — юнктивов и проформ. В силу высокой степени обобщения выражаемых ими понятий, юнктивы проформы широко используются как в обыденных, так и в научно-технических текстах. В тексте юнктивы выступают обычно в качестве однокомпонентного коннектора, осуществляя связь двух предложений.

Например: *For starters, Pyro-Bloc's tough ceramic fibers easily shrug off high velocity flame impingement and temperatures up to 2500° F. And there are up to fifteen pounds of these fibers packed into each cubic foot of Pyro-Bloc (Ind. World 1992: 8); The "B" dimension in all cases will be larger. "C" dimensions could be less than on previous models. Therefore two full size balances seals may not fit into some new seal chamber designs due to limited axial space (API 1990: 7).*

Под проформами понимают специальные слова, бедные собственным содержанием, используемые для связи компонентов текста вместо повторения содержательных элементов сообщения (Каменская 1990: 69). В возникающей при этом связи между предложениями один из компонентов коннектора — содержательный — имеет самостоятельное содержание, а другой его компонент представлен проформой.

Например: *The impellers are of the single suction type, arranged back-to-back to provide hydraulic balance. They are machined to closely maintained tolerances (Duoglide 1995: 3).*

В некоторых текстах отсутствуют коннекторы. В этом случае имеют место имплицитные связи между предложениями текста. Распознавание имплицитных связей требует от реципиентов специализированного знания в соответствующей области и определенных умственных усилий. В случае отсутствия таких знаний восприятие научно-технического текста, в частности, восстановление имплицитных связей, предполагает предварительное ознакомление с учебной или справочной литературой.

Различают три вида имплицитных связей: эллиптические (характеризующиеся наличием эллипсиса хотя бы в одном из связываемых предложений); тезаурусные (для установления которых необходимо, чтобы в памяти автора и реципиента, относящиеся к различным классам инцидентности некоторого общего тезауруса) и транзитивные (Каменская 1990: 63). Формирование имплицитных связей в процессе порождения текста и их восстановление в процессе восприятия требует от коммуникантов соответствующей

щих знаний в данной предметной области. Эти связи очень эффективны для сжатия текста без изменения передаваемого объема информации.

Эллиптические связи, характеризующиеся опусканием лексических и синтаксических единиц, имеющих эксплицитное выражение в своем антецеденте (в предшествующем тексте), практически не встречаются в научно-технических текстах. Это объясняется усложненностью восприятия эксплицитно невыраженных, хотя и контекстуально предполагаемых единиц, которая противоречит требованию высокой точности при описании конструкции или принципа действия отдельных механизмов во избежание производственных ошибок.

Тезаурусные связи являются разновидностью имплицитных. Для их выявления необходимо знание слов, входящих в файлы тезауруса личности. В случае с научно-техническими текстами это должны быть файлы слов, обозначающие понятия и входящие в специальные фоновые знания реципиента по теме текста.

Рассмотрим такой пример: *The solid wheels are of forged construction. They give the highest material integrity, and feature buckets milled into rims.* (Монолитные колеса имеют кованую конструкцию. Они обеспечивают высочайшую прочность, и их характерной особенностью являются лопасти, обработанные по краям фрезой). При предъявлении понятия "*forged construction*" реципиенты, обладающие специальными фоновыми знаниями, без труда установят связь с понятием "*the highest material integrity*" (кованая конструкция является более прочной по сравнению, например, со сварной конструкцией рабочего колеса).

Транзитивная связь — это такой вид имплицитной связи, при которой зацепление между компонентами коннектора в обоих связываемых предложениях устанавливается в процессе транзитивного замыкания тезаурусных связей (Каменская 1990: 80). Другими словами, это — цепочка связей между несколькими понятиями, принадлежащими к различным, но семантически связанным файлам, при этом промежуточные элементы (понятия) не выражены эксплицитно в тексте. Например: *Dust and oil tight enclosure provides eliminating contamination from the outside elements. Benefits: reduced maintenance cost and increased reliability.* (Герметический кожух от пыли и масла исключает загрязнение внешних деталей. Преимущества: уменьшение расходов на текущий ремонт и повышенная надежность).

При восприятии текста реципиент, используя свой тезаурус личности, в процессе осмысления текста восстанавливает "зацепленные, но опущенные в тексте, понятия" (термин О.Л. Каменской 1990:81) из смежных файлов и устанавливает связь между предложениями. В приведенном примере связи предложений 1 и 2 опирается на связь слов "герметичный корпус" и "повышенная надежность"; промежуточное понятие — "отсутствие вредных воз-

действий на детали", которое, с одной стороны, является следствием наличия герметичного кожуха, а с другой стороны, оно — причина повышенной надежности, понижение расходов на текущий ремонт.

Установив в процессе транзитивного замыкания связь между двумя понятиями, реципиент расширяет свой тезаурус личности. Из приведенных выше примеров видно, что между тезаурусными и транзитивными связями существует тесное взаимодействие.

Таким образом, внутритекстовые связи в научно-техническом тексте представлены двумя типами: эксплицитными и имплицитными. Первые обладают явно выраженными коннекторами; демаркаторы (красная строка, абзац) также служат эксплицитными средствами организации текста. Эксплицитные связи свойственны научно-техническим текстам в большей степени, чем имплицитные. Последние, являясь эффективным средством сжатия текста, требуют от реципиентов специализированного знания в соответствующей области и определенных затрат умственных усилий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каменская О.Л. (1990) Текст и коммуникация. — М.: Высшая школа.
2. Кухаренко В.А. (1988) Интерпретация текста. — М.: Просвещение.
3. Леонтьев А.А. (1979) Понятие текста в современной лингвистике и психолингвистике// Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия. — Киев.
4. Степанов Ю.С. (1981) Имена, предикаты, предложения. — М.
5. Тураева З.Я. (1986) Лингвистика текста. — М.: Просвещение.
6. API 610, USA, 1990. Continental — Emsco, USA, 1979. Duoglide, USA, April 1995. Industrial World, USA, August 1992. Nuclear Steam Turbine Range, England, 1995. Pumps for a Safer Future, London, April 1993. Type HS. Horizontal Plunger Pumps, USA, 1995.

К ВОПРОСУ О КОГНИТИВНЫХ МЕТАФОРАХ ЛЖИ И ОБМАНА

Потапова Е. И. (Харьков)

Как известно, сущность метафоры — объяснение одного явления языком другого. Более двадцати лет тому назад Дж. Лакофф и М. Джонсон на лингвистическом материале доказали, что концептуальная система, на которой строится человеческая коммуникация, метафорична по своей природе (Lakoff, Johnson 1980). Концепты, организующие мышление, — не только проявление разума. Они управляют нашими действиями, вплоть до самых незначительных. Эти же концепты структурируют получаемую нами информацию, наше умение ориентироваться в окружающем мире и наше отношение к другим людям. Но мы не осознаем, что это за система. В нашей повседневной

жизни мы просто думаем и действуем автоматически, по каким-то определенным установкам. Поскольку в основе общения лежат те же концептуальные принципы, с помощью которых мы думаем и действуем (Brown, Levinson 1987) язык является важным источником информации о том, что представляет собой данная система. Каждое понятие "говорит" особым языком со своими характерными чертами. Он открывает доступ к соответствующему понятию (Логич. ан. яз. 1991: 3-4). Многие философы пользовались данными лингвистических описаний для интерпретации концептов. Между тем, лингвисты способны более профессионально разработать методику такого анализа, определить его возможности.

Вслед за Дж. Лакоффом и М. Джонсоном мы считаем, что изучение языковых моделей, лежащих в основе коммуникативной деятельности, может внести большой вклад в исследование сущности различных моделей языка, в частности, привести к пониманию сложнейшего явления обмана.

Целью данной статьи является исследование концептуальных метафор обмана. В своем исследовании в качестве основного деления Дж. Лакофф и М. Джонсон (op.cit.) проводят различие между онтологическими и эпистемическими метафорами.

Онтологические метафоры лжи и обмана определяют бытие лжи/обмана как явления, в то время как эпистемические метафоры описывают закономерности и возможности познания данного явления, ступени и формы процесса познания, условия и критерии его достоверности и истинности.

Рассмотрим онтологические метафоры обмана, сопоставляя выделяемые когнитивные основания с теми или иными положениями развернутого определения лжи, которое дается Дж. А. Барнсом: "ложь – [намеренно (а)] [искаженное (б)] [утверждение (в)], [целью которого является введение в заблуждение (г)] [обманываемого (д)] относительно действительного положения вещей, включая замыслы и [намерения лжеца (е)]" (Barnes 1994: 11).

В данном определении выделим следующие моменты:

- 1) наличие обманывающего (е);
- 2) наличие обманываемого (д);
- 3) намеренность, сознательность действий обманывающего (а);
- 4) цель – введение в заблуждение (г);
- 5) способ – искажение действительного положения вещей (б);
- 6) форма – утвердительное высказывание (в).

Когнитивное основание "Ложь – сказка" проявляется в следующих фразеологизованных номинациях: *false story, nursery tale, old wives' tales, shaggy dog story, tale of a Tub, a Tall Tale, traveler's tale, trumped-up story, false statement, cock-and-bull story, fairy tale, fish story, fish tale, etc.* Данное когнитивное основание соотносится с положениями 5 (искажение действительного положения вещей) и 6 (утвердительное высказывание). Положение 5

также может быть описано когнитивными основаниями "Ложь – превращение" (*make a monkey of, make a patsy of, make mountains out of molehills, make the fur fly, reverse the truth, make a storm in a teacup, make an April fool of, etc.*), "Ложь – подделка" (*be phoney, give sb. duff gen, man of straw, not natural, not all that it seems, paper tiger, phony as a three-dollar bill, visual fallacy, etc.*), "Ложь – направление/неправильный путь" (*bunco steer, bum steer, give one a bum steer, lead one up the garden path, wrong steer, lead astray, off the beam, off the course, etc.*). При этом основания "Ложь – подделка" и "Ложь – направление/неправильный путь" соотносятся и с положением 4. Положение 3 также может быть представлено когнитивным основанием "Ложь – подделка". Метафорические номинации *cross up, beat one out of, come over, etc.* представляют когнитивное основание "Ложь – соперничество/борьба", которое соотносится с положениями 1 и 2.

Приведенные выше примеры иллюстрируют как статический, так и динамический аспекты лжи/обмана. Когнитивное основание "Ложь – сказка" акцентирует статический аспект обмана (соотнесенность соответствующего предиката с говорящим, т.е. лжецом), в то время как другие вышеприведенные примеры иллюстрируют динамический аспект обмана (соотнесенность соответствующего предиката с говорящим и слушающим).

Обратимся теперь к эпистемическим метафорам. Эпистемические метафоры описывают сферы деятельности человека, в которых встречается ложь, и представления человека о лжи как явления, приобретаемые им в процессе познания действительности. В этом плане выделяются две большие группы метафор:

Метафоры, описывающие наше восприятие онтологических понятий, т.е. наш социальный опыт по отношению к ним.

Метафоры, описывающие сферы употребления обмана в повседневной жизни.

В процессе познания действительности мы узнаем, что лжец – человек умный и умеющий пользоваться умом для достижения своих целей. Это можно хорошо проиллюстрировать когнитивным основанием "Ложь – ум/интеллект", представленным метафорическими номинациями *be too smart for, line on one's wits, mental dishonesty, mental reservation, thinker with, etc.* В свою очередь жертве обмана обладать умом совсем необязательно, что проявляется в когнитивном основании "Ложь – одурачивание", объединяющего следующие метафоры: *be duped, credulous fool, fool around, make one look silly, old fool, send on a fool's errand, etc.* Обманиваемый – человек доверчивый, и лжец, преследуя свои цели, легко входит к нему в доверие ("Ложь – вхождение в доверие": *confidence man, confidence trick, confidence game, confidence trickster, etc.*), при этом он всегда действует намеренно ("Ложь – подарок": *fatal gift, Greek gift, etc.*).

Существует множество способов, с помощью которых лжец достигает основной цели. Эти способы могут быть проиллюстрированы метафорами "Ложь – дым" (*blow up, create a smoke screen, smoke and mirrors, smoke screen, blow smoke up one's ass, use smoke and mirrors, etc.*); "Ложь – запутывание" (*ball up, delude oneself, give one a false impression, hand a line, put at loss, render uncertain, etc.*) и "Ложь – ослепление" (*pull the wool over one's eyes, throw dust into one's eyes, etc.*).

Эпистемические метафоры могут также указывать на существование двух картин мира – истинной и искаженной. Например: "Ложь – противоположность" (*they are peeing on us and saying its raining, say one thing and mean another, swear that black is white, etc.*), "Ложь – несуществующее" (*no such animal, mare's nest, much ado about nothing, thing that is not, nothing less true, etc.*).

Как было сказано выше, существует группа эпистемических когнитивных метафор, описывающих сферы употребления обмана в повседневной жизни. Эти сферы можно проиллюстрировать следующими когнитивными основаниями и метафорами, относящимися к ним:

– "Ложь – охота/рыбалка": *bait and switch, camp around, dog it, let one off the hook, took the bait, throw the hooks into, bait the hook, bait the trap, blow off one's trap, dangle a bait, decoy duck, easy prey, fall into a trap, hook for, lay a trap for, mouse trap, put sb. on a false scent, send on a wild-goose chase, set a trap for, sprat to catch a mackerel, swallow hook, swallow the bait, take the bait, walk into the trap, etc.*

– "Ложь – продажа": *big store, bill of goods, bucket shop, pirate goods, sell gold bricks, sell wolf cookies, sell one a pup, sold a pig in a poke, sold a pup, tricks of the trade, etc.*

– "Ложь – реклама": *cover story, Flash Gordon, frame up, neon ribbons, drum up, plug plugged, propaganda machine, window dressing, etc.*

– "Ложь – преступление": *steal a march on, stick it up, swear falsely, alibi out of, airtight alibi, cop a plea, bear false witness, false evidence, false oath, false plea, false witness, etc.*

– "Ложь – дипломатия": *diplomatic excuse, diplomatic illness, false excuse, etc.*

– "Ложь – цирк/трюк": *double shuffle, double trays, fast shuffle, got the short end of the stick, he used an airplane, all done by mirrors, bag of tricks, con trick, do in the eye, false bottom, sleigh of hand, three-card trick, etc.*

– "Ложь – украшение/праздник": *Christmas (clothes and jewelry), got a hair cut, got trimmed, pirate labels, S.L.O.B. (silver-lipped operator of bullshit), borrowed plumes, culured peal, dress up, fool's gold, gate of ivory, gild(ing) the lily, lip gloss, make up, etc.*

Суммируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что когнитивные метафоры обмана могут служить инструментом для изучения такого важно-го явления социальной жизни как ложь/обман. Причем онтологические ме-

тафоры дают представление о сути данного явления, а эпистемические метафоры раскрывают его место в социальной жизни, описывая на более глубоком уровне способы достижения целей лжеца, характеристики участников акта обмана и т. д. При этом когнитивные метафоры иллюстрируют как статический, так и динамический аспекты явления лжи/обмана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Логический анализ языка: культурные концепты (1991). – М.: Наука.
2. Barnes J. A. (1994). *A Pack of Lies*. – Cambridge: Cambridge University Press.
3. Brown P. and Levinson S. C. (1987). *Politeness: Some Universals in Language Usage*. – Cambridge: Cambridge University Press.
4. Lakoff G. and M. Johnson (1980). *Metaphors We Live By*. – Chicago and London: Chicago University Press.

LINGUOLANDESKUNDLICHER ASPEKT DER DEUTSCH-UKRAINISCHEN PHRASEOLOGISCHEN PARALLELE

Prorotschenko O.P. (Kiew)

Wie bekannt, erfolgt die Bereicherung des Wortschatzes einer Sprache nicht nur durch die Bildung neuer Wörter, durch Entlehnung aus fremden Sprachen und den sogenannten Bedeutungswandel in Bezug auf Einzelwörter, sondern auch durch feste Wortkomplexe. Darunter versteht man feste Wortverbindungen verschiedener syntaktischer Strukturtypen mit singularer Verknüpfung der Komponente, deren Bedeutung als Ergebnis oder Transformation des Komponentenbestandes entsteht [1: 209].

Solche Spracheinheiten nennen wir Phraseologismen, obwohl in der einschlägigen Literatur dafür auch zahlreiche andere Termini gebraucht werden: komplexe Zeichen, phraseologische Wortfügungen, Idiome, idiomatische Wendungen, Wortgruppenlexeme, feste (erstarrte) Wortkomplexe, „dunkle Redensarten“ u. a. m.

Traditionsgemäß umfassen die deutschen wie auch die ukrainischen Phraseologismen verschiedene Spracheinheiten: Idiome, erstarrte Wortpaare, komparative Phraseologismen, festgeprägte Sätze, geflügelte Worte, feste (stehende) Wortkomplexe nichtphraseologischen Typs, Sprichwörter, sprichwörtliche Redensarten u. a. m.

Die Phraseologismen finden sich in den beiden Sprachen referentiell in allen Bereichen der menschlichen Psyche sowie der sozialen zwischenmenschlichen Beziehungen. Die größte phraseologische Beteiligung zeigen die Nominationssphären, die die höchste subjektive Anteilnahme und Interessiertheit der Sprechenden hervorrufen. Das sind im Deutschen, Russischen und Ukrainischen

die gleichen Klassen und Gruppen, z.B.: nach Fr. Dornseiff: Unglück, Aufregung, Verwunderung, Zorn, Angst, Hass, Tod u.a.m. [5: 495].

Den Kern der Phraseologismen des Deutschen und Ukrainischen bilden folgende Gruppen von Phraseologismen:

1. Phraseologische Zusammenbildungen (Phraseologismen, Idiome). Für die Semantik dieser Phraseologismen ist kennzeichnend, daß sie aus dem Komponentenbestand nicht herzuleiten ist, d.h. die Gesamtbedeutung ist durch die konstituierenden Komponenten nicht motiviert. Der parallele Fachausdruck (Terminus) für Phraseologismen dieser Gruppe heißt „Idiome“: *j-m die Leviten lesen* = j-m ernste Vorhaltungen machen, energisch zurechtweisen; etwas im Schilde föhren = insgeheim etwas Böses beabsichtigen; *etwas auf dem Kerbholz haben* = nicht frei von Schuld sein.

2. Phraseologische Einheit. Diese Gruppe von Phraseologismen unterscheidet sich von der ersten dadurch, daß die Bedeutung der Wortfügungen motiviert ist. Nach der Art der semantischen Transformation (Metaphorisierung von freien syntaktischen Verbindung, Wortgruppen) und nach dem Typ der Semantik (semantische Einheit) sind die Phraseologismen der beiden Gruppen identisch: Vgl. *ins Wasser fallen* = nicht stattfinden; *reinen Tisch machen* = eine Angelegenheit in Ordnung bringen; klare Verhältnisse schaffen.

3. Phraseologische Verbindungen. Diese Gruppe von Phraseologismen ist durch eine analytische Semantik gekennzeichnet. Sie entstehen auf Grund der Realisierung einer nicht freien (übertragenen) Bedeutung einer Komponente, die sich mit einer usuell begrenzten Gruppe von Lexemen verbindet. Die phraseologischen Verbindungen entstehen dann, wenn eine der Komponenten mit übertragener Bedeutung in Verbindung mit Wörtern einer bestimmten semantischen Gruppe tritt. Sie unterscheidet sich von anderen Phraseologismen durch eine serielle Verknüpfbarkeit der übertragenen Komponenten: Vgl. *j-m Achtung, Anerkennung, Bewunderung, Lob, Verehrung, Beifall, Dank zollen* = j-m Achtung erweisen; *Angst, Schauer, Schrecken, Entsetzen packt j-n* = erfüllt j-n.

Phraseologische Einheiten entstehen durch die semantische Transformation (Metaphorisierung) aller Komponenten. Nach dem Typ der Semantik sind es semantische Ganzheiten, denn die Undeutung betrifft den gesamten Komponentenbestand. Der Grad der Auflösung lexikalischer Bedeutung des Komponentenbestandes kann verschieden sein.

4. Lexikalische Einheiten sind feste Verbindungen mit normativer Funktion. Sie bilden eine semantische Ganzheit, jedoch auf Grund der eigentlichen lexikalischen Bedeutung der Komponente.

Es fehlt hier jede Art semantischer Transformation: Vgl. *das gelbe Fieber, der Nahe Osten, die kontrastive Linguistik, Grünes Gewölbe, Nördliches Eismeer, spezifisches Gewicht, erweiterte Reproduktion* u.a.m.

Die erwähnten sprachlichen Zeichen sind wie Lexeme bilaterale, zweiseitige Spracheinheiten, aber im Vergleich zum Wort ist ihre Struktur komplizierter als die des Wortes. Die semantische Struktur der aufgezählten festen Wortkomplexe (Phraseologismen) umfaßt drei autonome Bestandteile der extralinguistischen Natur: 1. reguläre (direkte) Bedeutung der einzelnen Komponenten der erstarrten Wortverbindungen; 2. reguläre (direkte, ursprüngliche) Bedeutung des ganzen Wortkomplexes zugrunde liegt und als Basis der Semantik aufgefaßt wird; 3. allgemeine signifikative (phraseologische) Bedeutung des festen Wortkomplexes [5: 495].

Auf diesen drei Ebenen der semantischen Struktur können die Elemente des Inhalts der stehenden Wortverbindungen entdeckt werden, in denen sich die spezifischen Erscheinungen der Kultur der Sprachträger der betreffenden Sprache (der deutschen Sprache) widerspiegeln, die den linguolandeskundlichen Aspekt dieser sprachlichen Zeichen bilden.

In dieser Abhandlung werden in der semantischen Struktur der deutschen Phraseologismen die kulturgeschichtliche Gegebenheit betrachtet. Diese Nationalspezifität wird im Vergleich zu einer anderen (ukrainischen) Nationalspezifität abgehandelt.

Im linguolandeskundlichen Aspekt sind nicht nur Differenzen, sondern auch die Ähnlichkeiten von Bedeutung, die auch als Elemente der Nationalstruktur aufgefaßt werden, z.B.: die internationalen Phraseologismen, die die kulturelle Gemeinschaft einer Reihe der Völker demonstrieren:

Deutsch	Ukrainisch
<i>die Büchse der Pandora</i>	<i>схрinia Пандори</i>
<i>den Augiasstall ausmisten</i>	<i>авгівеі стайні (конюшні) вичищати</i>
<i>bei Adam und Eva anfangen</i>	<i>від Адама починати</i>

Ein großer Teil solcher Phraseologismen ist Teil der europäischen Bildungstradition und spiegelt den Einfluß der griechischen und römischen Antike, der Bibel, des katholischen Mittelalters und der Sprache der Reformationszeit wider [4: 37].

Die linguolandeskundlichen Potenzen der oben aufgezählten Phraseologismen sind unterschiedlich. Der linguolandeskundliche Aspekt kommt in den einzelnen Komponenten dieser sprachlichen Zeichen zum Vorschein. Das ist der Fall, wenn im Komponentenbestand eines Phraseologismus ein Lexem vorkommt, das im selbständigen Gebrauch als Eigennamen (Nomina propria) oder als Wortbildungskonstruktionen wie Ostsee, Ribnitz-Damgarten als Historismen u.a.m. gebraucht wird.

Von den verschiedenen Klassen der Eigennamen werden in Phraseologismen häufiger Rufnamen als Familiennamen verwendet [2: 101]:

*ein Hans im Glück, die großen Hansen
j-n zur Minna machen, die grüne Minna*

seit Adamszeiten, den alten Adam ablegen.

Konstruktionen mit Familiennamen beziehen sich in der Regel auf historisch identifizierbare Personen:

Deutsch: *da kennen Sie Buchholzen schlecht*

dazu hat Buchholz kein Geld

nach Adam Riese, rangehen wie Blücher

das Ei des Kolumbus

das ist ein Gedanke von Schiller

Ukrainisch: *забагатів Кіндрат забув де його брат!*

Охрімова світа

по Савці світка.

Diese einzelnen und ähnlichen Komponenten brauchen den linguolandeskundlichen Kommentar, da andere Ebenen der semantischen Struktur keine Nationalspezifika hinsichtlich der Muttersprache deutschlernender Ausländer (Ukrainer) haben: Vgl.

Deutsch

Ukrainisch

mit gleicher Elle messen

міряти на один аришин

In der Idiomatik spiegelt sich nicht nur die soziale Umwelt wie Wirtschaft, Handel und Gewerbe, Technik u.a.m. wider, sondern auch Sitten und Bräuche, Einstellung und religiöse, künstlerische, soziale und wirtschaftliche Vorstellungen und Anschauungen. Die Explikation der ursprünglichen inneren Form, d.h. die Etymologisierung des festen Wortkomplexes kann bedeutende Aufschlüsse über verschiedene Bereiche des Lebens des deutschen Volkes geben.

Vgl. *j-m das Fell über die Ohren ziehen*. Bedeutung: ihn übervorteilen, betrügen, ausbeuten. Ursprung: Fell = behaarte Tierhaut, Pelz (ahd. *fei* (8. Jh.); mhd. *vel*). Das Wort *Fell* bezeichnet bis ins 16. Jh. die tierische und menschliche Haut. Eine Differenzierung in *Fell* = Tierhaut und *Haut* = menschliche Haut, nimmt erst Luther vor. Die Wendung stammt aus der Sprache des Abdeckers (17. Jh.) [7: 184].

Vgl. *vor die Hunde gehen*. Bedeutung: umkommen, zugrunde gehen. Ursprung: Hund (ahd. (8. Jh.); mhd. *hunt*) älteres Haustier des Menschen. Die Wendung jedoch ist jünger und stammt wohl aus der Jägersprache des 17. Jh.: vom Wild, das den Hunden zum Opfer fällt [7: 386].

Vgl. *aus dem Stegreif sprechen (etwas tun)*. Bedeutung: ohne Vorbereitung, ohne lange Überlegung, improvisieren. Ursprung: Stegreif (ahd. *stegareif* (11 Jh.); mhd. *Stegegreif*, mhd. *stegerep*) = Steigbügel. Das Substantiv ist eine Bildung zu ahd. *stegon* (um 1000) = gehen (auf-, empor-) steigen und ahd./mhd. *reif* = Seil, Strick, Streifen, Band, Fessel, Rig. Die eigentliche Bedeutung ist: ohne vom Pferd abzusteigen und wird im 18. Jh. als ohne Vorbereitung, geläufig. Im 17. Jh. heißt es noch "im Stegreif" [7: 383].

In ähnlichen Fällen enthält der feste Wortkomplex keine spezifischen Komponenten. Der feste Wortkomplex selbst kann als ein sprachliches Zeichen eine linguolandeskundliche Information an Tag legen.

Die allgemeine signifikative Bedeutung eines festen Wortkomplexes (phraseologische Bedeutung) kann aufs engste mit bestimmten kulturgeschichtlichen Gegebenheiten verbunden sein. Die Spezifik dieser Gruppe von Phraseologismen besteht darin, daß die bildhafte Motivation einiger von ihnen mit bestimmten Ereignissen der Nationalgeschichte verbunden ist: Vgl. *hausen wie die Hünen; die Zeit des großen Sterbens; der eiserne Kanzler; wütend sein wie ein Berserker; das kommt spanisch vor; so schnell schießen die Preussen nicht. Mit Sitten und Bräuchen des Volkes sind z.B. verbunden: die grüne Hochzeit; den Daumen nach unten halten; mit den Füßen scharren; zu Kreuz(e) kriechen; sich (D.) (mit der Hand, dem Zeigefinger) an die Stirn tippen; j-m ein Rübchen schaben* u.a.m.

Die Erklärung solcher nicht ohne weiteres verständlichen bildhaften Phraseologismen ist aus verschiedenen Gründen nicht immer leicht. Sie erfordert gründliches sprachgeschichtliches Wissen und umfassende kulturgeschichtliche Kenntnisse.

Für die festgeprägten Sätze sind die einzelnen Komponenten mit linguolandeskundlicher Bedeutung nicht typisch im Gegensatz zu den Aphorismen, die eine Akkumulationsfunktion haben. Daraus ergibt sich eine große Rolle für den allgemeinen Inhalt solcher Phraseologismen (denotative und konnotative Komponente) im Fremdsprachenunterricht.

Daraus resultiert, daß verschiedene Gruppen der deutschen Phraseologismen sich voneinander nicht nur durch strukturelle und funktional-semantische Merkmale, sondern auch durch die Mittel des Ausdrucks jener national-kulturellen Spezifik unterscheiden, die den linguolandeskundlichen Aspekt ihrer Semantik bildet und beim Erlernen einer Fremdsprache von großem theoretischem und praktischem Interesse ist, weil es zwischen der allgemeinen funktional-semantischen Charakteristik des betreffenden Wortkomplexes in der Sprache und seiner national-kulturellen Bedeutung ein enger Zusammenhang besteht.

Die Phraseologismen, in denen die substantiellen extralinguistischen orientierten Bedeutungen des denotativ-signifikativen Typs herrschen und die dementsprechend als spezielle Mittel der Nomination der typischen Situationen auftreten (festgeprägte Sätze - sprachliche Aphorismen) oder als einzelne Elemente der Situationen (lexikalische Einheiten) funktionieren, besitzen einen landeskundlichen Inhalt, vor allem in ihrer allgemeinen Bedeutung. Das ist der Fall, wenn die nominierenden Situationen und Erscheinungen nur für das Land, für seine Kultur, seine Geschichte u.a.m. typisch sind im Gegensatz zum Land (Ukraine), das die deutsch lernenden Ausländer repräsentieren.

Ganz anders ist es mit den Phraseologismen, in denen der konnotative Aspekt ein wichtiges Element der Semantik ist. Solche Phraseologismen zeichnen sich durch eine expressive Funktion aus und dienen als emotionalwertende Konnotation des Begrifflichdenotativen der objektiven Realität. Das sind vor allem lexikalische Einheiten, in denen der allgemeine Inhalt sehr selten bedeutende linguolandeskundliche Elemente enthält. Die allgemeine expressiv-nominative Bedeutung wird in der Regel durch die bildhafte Umdeutung des festen Wortkomplexes gestaltet, die dank seinen einzelnen Komponenten die spezifischen Eigenarten der Nationalkultur widerspiegeln.

Anders gesagt, wird sich der linguolandeskundliche Aspekt dieser Phraseologismen nur auf der Ebene der regulären Bedeutungen erweisen, der der phraseologischen Bedeutung zugrunde liegt.

Interjektionale Phraseologismen, in denen die Semantik einen universellen Charakter hat und keinen linguolandeskundlichen Aspekt enthält, besitzen die gleichen Merkmale (siehe oben).

In den lexikalischen Einheiten fehlt der linguolandeskundliche Aspekt überhaupt, da sie solche Zusammenhänge und Sachverhalte zum Ausdruck bringen, die keine nationalen Eigenarten besitzen. Die Analyse zeigt, daß die Ebene der linguolandeskundlichen Bedeutung der Phraseologismen nicht nur mit verschiedenen Funktionen dieser sprachlichen Zeichen in der Sprache verbunden sind, sondern auch mit verschiedenen semantischen Mechanismen, auf denen ihre sprachliche Nichtregularität (Idiomatität, Stabilität) basiert.

Den Grund der linguolandeskundlichen Bedeutung auf der Ebene einzelner Komponenten und regulärer Wortkomplexe bildet der Mechanismus der bildhaften Umdeutung, der für einen großen Teil der Phraseologismen typisch ist. Auf der Ebene der allgemeinen Bedeutung des Phraseologismus tritt der Mechanismus der semantischen Spezialisierung ein, der auch eine andere Gruppe der sprachlichen Zeichen charakterisiert. Andere semantische Mechanismen, die die festen Wortkomplexe charakterisieren - subjektiv-modale Konnotation und Desemantisierung (die Klasse der interjektionalen und analytischen verbalen Konstruktionen) tragen zur Bildung der Phraseologismen mit national-kulturellem Aspekt der Semantik nicht bei.

Die Möglichkeit verschiedener Kombinationen von linguolandeskundlich bedeutsamen Ebenen in der Semantik eines Phraseologismus macht es notwendig, den linguolandeskundlichen Inhalt zu kommentieren, und zwar nicht nur einzelne Komponenten, sondern auch die Motivation der festen Wortkomplexe durch ihre reguläre und manchmal durch ihre allgemeine phraseologische (stabile) Bedeutung.

Es gibt auch solche Phraseologismen, in denen der linguolandeskundliche Aspekt auf allen drei Ebenen vorkommt und einen Kommentar benötigt, z.B. Pech haben. Bedeutung: ein Mißgeschick haben. Ursprung: Pech (ahd. *peh* (um

800), entlehnt aus lat. *pix*) = dunkelfarbiger, zähklebriger Rückstand bei der Destillation von Teer. Übertragen: Höllenfeuer, Hölle. Der Gebrauch im Sinne von „Unglück“ schließt wohl an den älteren Gebrauch „Höllenstrafe“ an. Danach verbreitet sich aus der Studentensprache (18. Jh.) die Wendung *Pech haben* = Unglück haben; in einer fatalen Lage sein. Vgl. *wie der an mit Pech bestrichene Zweig klebende und daher leicht zufangende Vogel. Der Pechvogel: Mensch, der Unglück hat bzw. Unglück bringt* [7:382].

Im Zusammenhang mit der dreistufigen Struktur des national-kulturellen Elementen in der Semantik des festen Wortkomplexes wird folgendes Kommentieren hervorgehoben: 1. Kommentieren der Komponenten des sprachlichen Zeichens; 2. Kommentieren der inneren Form des Phraseologismus; 3. Erläuterung der allgemeinen Bedeutung des festen Wortkomplexes.

In der gegenwärtigen Sprachwissenschaft hat sich die Ansicht vom engen Zusammenhang der linguistischen und linguo-landeskundlichen Aufgaben im Fremdsprachenunterricht bestätigt. Es besteht kein Zweifel darüber, daß nur fundierte Kenntnisse und Vorstellungen vom Land, dessen Sprache erlernt wird, d.h. eine allseitige Information landeskundlichen Charakters die Entwicklung und Herausbildung landeskundlicher Kenntnisse ermöglichen.

Eine der Methoden der landeskundlichen Gestaltung des Unterrichtsprozesses ist die landeskundliche Semantisierung der Spracheinheiten (Lexik, Phraseologismen und Texteinheiten).

In diesem Zusammenhang ist für ein ukrainisches Auditorium von besonderem Interesse, welche deutschen phraseologischen Einheiten in den verschiedenen Texten als Wörter-Symbole fungieren können. Deren Verteilung und Anordnung im Text lassen Rückschlüsse auf die deutsche Kultur in einzelnen Kommunikationsbereichen zu. Die deutsche Sprache in den Texten ist in diesem Falle nicht nur Mittel zur Wiedergabe der landeskundlichen Informationen, sondern eine unmittelbare Quelle.

Ausgehend von der Auffassung, daß solche Phraseologismen keine semantische Selbständigkeit und folglich keine lexikalische Bedeutung infolge ihrer Deaktualisierung haben, ist unseres Erachtens von besonderem Interesse, im Fremdsprachenunterricht authentische deutsche Texte auf das Vorhandensein von phraseologischen Wendung hin zu untersuchen. Die darin enthaltenden Symbolwörter (z.B. *„Wollt ihr den totalen Kohl, nun habt ihr den Salat“*), die dank ihrer Akkumulation Informationsträger sind, treten als Bedeutungszentren der (aktualisierten) phraseologischen Wendung auf und erfüllen folglich bedeutungstragende Funktionen, deren Eigentümlichkeiten in der Semantik auf aktuelle Tendenzen der gesellschaftlichen Entwicklung hinweisen. Diese Wörter sind vom Interesse, weil sie die Schlüsselrolle bei der Bildung und bei dem Gebrauch der (neuen bzw. veränderten) phraseologischen Einheiten bilden - sie belaufen sich auf den Einsatz von Pronomennamen in phraseologischen

Strukturen (*der Größte, Kohl, unbegrenzte Freiheit usw.*) bzw. schließen aktuelle Realienbezeichnungen ein (*Privilegierte aller Länder; beseitigt euch / wenn die D-Mark nicht zu uns kommt, gehen wir zu ihr/Stellt euch vor, es war Sozialismus und keiner geht hin*).

Eine andere Möglichkeit für generelle Schlüsselwörter im deutsch-ukrainischen Sprachvergleich stellen adjektivische Farbbezeichnungen dar, die nicht in ihrer nominalen Funktion auftreten, sondern in der Funktion der allgemeinen Benennung, die im Wort verankert ist und in der Rede / im Text / Kontext bestimmte Zusammenhänge symbolisieren. Eben in dieser Funktion erweitern sie ihre semantische Struktur, z.B. *Rot-grüne Koalition, die Grünen, rote Socke (pej.), grüne Welle usw.*

Diese zum Teil neuen Wendungen und ihre Nuancierungen sitzen unbedingt eine linguolandeskundliche Kommentierung in einem fremdsprachigen Auditorium voraus.

Diese Wörtersymbole - Realien, Namen, Adjektive u.a. - sind damit Zeichen, deren Verbindungen mit dem entsprechenden Referenten motiviert ist, d.h. sie symbolisieren gegenständliche Abbildungen. Diese haben im Verlauf von Jahrhunderten eine bestimmte Stabilität erhalten, werden aber durch Veränderungen der außersprachlichen Umwelt ebenfalls verändert.

Die Semantik der adjektivischen Farbbezeichnungen hat in der Regel eine binäre Basis, d.h. hier sind zwei Aspekte zu differenzieren: der Aspekt der direkten und der Aspekt der symbolischen Bedeutung (wie auch bei den anderen Symbolwörtern diese Differenzierung vorgenommen werden kann).

Von besonderem linguolandeskundlichem Interesse ist dabei stets die zweite Bedeutung, der zweite Aspekt der semantischen Struktur, die eine reiche Quelle der sprachlichen isomorphen und allomorphen Eigenschaften zeugen. Das Vorhandensein der Ähnlichkeit im Bereich dieser Spracheinheiten ist eine gesetzmäßige Erscheinung, die sich durch die Wechselwirkung der inner- und außersprachlichen Faktoren erklären läßt. In vielen analysierten Texten kommen nationale Besonderheiten der konkreten Textsorte zum Ausdruck, abhängig wiederum von den konkreten Lebensbedingungen der Sprachträger abhängig ist.

Die linguolandeskundliche Gestaltung des Unterrichtsprozesses setzt deshalb eine gründliche Analyse der semantischen Strukturen wie der determinierenden Faktoren der Symbolwörter voraus. Der linguodidaktische Aspekt setzt bei der Erarbeitung der Texttypen voraus, die phraseologischen Wendungen in ihrer Struktur und in der Textumgebung genau zu analysieren. Nur so kann die Funktion der gewählten Wendungen in vollem Umfang erkannt und dementsprechend angemessen übersetzt werden. Als weitere Aufgabe steht hierbei, ein kleines Verzeichnis über die genannten Phraseologismen (Deutsch, Ukrainisch) zu erarbeiten.

LITERATURVERZEICHNIS

1. Černyševa I.I. Feste Wortkomplexe des Deutschen in Sprache und Rede. - Moskau: Verlag "Vysšaja Skola", 1980.
2. Fleischer W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. - Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1982.
3. Мальцева Д.Г. Страноведение через фразеологизмы. - М., Высшая школа, 1991.
4. Palm Ch. Phraseologie. Eine Einführung. - Tübingen: Günther Narr Verlag, 1995.
5. Reichstein A.D. Ebenen der konfrontativen Analyse deutscher und russischen Phraseologie. - Leipzig: Karl-Marx-Universität, 1981.
6. Schmidt W. Deutsche Sprachkunde. - Berlin: Volk und Wissen. Volkseigener Verlag, 1968.
7. Voigt B. Dunkle Redensarten // Sprachsystem und sprachliche Tätigkeit. - Bd. 2. - Frankfurt am Main, 1991.

ДИСТАНЦИЯ ВЛАСТИ И ЕЁ ОТРАЖЕНИЕ В КОММУНИКАЦИИ

Рудякова В.М. (Харьков)

Поскольку человеческое общество — это структура иерархическая и члены этого общества занимают в этой иерархии различные позиции, такое устройство находит свое отражение не только в социальных процессах, но и в речи членов социума. Социальные условия и та "социальная ниша", которую общество отводит индивиду в той или иной ситуации, определяет не только его общественное, но и речевое поведение.

Объектом данного исследования являются особенности речевого поведения англоязычных коммуникантов в так называемых "асимметричных" или "антагонистических" ситуациях общения, участники которых поставлены в заведомо неравные условия, будучи разделены отношениями власти (power distance — Grayshon 1977, Scollon, Scollon 1985, Boxer 1993). Конкретно в фокусе исследования находится то, что можно было бы назвать "языком силы" или **авторитарным дискурсом**.

Представляется возможным выделить ряд типичных коммуникативных ситуаций, участники которых разделены "дистанцией власти" (power distance) и в которых наделенный властью над собеседником коммуникант избирает речевые стратегии, которые можно было бы объединить понятием авторитарный дискурс (power talk).

Американский социолингвист К. Бхавнани (Bhavani 1988) признает существование двух видов власти, а именно: "власти информации" (informational power) — т.е. власти, которая базируется на том, что один из коммуникантов обладает большим объемом и большим доступом к информации, чем его партнер, и так называемой "власти связей" (connection power), понимаемой как преимущество, которое получает перед другими индивид как результат своей близости к власти придержащим лицам или структурам.

Рассмотрим **власть информации**. В англоязычной среде данный вид власти проявляется, по нашим наблюдениям, в следующих социокультурных контекстах.

- Академическая среда (сфера образования). Отношения власти в коммуникативной ситуации “учитель—ученик” базируются на обладании учителем информацией, проистекающей от знаний и опыта. Позиция учителя является доминирующей, так как именно учитель осуществляет направление учебного процесса, выбор средств, используемых при обучении, а также характер общения. Ученик является “подчиненной” стороной, которая принимает предлагаемый учителем план и стиль работы, а также манеру общения.

Стиль общения между учителем и учащимися может быть выбран по усмотрению учителя, и может колебаться от авторитарно-агрессивного до дружественного. Приведенный ниже пример может служить иллюстрацией первого:

1. “... *and I must tell you about the Italian paintings I saw. Who is the greatest Italian painter?*” “*Leonardo da Vinci, Miss Brodie.*”

“*That is incorrect. The answer is Giotto, he is my favourite.*” /Spark/.

- Медицинская среда. Асимметричные отношения власти находят выражение в моделях: “доктор—пациент”, “доктор—медсестра”, “медсестра—пациент”. Именно врач задает тон беседы, врач может перебить пациента, если решит, что информация, которую предоставляет последний, не важна или не своевременна, а также регулирует очередность в разговоре (turn-taking), содержание и объем вклада собеседника:

2. “*Get me to the toilet, please.*”

“...*Shush. You're not to shout like that. You'll wake all the other ladies. And you can't go to the toilet. You know what the doctor said. Stay quiet now and I'll fetch a bedpan.*” /Sayer/.

Авторитарность врача в коммуникативной модели “врач—медсестра” также основана на обладании большим объемом информации:

3. “...*How is Madame Ferrier?*”

“*Fine. The bleeding has not recommenced.*”

“*Good. Keep a close watch on her.*” /Follet/.

- Сфера судопроизводства. Типичной “антагонистической” парой в дискурсивных ситуациях этого типа является пара “адвокат—обвиняемый”. Поскольку приговор суда существенно зависит от мастерства адвоката, его компетенция дает ему право навязывать обвиняемому стратегию поведения, используя авторитарные дискурсивные стратегии:

4. “*Well, don't be telling him what we discussed, right? It's confidential....And I'll tell you something else, but you can't tell it.*” /Grisham/.

• Сфера обслуживания. Продавец, официант, агент по недвижимости, давая советы клиенту, обычно старается навязать ему свое "авторитетное" мнение, которое клиент принимает, подчиняясь "власти информации", которую он признает за "знающим" человеком.

• Область семейных отношений. Здесь можно выделить такие коммуникативные пары, как "родители (опекуны)—дети", "дедушки (бабушки)—внуки", "старшие дети—младшие дети". Семья представляет собой микро-модель общества, где также существует своя иерархия власти. Более "сильную" позицию занимают, как правило, старшие по возрасту члены выше-названных пар. Будучи старше, они обладают большим объемом знаний, определенными умениями, а следовательно, возможностью влиять на события.

5. *"Do you want the man to think you're some kind of fallen woman — dressing up to attract him? This is business, girl. Take that off and put on your workin' clothes."*

"Yes, Papa."

/Sheldon/.

"Власть связей" уместно проиллюстрировать на коммуникативных моделях "тюремщик—заключенный", "полицейский—допрашиваемый", относящихся к сфере судопроизводства. Данный тип асимметрии власти может иметь место тогда, когда заключенный или допрашиваемый является известным человеком (гангстером, политиком и т.д.). В таком случае тюремщик или полицейский оказывается в "слабой" позиции, испытывая "почтение" и страх перед могущественными связями партнера по коммуникации.

6. *"What on earth is going on?" Kate demanded.*

"I apologize for disturbing you at this late hour, Miss Mc.Gregor. I'm Superintendent Cominsky."

"What's the problem, Superintendent?"

/Sheldon/.

"Власть связей" может стоять и за авторитарностью речевого поведения пациента в паре "врач—пациент" тогда, когда последний является влиятельным лицом и занимает в обществе (вне данной коммуникативной модели) достаточно высокое положение. Так например, если влиятельный человек приходит на прием к врачу, то возможно, именно он, а не врач, станет проявлять в своей речи привычку руководить, приказывать, принимать решения и т.п.:

7. *"I warn you," Kate informed him, "I don't have time to be sick."* /Sheldon/.

Нередко подобная асимметрия власти наблюдается в сфере обслуживания, где отношение к влиятельному клиенту становится подчеркнуто вежливым. См. Пример 8:

8. *"Miss Saint Martin, how nice to see you!"*

"Thank you, Bill. Is Mr. Hayworth here yet?"

"No, but we have the table waiting. May I show you in?"

/Steel/.

Интересной в плане исследования "власти связей", представляется религиозная сфера, где можно выделить такие коммуникативные пары, как "проповедник—паства" и "исповедник—исповедуемый". Проповедник и исповедник берут на себя роль представителя Бога. Таким образом, их авторитет у верующих основан на "связи" — вере в то, что они находятся ближе к Богу, чем основная масса людей.

Собранный нами фактический материал позволяет расширить схему Бхавани и выделить некоторые другие виды власти, которые могут выступать источниками авторитарного дискурса. В некоторых "асимметричных" ситуациях таким источником является власть грубой (физической) силы, которая может быть причиной авторитарности более сильного члена пары в коммуникативных ситуациях, имеющих место в тюрьме, больнице, семье, криминальной сфере. В тюрьме подобного рода отношения возможны между тюремщиком и осужденным, а также между двумя осужденными, если один из них физически слабее другого:

9. *"I wanna know what he said," demanded Carl Lee... Either talk or get slapped. /Grisham/.*

В следующем примере пациент вынужден подчиниться физическому насилию со стороны медработников:

10. *"I don't want to be alone! Take me back! I'm fine as I am. I don't want a room to myself!"*

"There is nothing to get excited about... You'll like this room. It's got a wonderful view." /Chase/.

В области семейных отношений этот вид власти представлен достаточно широко. От грубой физической силы со стороны мужей страдают жены, со стороны родителей — дети (см. пример 11), со стороны старших детей — младшие дети.

11. *"You bloody fool! What do you know about big business and power? Do I think I go around the world spreading evil? Hurting people?... Don't ever again let me hear you sneer at big business and power." "I'm s-s-sorry, M-m-mother." /Sheldon/.*

В криминальной сфере на грубой физической силе основаны террористические действия преступника по отношению к жертве/вам.

12. *"Come on," Pepi said... "get your clothes on. The boss wants you."*

"I'm busy," I said. "He'll find me here if he wants me that badly."

"Don't give me that stuff," Pepi snarled... "Get your clothes on and come".

/Chase/.

Выделяется и такой вид власти, который можно было бы условно назвать "власть закона" (власть, накладываемая статусом), когда право на авторитарность в поведении (в том числе речевом) признается за индивидом, **законно**, по статусу занимающему более высокое по сравнению с партнером

положение. В 13 приведен типичный пример авторитарного дискурса, к которому прибегает начальник в разговоре с подчиненным:

13. *"This looks fine", he said. "Get it to both newspapers immediately. Tell them to use the file photograph. See Frank Field at the Post. Tell him I want it on the front.."* /Grisham/.

Нельзя не упомянуть также и о "власти денег", которая в значительной степени прослеживается в самых разнообразных коммуникативных ситуациях и в современной американской лингвокультуре часто интерферирует с другими видами власти или даже сводит их на нет. Богатство, как правило, даёт коммуниканту определенные преимущества, в семейных отношениях часто ставит жену и детей в подчиненное положение по отношению к отцу. С другой стороны, обладание деньгами может "возвысить" и любого другого члена семьи, от которого остальные попадают в материальную зависимость (см. пример 14):

14. *"You're much too young to know what you want to do with your future."* /Sheldon/.

Естественно, данный вид власти существенно определяет характер речевого поведения партнеров и в ситуациях обслуживания, ставя богатого клиента в "позицию силы".

15. *"Good evenin', Mr. Travis. What will you have, sir? The usual?"*

"Not tonight, Smit. I want to talk to you. In the back room." /Sheldon/.

Данный вид проявляется и в других областях, иногда даже нейтрализуя асимметрию, вызываемую другими видами "силовых" отношений. Это такие области, как медицина ("доктор—пациент", "медсестра—пациент"), тюрьма ("тюремщик—заключенный") и даже сфера образования ("учитель—богатые родители", "учитель—ученик из богатой семьи").

Представляется возможным также выделить такой вид власти, как "власть возраста". Как правило, коммуниканты более зрелого возраста ожидают и даже требуют от более молодых собеседников почтительного и подчеркнутую вежливого к себе отношения, демонстрируя это путем использования авторитарного тона и соответствующих речевых стратегий.

Понятие дискурса, как известно, охватывает использование языковых средств как в рамках социального, так и межличностного контекста. Авторитарный дискурс также представляет собой форму социального взаимодействия и в то же время — форму индивидуального самовыражения — представления собеседникам собственного "лица" (Goffman 1981). Авторитарный дискурс следует отнести поэтому к области этнографии речи (Duranti 1988, Saville-Troike 1989), объектом которой выступает так называемый "ситуативный дискурс" (situational discourse — Duranti 1988), включающий одновременно межличностный, социальный, когнитивный и этнокультурный компоненты и отражающий связь между структурой языка, структурой общества и сложившимся в данном социуме видением мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bhavnani, K. (1988). Empowerment and social research: Some comments// Text 8 (1-2).
2. Boxer, D. (1993). Social Distance and Speech Behavior: the case of indirect complaints// Journal of Pragmatics, 19, p.103-125.
3. Duranti A. (1988). Ethnography of Speaking: toward a linguistics of the Maxis// "Linguistics: the Cambridge Survey", IV. Language: the Socio-Cultural Context. F. Newmeyer (ed.). Cambridge University Press.
4. Goffman, E. (1981). Analyzing Discourse: Text and Talk.—Georgetown, WA: Georgetown University Press.
5. Grayshon, M.C. (1977). Towards a Social Grammar of Language. (F.Fishman (ed.). Monton Publishers.
6. Saville-Troike, M. (1989). The Ethnography of Communication (2nd ed.).—Oxford: Basil Blackwell.
7. Scollon, R. and Scollon, S.W. (1995). Intercultural Communication. —Cambridge, MA: Blackwell.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ ТРЕВОЖНОСТИ КАК ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА И СИТУАЦИОННОЙ ТРЕВОЖНОСТИ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ УСВОЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Рябых Н.В. (Харьков)

Первые попытки определить степень влияния тревожности на успешность овладения иностранным языком основывались на общепсихологическом подходе. Тревожность измерялась стандартными тестами, описанными в психологической литературе, такими как шкала манифестной тревожности Тейлора (Taylor Manifest Anxiety Test), а затем полученные данные сравнивались с показателями успешности овладения иностранным языком. Позднее различные исследователи предлагали измерять тревожность в её более специфических проявлениях, возникающих в различных ситуациях при изучении иностранного языка. Высказывались предположения, что более узкая направленность пунктов шкал будет обеспечивать более значительную корреляцию.

Принимая во внимание противоречивость выводов относительно влияния тревожности, измеренной различными методами на успешность усвоения иностранного языка и недостаточную изученность данной проблемы было предпринято самостоятельное исследование данной проблемы.

Проверке подлежала следующая гипотеза. *Меньшая степень тревожности индивида предполагает более низкое положение аффективного фильтра, вследствие чего больший объём исходной информации поступает в организующее устройство для последующей обработки. Это увеличивает объём включённой информации и, таким образом, повышает эф-*

фактивность усвоения иностранного языка. Также представляется возможным, что специфическая тревожность, проявляющаяся в ситуациях, возникающих при изучении иностранного языка, оказывает большее влияние на положение аффективного фильтра, чем тревожность, являющаяся чертой характера индивида.

Для участия в эксперименте были отобраны учащиеся трёх групп коммерческих курсов по изучению английского языка. Всего в эксперименте принимало участие 21 человек, из них 7 мужчин и 14 женщин, возраст от 18 до 30 лет. Социальный состав испытуемых — учащиеся школ, студенты, работники коммерческих структур.

Для сравнения эффективности усвоения, с одной стороны, и уровня тревожности, с другой, необходимо было получить данные как о первом параметре, так и о втором. Была также предпринята попытка сравнения двух подходов к определению тревожности. Для этого тревожность измерялась двумя методами. Первый метод основан на общепсихологическом подходе к тревожности как к черте характера. Для определения уровня тревожности обычно применяются шкалы Сарасона (Sarason Test Anxiety Scale) либо Тейлора (Taylor Manifest Anxiety Test). Н. Имедадзе на основании этих шкал разработал свой вариант (Норакидзе 1989), который и был применён в настоящем исследовании.

Второй метод измерения основан на более узком подходе к тревожности, как к фактору, проявляющемуся в ситуациях, связанных с изучением иностранного языка. Для измерения такой ситуационной тревожности испытуемым было предложено восемь утверждений следующего содержания.

1. При изучении иностранного языка преподаватель не должен исправлять ошибки, так как это ведёт к излишнему волнению учащихся.
2. Для меня очень важно, чтобы учитель был приятным человеком. Если он мне неприятен, я плохо усваиваю предмет.
3. Для меня очень важно, чтобы я учился (училась) не хуже, чем другие студенты в группе – я нервничаю, когда чувствую, что кто-то говорит лучше меня.
4. Мне всё равно, что обо мне думают окружающие меня учащиеся в классе и преподаватель, я никогда не обращаю на это внимание.
5. Я лучше усваиваю, если в группе меня окружают доброжелательные, приятные мне люди, так как я уверен(а), что они не будут смеяться над моими ошибками.
6. Даже если я чего-нибудь не понимаю при обучении, я стесняюсь спросить преподавателя, мне кажется, что все остальные, кроме меня, всё поняли.
7. Я всегда уверен(а) в себе и всегда добьюсь успеха.
8. Я легко вступаю в контакты и люблю общаться с самыми различными людьми.

Результаты расчётов показателей корреляции приведены в таблице 1.

Таблиця 1

Корреляция тревожности, измеренная различными методами, с эффективностью усвоения

1 параметр	2 параметр	Корреляция
Манифестная тревожность, измеренная по шкале Н.Имедадзе	Эффективность усвоения	-0,32
Наличие ситуационной тревожности	Эффективность усвоения	-0,34
Отсутствие ситуационной тревожности	Эффективность усвоения	0,24
Превышение показателя наличия тревожности над показателем отсутствия тревожности	Эффективность усвоения	-0,31
Манифестная тревожность, измеренная по шкале Н.Имедадзе	Наличие ситуационной тревожности	0,46
Манифестная тревожность, измеренная по шкале, Н.Имедадзе	Отсутствие ситуационной тревожности	-0,62

Для лучшего представления результатов, полученных в результате экспериментального обучения были построены графики корреляции.

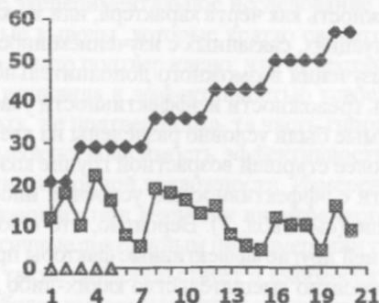

Рисунок 1

Связь между показателями тревожности и эффективности усвоения (горизонтальная линия — порядковый номер испытуемых, вертикальная линия — показатель испытуемых, ◆ — эффективность усвоения иностранного языка, ■ — тревожность, измеренная по шкале Н.Имедадзе)

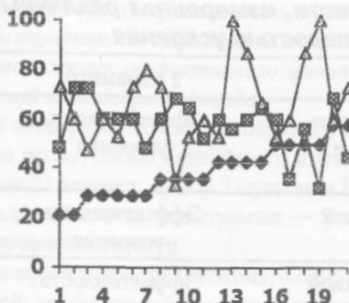

Рисунок 2

Связь между показателями наличия и отсутствия тревожности и эффективностью усвоения (◆ — эффективность усвоения, ■ — наличие ситуационной тревожности, ▲ — отсутствие ситуационной тревожности)

Как следует из рисунков 1 и 2 между результатами измерений тревожности с помощью обоих методов существует значительная корреляция, и, кроме того, коэффициенты корреляции эффективности усвоения иностранного языка и наличия тревожности при измерении различными методами примерно равны, что позволяет предположить, во-первых, достаточную достоверность полученных результатов, а во-вторых, равную значимость измерений тревожности в различных экспериментах, независимо от того, измеряется ли тревожность как черта характера, или же как её проявление в специфических ситуациях, связанных с изучением иностранного языка.

Кроме того, для изучения возможного дополнительного влияния возраста на взаимосвязь тревожности и эффективности усвоения иностранного языка, испытуемые были условно разделены на две группы — до 30 и старше 30 лет. В более старшей возрастной группе коэффициенты корреляции тревожности с эффективностью усвоения иностранного языка были несколько выше (см. Табл. 3). Вероятно, что с возрастом тревожность и связанные с ней другие аффективные факторы проявляются сильнее. Однако более вероятно вмешательство каких-либо дополнительных факторов, например, более сильная мотивация у старших по возрасту учащихся, так как средний процент эффективности усвоения в этой условной группе выше, тогда как средние показатели тревожности в обеих группах примерно равны.

Таблиця 3

Корреляція тривожності, виміреної різними методами, з ефективністю засвоєння і між собою, в віковій групі старше 30 років.

1 параметр	2 параметр	Корреляція
Маніфестна тривожність, вимірена по шкалі Н.Імедадзе	Ефективність засвоєння	-0,42
Наявність ситуативної тривожності	Ефективність засвоєння	-0,41
Відсутність ситуативної тривожності	Ефективність засвоєння	0,51
Превышение показателя наличия тривожності над показателем її відсутності	Ефективність засвоєння	-0,50
Маніфестна тривожність, вимірена по шкалі Н.Імедадзе	Наявність ситуативної тривожності	0,45
Маніфестна тривожність, вимірена по шкалі, Н.Імедадзе	Відсутність ситуативної тривожності	-0,60

Проведене експериментальне дослідження дозволило сформулювати деякі висновки, які коротко зводяться до наступного. По-перше, ще раз було підтверджено, що існує явна зв'язь між тривожністю індивіда і ефективністю засвоєння їм іноземної мови. По-друге, не підтвердилася та частина гіпотези, яка передбачала більш високу залежність ефективності засвоєння іноземної мови від ситуативної тривожності. Вимірювання тривожності в ситуаціях, що виникають при вивченні іноземної мови, показали результати, аналогічні отриманим при вимірюванні тривожності як риси характеру. Це також свідчить про взаємозв'язь цих двох явищ, тобто. учасники з більш високим рівнем загальної тривожності, як правило, мають більш високу тривожність і в ситуаціях, що виникають при вивченні іноземної мови.

ЛИТЕРАТУРА

Норакидзе В.Г. Методика дослідження характеру особистості. АН ГСРСР, Інститут психології. — Тбілісі: Мецніеребе, 1989.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФОРМ ДЛИТЕЛЬНОГО ВИДА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Сердюк В.Н., канд. филол. наук (Харьков)

Главным и до сих пор нерешенным вопросом, касающимся длительной формы в английском языке, является вопрос о ее происхождении.

Дело в том, что ни один германский язык не имеет развитой системы форм длительного вида, в отечественной литературе традиционно относимых к морфологическим средствам. Длительность в них передается с помощью синтаксических конструкций, содержащих причастие, а также с помощью обстоятельственных слов и словосочетаний.

Существуют различные точки зрения относительно происхождения длительных форм английского глагола. С целью их критической оценки были проанализированы переводы Евангелия на древнеанглийский язык (995 г.); среднеанглийский (Уиклиф, 1389 г.); ранненовоанглийский (Тиндейл, 1526 г.); так называемый авторизованный перевод (1611 г.).

Первая версия, которую разделяют Ф. Моссе (Mosse 1938:253), Я. Малак (Malak 1993:126) и многие другие, - это версия о преемственности сочетаний "beon/wesan + причастие на - ende" и сочетаний "be + причастие на - ing".

Э.К. Трауготт считает, что древнеанглийское сочетание глагола бытия с причастием на "- ende" не могло не лечь в основу современной длительной формы. Оно не было ни многозначным, ни фонологически неустойчивым (Traugott 1972:143).

Анализ древнеанглийских, среднеанглийских и ранненовоанглийских текстов показывает, что все формы на "- ende" последовательно сменились на формы с "- ynge/ - inge", затем "-ing".

Ср.: *Twa beo? ?t cwyrne grinende, an by? genumen o?er by? l?fed* (Matthew 24:41. Anglo-Saxon. 995)

Two wymmen shulen be gryndynge in oo querne, oon shal be taken to, and the other forsaken. (Matthew 24:41. Wycliffe. 1389)

Two shalbe gryndynge at the myll ... (Matthew 24:41. Tyndale. 1526)

Two women shall be grinding at the mill ...

(Matthew 24:41. Authorized Version, 1611)

Уже у Тиндейла появляется причастие I пассива:

And she beinge informed of her mother before, sayde, Geve me here Jhon Baptistes heed in a platter. (Matthew 14:8. Tyndale. 1526),

но длительной формы пассива еще нет:

And sayde unto hym, Master; thys woman was taken in advoutry, even as the dede was a doying (John 8:4. Tyndale. 1526)

В переводе 1611 года пассивных причастий два:

now when all the people were baptized, it came to pass, that Jesus also being baptized, and praying, the heaven was opened. (Luke 3:21. Authorized Version, 1611)

And he taught in their synagogues, being glorified of all.

(Luke 4:15. Authorized Version, 1611)

Согласно второй версии, наиболее настойчиво отстаивавшейся О. Есперсеном (Jespersen 1954:205), современные длительные формы развились из среднеанглийского сочетания "be + a (on) + отглагольное существительное с суффиксом -ing или -ung".

В таком случае возникает вопрос, насколько такое сочетание было частотно в среднеанглийских текстах.

В переводе Евангелия Уиклифа это сочетание употреблено один раз в пассивном значении - "even as the dede was a doying" (John 8:4); а в коллективном переводе 1611 года (Authorized Version) элемент "a" встречается один раз перед формой на "-ing" в сочетании с глаголом "be" и два раза перед формой на "-ing" в обстоятельственной функции.

And as he was yet a coming, the devil threw him down and tare him.

(Luke 9:42. Authorized Version)

For he had one only daughter about twelve years of age, and she lay a dying.

(Luke 8:42. Authorized Version)

Simon Peter saith unto them, I go a fishing (John 21:3. Authorized Version)

Трудно представить себе, что так редко встречающееся в исследуемых текстах сочетание могло стать основой для современных длительных форм, тем более, что в коллективном переводе 1611 года, где уже находим явно преобладающее количество беспредложных сочетаний "be + форма на "-ing", предлог встретился в нередуцированной форме.

Then said the Jews, Forty and six years was this temple in building, and wilt thou rear it up in three days? (John 2:20. Authorized Version, 1611)

С другой стороны, если предложное сочетание, вернее, сочетание с редуцированным предлогом "a", было таким популярным, каким его представляет О. Есперсен, то неясно, почему древнеанглийское сочетание подобного рода не было передано в среднеанглийский и ранненовоанглийский период с помощью сочетания "be + a + форма на -ing".

And ge beo? eallum on hatunge for minum naman (Mark 13:13. Anglo-Saxon, 995)

And ge schulen be in hate to alle men for my name (Mark 13:13. Wycliffe. 1389)

And ye shall be hated off all men for my names sake. (Mark 13:13. Tyndale. 1526)

*And ye shall be hated of all men for my name's sake.
(Mark 13:13. Authorized Version. 1611)*

Сказанное выше позволяет заключить, что современные длительные формы могли развиваться из "be + a(on) + форма на - ing" только в том случае, если эти сочетания были широко распространены в устной речи среднеанглийского периода, и если элемент "a" начал исчезать до опубликования перевода Библии в 1611 году.

Рассмотрим модель Г. Пэддока, согласно которой современные формы длительного вида появились в результате слияния форм на "- ende" и "- ynge/- inge".

Прежде всего, Г. Пэддок (Paddock 1989:252) допускает омонимию в среднеанглийский период окончания "- end" вследствие утери конечного "- e" и деривационного суффикса "- end", с помощью которого в древнеанглийском языке образовывались существительные, обозначающие деятели. В результате, к концу среднеанглийского периода "He was galend" могло означать "He was singing" или "He was (an)enchanter". В таком случае пришлось бы не согласиться с утверждением Э. К. Трауготт о том, что "- ende" было однозначно (Traugott 1972:143).

К словам Г. Пэддока можно также добавить, что в некоторых примерах форма на "- ende" выступала в субстантивной функции, что могло еще более способствовать отождествлению "- ende" и "- end".

*Hingriende he mid godum gefylde, and ofermode idele forle
(Luke 1:53. Anglo-Saxon. 995)*

Омофония обычно устраняется за счет потери одного из омофонов, но, как признает сам Г. Пэддок, скорее должны были быть вытеснены существительные на "- end", что и случилось (Paddock 1989:252).

Другая возможность состоит в том, что вследствие редукции окончаний "- ende/- inde" могло превратиться в "- in", сливаясь в некоторых диалектах с "- ing", особенно после того, как ослабла функциональная значимость редуцированного предлога "a".

Пример из перевода Уиклифа подтверждает такую возможность:

*And he gon yn, seith to hem, what ben gee troublid, and wepyn?
(Mark 5:39. Wycliffe. 1389)*

Четвертая версия не противоречит первым трем, а лишь дополняет их. Б. Браатен (Braaten 1967:175) считает, что распространению сочетания "be + причастие настоящего времени" могли способствовать контакты с кельтскими языками. В кельтских языках длительные формы гораздо древнее, чем в английском и в некоторых из них означают как конкретные события, так и события, не ограниченные временными рамками (Сереб-

ренников 1974:81; Greene 1966:47; Hickey 1989:195; Leith 1983:17; Lockwood 1975:41; Wagner 1959:86). В ирландском языке, например, длительная форма состоит из глагола "ta" в сочетании с отглагольным существительным, перед которым стоит предлог "ag", который в устной речи может редуцироваться перед согласным, поэтому "a(g)dul" очень похоже на "a - going" (Bammesberger 1983:69).

Ср.: *Ta me ag afaire - I am working.*

Не исключено, что кельтская модель оказала влияние на разговорный среднеанглийский, поэтому к началу ранненовоанглийского в письменной речи наблюдается временный всплеск форм с "a" - *adoing, agoing* и т.д.

В целом, нельзя не учитывать роль контактов через билингвизм с кельтскими языками в формировании современного английского языка, тем более в развитии длительных форм.

Следует учесть, что Уэльс был полностью подчинен английской короне в 1301 г., Ирландия пережила две волны массовой колонизации англичанами в конце XII в. и в середине XVII в., Шотландия отразила попытки завоевания англичанами в XIV в., но с 1603 г. с вступлением на английский престол короля Шотландии Якова вошла в состав объединенного королевства и подверглась англоизации.

Согласно нашим данным, В.С. Моэм и Дж. Джойс опубликовали свои произведения почти одновременно ("Dubliners" - в 1914 г., а "The Moon and Sixpence" - в 1919 г.). Тем не менее, на 100000 слов у Моэма приходится 233 длительных формы, а у ирландца Джойса - 608. Если учесть, что среди английских писателей немало шотландцев и ирландцев, то уже они могли способствовать расширению сферы употребления длительных форм в английском языке.

Приняв во внимание все вышеуказанные факты, следует заключить, что между древнеанглийским причастием на "-ende" и среднеанглийским причастием на "-unge/-inge" прослеживается непосредственная преемственность. Что касается сочетаний "beon/wesan + причастие на -ende" и "be + форма на -unge/-inge", то следует считать, что и здесь в основном наблюдается преемственность, но в некоторых случаях возможно было слияние сочетаний "be" с причастием и отглагольным существительным в случаях билингвизма.

ЛИТЕРАТУРА

- Серебренников Б.А. (1974). Некоторые вопросы истории кельтских языков // Кельты и кельтские языки. - М.: Наука. - С. 72 - 104. Bammesberger A. (1983). An Outline of Modern Irish Grammar. - Heidelberg. - 222 p. Braaten B. (1967). Notes on Continuous Tenses in English. Norsk Tidsskrift for sprogvidenskap. - P. 167 - 180. Greene D. (1966). The Irish Language. - Dublin: The Three Candles. - 61 p. Hickey R. (1989). Towards a Contrastive Syntax of Irish and English // Contrastive Linguistics.

- Berlin, N.Y., Amsterdam. - P. 187 - 203. *Jespersen O. (1954). A Modern English Grammar on Historical Principles.* - London: George Allen and Unwin, 1954. - Vol. 2. - 415 p. *Leith D. (1983). A Social History of English.* - London: R., K.P. - 224 p. *Lockwood W.B. (1975). Languages of the British Isles. Past and Present.* - Andre Deutsch. - 214 p. *Malak J. (1991-1993). The Function of the Present Participle in the Predicative Position in Old English // Studia Anglica Posnaniensia.* - XXV - XXVII. - P. 123 - 141. *Mosse F. (1938). Histoire de la Forme Periphrastique "etre + participe present" en Germanique.* - Paris. - 147 p. *Paddock H. (1989). On Explaining Macrovariation in the Sibilant and Nasal Suffixes of English // Folia Linguistica Historica. Acta Societatis Linguisticae Europaeae. Tomus IX/1.* - Mouton. - P. 235 - 269. *Traugott E. C. (1972). A History of English Syntax: A Transformational Approach to the History of English Sentence Structure.* - New York et. al.: Holt, Rinehart and Winston, Inc. - 216 p. *Wagner H. (1959). Das Verbum in den Sprachen der Britischen Inseln.* - Tubingen: Max Memeyer Verlag. - 197 p.

МОВНІ КОНТАКТИ

Сімонок В.П. (Харків)

Вплив зовнішніх мовних чинників здійснюється в процесі взаємодії мов. В основах мовної взаємодії лежать позамовні явища: міграція населення, сумісне проживання різних етносів на одній території, економічні, політичні, культурні й ідеологічні контакти різних народів, військові завоювання, колонізація і т.ін. Г.В. Степанов має рацію, коли зауважує: "Коли мовні зміни пояснюють контактами двох систем..., то часто забувають, що контактують не системи і структури, а їх носії" (Степанов 1976 : 74). В лінгвістичній літературі взаємодія мов позначалася різними термінами: "іншомовний вплив", "змішування мов", "схрещування мов", "взаємний вплив мов", а в останній час досить часто це поняття називають "мовними контактами".

Одним із перших підкреслив виняткову важливість вивчення взаємодії мов Г.Шухардт. Його сучасник І.О.Бодуен де Куртене теж вважав, що мовна взаємодія - це актуальна галузь лінгвістичних досліджень, і навіть одну з своїх праць назвав "Про мішаний характер усіх мов". І Шухардт, і Бодуен де Куртене користувалися молодогораматичним терміном "змішування мов", який, кінець кінцем, походить від біблійської легенди про "авілонське стовпотворіння" і "с്മьшеніє языцев". Паралельно використовувався термін "схрещування", запозичений з біології, причому всередині схрещування розрізняли "метисацію" - взаємодію споріднених мов і "гібридизацію" - взаємодію неспоріднених мов. Проти вживання цих термінів виступили лінгвісти-компаративісти. Особливо неприйнятним

здавався їм термін "мішана мова", оскільки він породжував уявлення, що названа так мова є результатом змішування двох мов у рівних пропорціях і, отже, не можна сказати, чи вона є продовженням однієї мови чи іншої. Ці погляди поділяв і Л.В.Щерба, який запропонував нову назву - "взаємний вплив мов". Однак і цей термін не набув популярності. Нині найпоширенішими термінологічними сполученнями є "взаємодія мов" і "мовні контакти".

Значення терміна "взаємодія мов" можна визначити таким чином: дві мови взаємодіють, якщо висловлювання однією мовою включають до свого складу елементи чи відношення другої мови, або навпаки - висловлювання другою мовою включають до свого складу елементи чи відношення першої мови, а також елементи й відношення першої мови входять до системи другої мови і навпаки. Одні вчені вважають, що термін "мовні контакти" має такий самий обсяг значення, отже, вони синонімічні. Інші, Ю.О.Жлуктенко, зокрема, розрізняють значення цих термінів: взаємодія мов розуміється як комплекс явищ, що виникають внаслідок встановлення міжмовних зв'язків, а мовні контакти - як певний тип міжмовного зв'язку, поряд з яким стоять дистантні (від лат. *distantia* - відстань) міжмовні зв'язки (коли немає безпосереднього контакту носіїв взаємодіючих мов і двомовності) та інтермедіарні міжмовні зв'язки (від лат. *intermedius* - проміжний, середній), що встановлюються між двома мовами, які безпосередньо не контактують, але кожна з них перебуває в контакті з третьою мовою, що виконує роль посередника (Жлуктенко 1974 :12-15). Однак дистантні міжмовні зв'язки можна вважати різновидом мовних контактів, а інтермедіарні теж зводяться до звичайних мовних контактів між мовою А і мовою-посередником та між мовою-посередником і мовою Б.

Процеси взаємодії мов набирають дуже багатьох різних форм, тому що і мов на світі чимало, і взаємини, які встановлюються між мовами, характеризуються неабиякою різноманітністю, ускладнюючись до того ж за рахунок численних суспільних факторів. Але мовознавство шукає спільні моменти в різноманітних процесах мовної взаємодії і встановлює їхню типологію. Безліч конкретних процесів взаємодії мов можна розташувати між двома полярно протилежними типами. З одного боку можна поставити взаємодію мов неспоріднених і цілком відмінних за своєю структурою (наприклад, взаємодія російської і китайської мов), тоді на протилежному полюсі стоятиме взаємодія близькоспоріднених і структурно подібних мов (наприклад, взаємодія російської та української мов). Між цими двома протилежними типами розмістяться перехідні типи взаємодії мов споріднених, але віддалених структурно (наприклад, взаємодія російської та болгарської мов) і взаємодія мов більш-менш близьких у струк-

турному відношенні, але неспоріднених (наприклад, взаємодія удмуртської мови з татарською). Структурна і генетична близькість мов, що вступають у взаємодію, є фактором сприятливим, а структурна і генетична віддаленість є фактором, що гальмує процес взаємодії.

На основі інших критеріїв можна побудувати інші типології взаємодії мов. Так, якщо спиратися на критерій напряму дії (впливу) та на рівень мовної системи, на якому відбувається взаємодія, можна виділити такі типи:

- 1) однобічний вплив на одному рівні мовної системи (наприклад, вплив латинської мови на українську. Цей тип реалізується лише на рівні лексики, а вплив має лише один напрямок, вплив української мови на латинську виключається);
- 2) обопільний вплив на одному рівні взаємодіючих мов (наприклад, російсько-італійські мовні зв'язки обмежуються лише рівнем лексики, але і в російській мові маємо лексичні запозичення італійського походження, і в італійській мові є лексичні запозичення російського походження);
- 3) однобічний вплив на різних рівнях однієї мови (наприклад, вплив арабської мови на турецьку відчутний на різних рівнях її системи, вплив же турецької мови на арабську майже не помітний);
- 4) обопільний вплив на різних рівнях взаємодіючих мов (наприклад, взаємодія мов східних романців і слов'ян в період їх співжиття, наслідки цієї взаємодії засвідчені на всіх рівнях східнороманських мов, а мова слов'ян Дакії зазнала такого впливу, що взагалі зникла, слов'янські пам'ятки, писані на території придунайських князівств, засвідчують східнороманські впливи на різних рівнях).

Слід узяти до уваги, що "однобічність" мовного впливу не слід розуміти спрощено. Зовнішній вплив певним чином пов'язаний з внутрішнім розвитком мови, яка "відбирає" для себе одні елементи чи відношення, а від інших відмовляється. Отже, в процесі взаємодії мов активною буває не тільки мова, що здійснює вплив, а й та, яка зазнає іншомовного впливу.

На основі критерію територіального розташування взаємодіючих мов побудована ще одна типологія мовної взаємодії:

- 1) маргінальна (від лат. *margo* - край) взаємодія, коли взаємодіючі мови перебувають на суміжних територіях;
- 2) внутрішньорегіональна взаємодія, коли взаємодіючі мови перебувають на одній і тій самій території. Мови, носії яких перебувають на одній території, зазнають більше взаємовпливів, ніж контактуючі мови, носії яких мешкають на суміжних територіях.

Є й інші класифікації типів мовної взаємодії, в яких, проте, змішуються різні поняття, типи взаємодії мов та її результати. Інколи навіть генетичну

спорідненість мов називають типом мовної взаємодії, з чим погодитися дуже важко. Така різноманітність поглядів на типологію мовної взаємодії зайвий раз показує, що в лінгвістиці ця проблема ще не здобула остаточного розв'язання. Певною мірою цьому сприяють різні розуміння самої взаємодії мов. Складність проблеми пояснюється ще й тим, що з типологією взаємодії мов іноді плутають класифікацію видів мовних контактів.

Мовні контакти можуть бути казуальними (від лат. *casus* - випадок) і перманентними (від лат. *permanens* - постійний). Перші відбивають тимчасові або випадкові зв'язки, для яких характерна дуже слабка інтенсивність мовної взаємодії. Другі свідчать про тісні міжмовні зв'язки, засновані на постійному і тривалому спілкуванні носіїв різних мов.

Важливе значення має розрізнення форм мовних контактів: природної (в умовах безпосереднього спілкування носіїв мов) та штучної (в умовах шкільного вивчення певної мови). Тут варто сказати й про особливі природно-штучні форми мовного контактування. Зокрема вивчення російської мови народами колишнього СРСР є специфічним, оскільки російська мова вивчалась представниками інших радянських народів не лише в навчальних закладах, а і в безпосередньому спілкуванні мовців. Очевидно, деякі аналогічні риси можна знайти і в процесі опанування англійської мови представниками імігрантських груп в США як через школу, так і в процесі прямого спілкування з носіями англійської мови.

Деякі мовознавці ототожнюють поняття "мовні контакти" і "двомовність", інші протиставляють їх як видове і родове поняття, але обидві ці точки зору неправильні, бо двомовність і мовний контакт - це різні аспекти взаємодії мов, які найтісніше між собою пов'язані. Двомовність, або білінгвізм, - це практика наперемінного користування двома мовами з метою спілкування, яка властива мовній діяльності однієї особи чи певному колективу. Від двомовності відрізняють диглосію - практику наперемінного використання двох варіантів однієї мови. З визначення двомовності випливає, що вона може бути індивідуальною і колективною. Всередині колективної двомовності виділяють групову і тотальну двомовність. Групова двомовність охоплює тільки окрему частину мовного колективу, а інша його частина залишається одномовною. Групова двомовність може характеризувати частину мовної спільності за статтю (наприклад, чоловіки двомовні, а жінки одномовні) і за фахом (представники певної професії двомовні, а всі інші члени колективу одномовні), за віком (старше покоління двомовне, а молодше - одномовне чи навпаки), за соціальним станом (представники певного класу чи соціального прошарку двомовні, а інші члени суспільства одномовні). Тотальна двомовність може охоплювати як цілі етнічні утворення, так і окремі вкраплення посеред іншого етнічного масиву.

Була висловлена думка, ніби лінгвістика повинна цікавитися лише колективною двомовністю, а індивідуальний білінгвізм не входить у сферу її уваги. Але таке ставлення до індивідуального білінгвізму позбавлене раціональної основи. Інтерференції, які народжуються в мовленні окремої двомовної особи, звичайно, не можуть одразу вплинути на мову її колективу. Та ці індивідуальні інтерференції можуть поширитися у тих мовців, з якими спілкується двомовець, словом, з індивідуального мовлення двомовця інтерференції проникають в мовну діяльність одномовців, а потім, захоплюючи весь мовний колектив, стають фактами мовної системи. Тому залишати індивідуальну двомовність за межами теорії мовних контактів несправедливо. Слід визнати правильною і думку про те, що індивідуальна двомовність лише однією стороною належить до індивідуальної сфери. Її другий бік - суспільний характер, бо індивідуальна двомовність виникає як відповідь на певні суспільні потреби і, отже, вона виконує важливі соціальні функції.

Можна розрізняти окремі типи двомовності:

- 1) *субординативна* двомовність, коли володіння білінгвом (двома мовами) неоднакове і коли соціальні моменти сприяють переважному використанню однієї мови за рахунок іншої;
- 2) *координативна* двомовність, коли дві різні мови використовуються двомовцем у різних ситуаціях спілкування і між ними встановлюються певні відповідності, які при сприятливих умовах ведуть до інтерференцій, що можливі в обох напрямках;
- 3) *чиста* (або *ідеальна*) двомовність, коли мовні механізми двох систем співіснують у свідомості двомовця без будь-якого зв'язку.

Останній тип здається лише теоретично допустимою абстракцією. В усякому разі, якщо він існує, то не може бути предметом дослідження теорії мовних контактів, оскільки в цьому випадку мовні системи не взаємодіють, не впливають одна на іншу. Такий тип, якщо він існує, може бути предметом вивчення психології, педагогіки, медицини, але не теорії взаємодії мов.

Оскільки у висловлюваннях білінгва містяться елементи і моделі двох різних мов і, отже, його мовлення має мішаний характер, була висунута ідея, що при двомовності поряд з двома мовними системами, якими володіє двомовець, виникає третя проміжна система, яка об'єднує спільну частину взаємодіючих мов. Проте насправді такої третьої системи не буває, бо на практиці двомовний колектив не характеризується однаковим володінням двох мов. Використання першої або другої мови цілком визначається конкретною об'єктивною ситуацією спілкування. Оскільки не можна уявити, що всі члени двомовного колективу постійно перебувають в однакових ситуаціях, природно, що ступінь володіння двома мовами

цього колективу не однаковий. Крім того, об'єктивно існує функціональна відмінність мов, якими володіє цей колектив. Звичайно, що за таких обставин двомовність веде не до створення якоїсь окремої третьої системи, а до зміни систем взаємодіючих мов.

Є думки, згідно з якими при координативній двомовності неможливі інтерференції. Насправді ж інтерференція можлива і в цьому випадку, принаймні на лексико-семантичному і на синтаксичному рівнях. Випадки семантичного запозичення та створення кальок цілком можливі за умов координативного білінгвізму. Той, хто вперше вжив у російській мові слово *левый* у значенні "радикальний, революційний, прогресивний" або утворив слово *влияние* під впливом фр. *gauche* і відповідно *influence*, не обов'язково був двомовцем субординативного типу білінгвізму. Він міг користуватися в одних ситуаціях російською мовою, в інших - французькою, але приблизно однакове володіння цими мовами і прагнення до встановлення еквівалентних і конгруентних відношень між одиницями цих мов привели його до запозичення значення в одному випадку (семантичне калькування) і до створення нового слова в іншому (структурне калькування).

Л.В.Щерба часто наводив як приклад чистої двомовності двомовність представників старої російської аристократії. Але треба сказати, що й тут ми зустрічаємось скоріше з координативною або субординативною двомовністю, ніж з ідеальним білінгвізмом. Про це свідчать наведені у романі "Війна і мир" Л.М.Толстого приклади використання цими аристократами російської і французької мов.

"Connaissez-vous le proverbe: "Ерёма, Ерёма, сидел бы ты дома, точил бы свои веретена"... Cela nous convient à merveille. Уж на что Суворова - и того расколотили à plate couture, а где у нас Суворовы теперь? Je vous demande un peu".

Наслідком двомовності самого Л.М.Толстого є, наприклад, речення з незвичайним синтаксисом у мові автора: "Увидев её мельком, она показалась ему еще лучше".

В зарубіжних працях з питань двомовності можна зустріти й інші терміни для позначення різних типів білінгвізму. Розрізняють, наприклад, "горизонтальний", "вертикальний" та "діагональний" білінгвізм. Горизонтальною називають двомовність, що об'єднує мови, рівноцінні за своїми функціями, вертикальною - використання літературної мови і діалекту, діагональна двомовність стосується випадку, коли діалект належить до однієї генетичної групи, а літературна мова - до іншої (наприклад, двомовність шотландців, які володіють гаельською говіркою і англійською мовою). Звичайно, в житті ці типи перехреснюються: страсбурзці, наприклад, можуть бути "горизонтальними" двомовцями, якщо володіють німецькою і французькою літературними мовами, "вертикальними", якщо кори-

стуються німецькою літературною мовою та ельзаською говіркою, і "діагональними", якщо володіють французькою літературною мовою та ельзаським діалектом німецької.

Двомовність є основою будь-якої взаємодії мов. Наслідки процесу мовної взаємодії проявляються і в мовленні двомовних індивідів, і в мовних системах, які зазнають певних змін. Інколи, щоб розрізнити процеси змін у мовленні і в мові, користуються різними термінами: зміни у мовленні називають мутацією (від лат. *mutatio* - зміна), а зміни у мові - дифузією (від лат. *diffusio* - поширення), наслідки ж цих процесів називають інтерференціями (від інтер- і лат. *ferens* - той, що несе) і трансференціями (від лат. префікса *trans-* - пере-, по той бік) або інтеграціями (від лат. *integratio* - поповнення). А втім у теорії мовних контактів ще не досягнуто одноманітного вживання термінології. Одні вчені називають інтерференцією всі відхилення від норми кожної з мов, які спостерігаються в мовленні двомовних осіб. Інші цим терміном позначають відхилення в граматиці і фонології, а наслідки іншомовного впливу в лексиці називають запозиченнями. Треті розрізняють інтерференцію як позитивне явище, що сприяє взаємозбагаченню контактуючих мов, і трансференцію як негативне явище, яке породжує мовну надлишковість і створює труднощі на шляху засвоєння другої мови. Однак останній погляд навряд чи можна визнати правильним, оскільки в зарубіжному мовознавстві і в деяких працях радянських учених трансфером називають "накладання елементів рідної й чужої мови, яке не веде до порушень норми рідної мови".

ЛИТЕРАТУРА

1. Степанов Г.В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. - М., 1976. - С. 74.
2. Жлуктенко Ю.А. Лингвистические аспекты двуязычия. - К., 1974. - С. 12-15.
3. Семчинський С.В. Загальне мовознавство. - К., 1988. - 325 с.
4. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. - М., 1988. - 340 с.

ПОВТОР КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СВЯЗНОСТИ ТЕКСТА

Соколова И.В. (Сумы)

К структурным, синтаксическим, текстообразующим, функциональным характеристикам повтора лингвисты обращались неоднократно. Однако, семантический повтор как один из основных элементов связности текста не был предметом специального изучения. Исследование семантического повтора в условиях текста представляется весьма актуальным в русле общей тенденции изучения основных категорий текста — цельнооформленности и информативности.

Под семантическим повтором понимается повтор как категориальных, включая семантику грамматических категорий, так и лингвистических семантических компонентов. Семантический повтор реализуется как в синтаксически связанных между собой отрезках речи (в пределах высказывания), так и на больших, чем высказывание, отрезках сообщения [Чернов 1987:61].

Семантические повторы, как связующие элементы, реализуются обычно на большом отрезке текста, в рамках целого произведения. Важное значение для идентификации повторов имеет лингво-стилистический анализ коммуникативных единиц, основанный на предположении, что повторяемые в тексте значения являются наиболее важными в семантическом, тематическом и стилистическом аспектах.

При лингво-стилистическом анализе текста следует учитывать, что художественный текст строится на основе двух типов отношений: со-противопоставления повторяющихся эквивалентных элементов и со-противопоставления соседствующих (неэквивалентных) элементов [Лютман 1970]. Эти отношения в своей совокупности оформляют текст как единое целое. Если повторение эквивалентных элементов прослеживается в поверхностной лексико-синтаксической структуре текста, то в отношениях между соседствующими неэквивалентными элементами действует закон семантического согласования. Понятие семантического согласования в современных лингвистических исследованиях анализируется на материале повторяемости сем и согласования слов в тексте [Гак 1972; Апресян 1974].

Семантическое согласование реализуется как в пределах одного предложения, так и в рамках целого текста, обеспечивая тем самым его локальную и глобальную связность. В пределах одного предложения семантическое согласование выражается в действенности закона сочетаемости слов, сформулированном В.Г. Гаком: “для того, чтобы два слова состави-

ли правильное сочетание, они должны иметь, помимо специфических, различающих их сем, общую сему, либо не иметь несовместимых сем. Сема может иметь категориальный характер" [Гак 1972]. Так, например, предложение *He said that the poems happen to be written by the only great poet of the century (J.D. Salinger)* является семантически согласованным, так как, с одной стороны, повторяется сема *poems-written-poet*, а с другой стороны, нет в наличии несовместимых сем.

Здесь четко разграничиваются грамматическое и эмпирическое согласование. При грамматическом согласовании согласуемое слово актуализирует определенное категориальное значение. При эмпирическом согласовании слова не приобретают общие смысловые элементы в тексте, а имеют их за пределами текста [Апресян 1974].

В рамках целого текста семантическое согласование имеет отношение к глобальной связности произведения, отражаясь в таких понятиях, как топик, тема, общий смысл, основное содержание и макроструктура текста [ван Дейк 1989:41].

Простейшим случаем, сигнализирующим семантическую связность текста, являются лексические повторы. Это повторы слова или словосочетания в составе одного предложения, абзаца или целого текста [Арнольд 1973:125]. Ср.:

It does sound like somebody talking, talking or walking around, doesn't it? (John Cheever).

"They don't have coffee", Freddy said, "They don't have butter. They don't have whisky, they don't have homes". (John Cheever).

I like to think that his soul was as comely as his body. But I daresay he had no more soul than the creatures of the woods... A soul is a troublesome possession and when man developed it he lost the Garden of Eden. (W.S. Maugham).

Семантические и лексические повторы часто функционируют сопряженно. Ср.:

(1) *Mix a little folly with your wisdom: a little nonsense is pleasant now and then.* (Horace).

(2) *Money spent on the brain is never spent in vain* (Proverb).

(3) *"It makes me so happy to see them together. They're so happy. The only thing I want is to see my sons happily married and to have a few grandchildren. If you were only married, Fred, I wouldn't ask for anything more".* (John Cheever).

В отличие от лексического повтора, представленного в поверхностной структуре, семантический повтор действует в глубинной структуре текста, обеспечивая его глобальную связность. Семантический повтор может быть выражен синонимами (*folly-nonsense*), а также повтором сем

общего значения (примеры 2, 3) в глубинной структуре текста, что создает эффект когерентности сообщения.

Исключительно важную роль в идентификации связности текста играют топиковые (субтематические) цепочки, состоящие из ключевых слов произведения. Ключевые слова представляют собой наиболее значимые с точки зрения раскрытия топики произведения, слова и словосочетания. Топиковая цепочка может включать в себя однокоренные слова, синонимы, антонимы, а также слова одного семантического поля.

В рамках целого произведения взаимопересекаются несколько топиковых цепочек, оформляя тему и основную идею данного произведения. Так, например, в рассказе "I'm going to Asia" Джона Чивера пересекаются две тематические цепочки. Одна из них объединяет слова, описывающие безмятежный тихий вечер в кругу семьи: *evening, familiar scenery, pier, water, mountains, happy, to get married*. Вторая цепочка затрагивает проблему войны в Европе, передавая подспудную тревогу героев: *a uniform, in Europe, war, the end of the world, to kill, dead*.

Между словами первой тематической цепочки прослеживается связь на семантическом уровне. Здесь велика роль контекстуальных синонимов: *to be happy* для одной из героинь значит *to get married, to have a house, to have grandchildren*. В рамках второй цепочки повторяются семы "война", "страдание", "несчастье". Характерно употребление "военной" лексики: *uniform, soldier, war, ruins*. Герои рассказа часто переходят от обсуждения обыденных проблем к событиям в Европе:

"She always enjoyed the mountain scenery so much; she always thought the Adirondacks were more beautiful than anything in Europe". — "A damned sight safer than anything in Europe", Freddy said. (John Cheever).

Здесь, очевидно, имеет место пересечение двух топиковых цепочек, которые оформляют тему произведения — связь частных и общественных проблем. Многократный повтор в финальной реплике идентифицирует кульминационный момент рассказа, служит средством эмпазы:

"I'd like to go to Asia", she said, "There isn't any war in Asia, is there? Or is there? (John Cheever).

Одним из видов семантического повтора является синонимический повтор, особенно повтор на уровне контекстуальных синонимов. Синонимический повтор создает эффект новизны и необычности при повторной номинации референта. Это позволяет более полно раскрыть топику/тему текста, а кроме того, помогает удерживать внимание читателя на данной теме. Особенно характерно употребление синонимического повтора для разного рода нарративов:

It was Sunday and there was a feeling of quietness, a silence as though nature were at rest, which gave him a peculiar sense of comfort. He sat, looking

at the wooded coast and felt lazy and well at ease. (W.S. Maugham).

Контекстуальные синонимы *quietness, silence, comfort u at rest, lazy, well at ease* рассматриваются нами как семантические повторы, т.к. содержат в себе общую сему "спокойствие". Повтор этой семы используется для эмфазы, эмоционально-эстетического усиления смысла сообщения.

В художественном тексте семантические повторы, как повторы единиц плана содержания, выполняют функцию аккумуляции ранее накопленного опыта, а также логического и эмоционально-экспрессивного усиления смысла. Ср.:

"Did he keep calling you that awful — "

"No. He has something new now. "

"What?" [...]

"... He calls me Miss Spiritual Tramp of 1948," the girl said and giggled.

"It isn't funny, Muriel. It isn't funny, at all. It's horrible.

It's sad, actually ..." (J.D. Salinger).

He was unique. There never was anyone more beautiful. [...] He was a happy accident of nature. (W.S. Maugham).

Показательным является употребление контекстуальных синонимов в рамках топики/тематической цепочки. Сопряжение лексических повторов с контекстуальными синонимами и антонимами является эффективным средством всесторонней характеристики героев, раскрытия темы, основной идеи произведения.

Так, например, в рассказе Джона Чивера "Frère Jacques" (основная тема которого — неудовлетворенность главных героев своим положением), слово *tired* со своим лексическим вариантом (*tiredness*) повторяется 14 раз. Повтор семы "усталость" обогащен контекстуальными синонимами *gets me down, bored, irritated* (2 раза), *short of breath, sick* (2 раза), а также антонимом *restless*. Итого, общая сема "усталость" реализуется 23 раза в рассказе, что, несомненно, является важным для раскрытия темы рассказа:

She didn't answer him. Then he saw that she was not coughing, but that she was crying. She was sobbing like a runner who is tired and short of breath. [...] Her face was shining with tears. "I'm sick of this, Alex", I'm sick to my heart of this".

В другом рассказе Дж. Чивера "The Pleasures of Solitude" лексические повторы уступают место контекстуальным синонимам в раскрытии основной идеи произведения. Существительное *solitude* (повторяется 3 раза) и контекстуальные синонимы *no one* (3 раза) *difficult to find friends, loneliness, uneventful life, lonely, leave me alone* (2 раза) являются ключевыми словами данного рассказа, оформляют тему одиночества главной героини:

It had always been difficult for her to find friends. During the ten years she had lived in New York she had suffered a great deal from loneliness, but this suffering was forgotten now because of the care with which she arranged her solitude.

Как мы видим, закон семантического согласования действует как между соседствующими элементами (словами, предложениями), так и в рамках целого текста. Это обеспечивает локальную и глобальную связность коммуникативной единицы. Локальная связность осуществляется посредством повтора сем (как грамматических, так и эмпирических) у согласующихся элементов. Глобальная связность прослеживается в макроструктуре текста, топике, теме, общем смысле, основном содержании.

Функционирование семантических повторов важно как при изучении поверхностной структуры текста, его эксплицитных средств, так и при анализе его глубинной структуры, имплицитной данности. В глубинной структуре связного текста обязательно повторяется одна или несколько сем, которые оформляют топиковые цепочки текста. Повторяющаяся сема идентифицирует тему и основную идею произведения, играет исключительную роль в обеспечении семантической связности текста.

Как один из видов семантического повтора рассматривается синонимический повтор. Повтор на уровне контекстуальных синонимов целенаправленно используется авторами художественных произведений с целью всесторонней характеристики референта. Если лексический повтор является традиционным, наглядно представленным в поверхностной структуре коммуникативной единицы, то синонимический повтор имплицитно выражен, а поэтому не всегда предсказуем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. (1974). Лексическая семантика. Синонимические средства языка. — М.: Просвещение.
2. Арнольд И.В. (1973). Стилистика современного английского языка /Стилистика декодирования. — Л.: Просвещение.
3. Гак В.Г. (1972). К проблеме семантической синтагматики //Проблемы структурной лингвистики. — М.: Высшая школа.
4. ван Дейк Т.А. (1989). Язык. Познание. Коммуникация. — М.: Прогресс.
5. Лотман Ю.М. (1970). Структура художественного текста. — М.: Искусство.
6. Мурзин Л.Н., Штерн А.С. (1991) Текст и его восприятие. Свердловск. — Изд-во Урал. ун-та.
7. Сэлинджер Дж. (1982). Избранное. Сборник. М., Прогресс.
8. Чернов Г.В. (1987). Основы синхронного перевода. — М.: Высшая школа.
9. Cheever John. (1980). Selected Short Stories. — М.: Progress.
10. Maugham W.S. (1977). Rain and Other Short Stories. — М.: Progress.

ЧУВСТВЕННАЯ СИСТЕМА ПОЗНАНИЯ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Сукаленко Н.И., докт. филол. наук (Харьков)

Уже относительно давно в философскую литературу вошло понятие обыденное сознание, под которым понимается низший уровень общественного сознания, обладающий целым рядом отличительных черт.

Картина мира, отражаемая национальным обыденным сознанием, запечатлевается его носителями в некотором целостном, относительно устойчивом во времени состоянии, на деле являющемся «продуктом длительного исторического развития и объектом межпоколенной передачи опыта» (Капулов 1987: 42).

В связи с чрезвычайным интересом в настоящее время к феномену обыденного сознания не только философов и лингвистов, но и психологов, культурологов, этнографов, медиков и специалистов по искусственному интеллекту обнаруживается удивительная современность учения А.А. Потебни. Со всей очевидностью она проявляется в постижении специфики метафоры, проблеме существования словесных знаков как специальных схем для означивания чувственных образов, сложнейшем переплетении в человеке социальных и биологических факторов, взаимодействии различных сфер чувственного познания при создании интегрального образа реальности, восприятии и передаче информации с помощью особого вероятностного критерия.

А.А. Потебня не только обратил внимание на доминирующую роль чувственного познания при формировании картины мира человеком, но и отметил ее исключительное значение в создании языковой системы знаков, в частности в моделировании метафоры. Так, в работе «Мысль и язык» А.А. Потебня в «данных общего чувства» выделяет две стороны: 1) впечатление от свойств, приписываемых нами внешним предметам и собственному телу; 2) оценку значения этих впечатлений для нашего индивидуального бытия, испытываемое по их поводу чувство удовольствия и неудовольствия (Потебня 1976: 89). Впоследствии Н.М. Амосов назовет одной из важнейших «координат сознания» «ощущения тела», а оценку по чувству «приятно-неприятно» интегральным критерием всякого разума, действующего в сложной меняющейся среде (Амосов 1992: 51–52).

М.В. Никитин считает, что существует для оценки впечатлений тела специальный «механизм вторичных ощущений», т.е. «механизм ощущения ощущений» (1983: 23). По мнению В.Н. Телия, «вершина в механизме ощущений – эмотивно-оценочная модальность» (1986: 133).

Физические предметы и их свойства, познанные через интегральный механизм оценки впечатлений нашего тела, впоследствии в нашем сознании

полностью отчуждаются от тела. Так, «сладость предмета, по выражению А.А. Потебни, представляется нам его собственной заслугой, его дружелюбным расположением к нам, горечь, острота – злостью» (Потебня 1976: 90–91). Вследствие иллюзии подобного отчуждения становится возможным означивать с помощью механизма оценки телесных впечатлений «не только то, что непосредственно является объектом чувственного восприятия, но в известной мере и то, что, строго говоря, вообще не воспринимается чувственным образом» (Ойзерман 1994: 56). Высказанная мысль Т.И. Ойзермана в наибольшей степени в языковой картине мира относится к моделированию невидимого, недоступного для наблюдения с помощью органов чувств психического мира человека через впечатления от мира реального, материального. Так, положение А.А. Потебни о дружелюбном расположении к нам *сладости* предмета и злости *горечи* полностью подтверждается в языковой картине психического мира: ср., *сладость мечтаний, приятных снов, мгновений, счастья и горечь жизни, утрат, разочарований, судьбы* и т.д.

Чувственная культура человека складывается в течение тысячелетий в тесном взаимодействии с интеллектом, в результате она оказывается настолько изощренной, что с ее помощью становится возможным означивать впечатления от сложнейших конструкторов языковой и культурной картины мира. Ср., к примеру, существование в нашем сознании схематических впечатлений, являющихся основой для образований метафор, от литературных жанров и видов – *эпоса, лирики, эпосеи, сказки, поэмы, драмы*, от театральных постановок – *оперы, оперетты*. Так, *сказка* в разговорной речи достаточно однозначно ассоциируется с чем-то чудесным, поразительным, удивительным; *поэма* – с чем-либо прекрасным или необыкновенным; *оперетта* – с оценкой тех объектов, событий, которые нельзя принимать всерьез; *опера* – с излишней декоративностью и т.д.

Исключительно важную роль в языковом означивании всех сфер человеческой деятельности – бытовой, профессиональной, социальной, морально-этической – играет врожденный, по мнению Н.М. Амосова, критерий вероятности (1992: 54). Именно на существование данного критерия, естественно, не употребляя указанного термина, обращает внимание А.А. Потебня в работе «Мысль и язык». Так, анализируя значимость чувственных данных для постижения пространственных представлений, А.А. Потебня отмечает, что восток первоначально для нас там, где восходит солнце, запад – там, где оно заходит; но мы видоизменяем эти чувственные данные, так что упомянутые точки горизонта не меняются для нас по временам года, а остаются неподвижными и служат законам действительных явлений: восток не там, где восходит солнце, а там, где оно должно восходить (Потебня 1976: 91–92).

В настоящее время доказано, что вероятностный критерий составляет ядро учения о стереотипах. С помощью стереотипов в сознании человека создается устойчивая, стабильная картина мира. В этой картине подвижный, изменчивый в различных фазах, циклах объект рисуется в наиболее продол-

жительной и наиболее благоприятной для человека циклической разновидности. Например, *зеленый цвет* представляется человеку как *цвет травы*, *голубой* как *цвет неба*, хотя всем известно, что трава не всегда бывает зеленой, а небо голубым (Wierzbicka 1980: 43).

По-видимому, стабильность картины мира объясняется устройством человеческого разума, который «эволюция создала для оперативного реагирования в коротких отрезках времени при меняющейся среде и критериях. Поэтому модели качественны, отрывочны и статичны, состоят из отдельных картин, отражающих действительность фрагментами с разной обобщенностью» (Амосов 1992: 55).

Обозримость стабильной картины мира создается за счет того, что сознание в первую очередь фиксирует наиболее распространенную разновидность объекта и как бы не замечает редкой. Например, характеризуя цветообозначения прилагательными *жемчужный*, *изумрудный*, *гранатовый*, *коралловый*, *сиреневый* и т.д., мы как бы отвлекаемся от того обстоятельства, что *жемчуг* бывает голубым и розовым, *изумруд* голубым, *гранаты* в руководстве к практическим занятиям по минералогии и петрографии определяются, кроме вишнево-красных, еще как бурые, зеленовато-бурые, темно-бурые, светло-розовые (Каданская 1976: 180).

Другой путь создания обобщенных фрагментов в стабильной картине мира заключается в формировании усредненного образа из множества реальных объектов. Например, эталонный *сиреневый цвет* мы представляем себе как цвет прототипической сирени, т.е. средней смешанности красных и синих цветов и средней насыщенности белым цветом. В то же время в отражении в сознании указанного образца также действует правило избегания исключений: никто не представляет себе *сиреневый цвет* как белый, хотя все знают о существовании белой сирени.

При активном участии вероятностного критерия моделируется также социальная сфера человеческих отношений, в частности сфера семейных отношений. Для образов кровных родственников (*отца*, *матери*, *брата*, *сестры*) пишется идеальный сценарий, в соответствии с которым отношения между членами семьи представлены как самые близкие, самые нежные. Эталоны родственников со стороны мужа, жены, в первую очередь *свекрови* и *тещи*, скорее связаны с отрицательной оценкой, чем с положительной. В данном случае, по всей вероятности, человек биологический побеждает человека социального: Н.М. Амосов в уже указанной работе среди врожденных чувств называет симпатии к родственникам и антипатии к «чужим» (1992: 60). Впрочем, очень трудно во многих случаях отделить человека биологического от социального. Так, в частности, не до конца ясно, к какому человеку можно применить высказанное Т.М. Николаевой предположение о том, что стабильная картина мира какими-то очень сложными способами соотносится с позитивными установками (1983: 10). По-видимому, социальному человеку при позитивных установках стабильной картины мира следо-

вало бы ожидать от *свекрови* и *тещи* такого же заботливого отношения, как от кровных родственников.

Однако усредненные, стереотипные представления могут превращаться в массу детальных картинок, используя терминологию Н.М. Амосова. Закрепление в языке степени их детализации, степени «раздельности восприятий», по А.А. Потебне, широкого спектра «игры психических соответствий», по А.Н. Веселовскому (1940: 90), самым непосредственным образом зависит от заинтересованности людей в подробно зафиксированных свойствах среды. Как подчеркивает Э. Сепир, «заинтересованность носителей языка в особенностях окружающей среды в значительно большей степени, нежели само наличие этих особенностей, предопределяет словарный состав языка» (Сепир 1993: 273). При различных видах хозяйственной деятельности необходимость в чрезвычайно раздробленной классификации фрагментов среды по сути дела аналогична той ювелирной детализации действительности, которая становится подвластной профессионалам после упорной тренировки. Так, анализируя деятельность различных племен индейцев, Э. Сепир отмечает, что чрезвычайно разветвленный словарь отдельных участков действительности у определенных племен индейцев полностью предопределяется интересом людей к тем или иным реалиям. Так, например, словарь языка пайутов, жителей пустынных плато, очень точно описывает местоположение любого родника, а в ряде случаев это возможно лишь через указание на особенности рельефа (ср. каньон с небольшой речкой, старое русло реки, безводный каньон). Европейское собирательное понятие «сорняк» в языках некоторых индейских племен, пропитание которых в значительной степени составляют корни и семена диких растений, решительно ломая все европейские представления об абстракции слова, приобретает самые непредсказуемые ипостаси. Так, часто используются различные названия для разных состояний одного и того же растения – в зависимости от того, сырое оно или как-то приготовлено, в зависимости от его цвета или от степени его созревания (Сепир 1993: 272-273).

Та же тончайшая дифференциация раздельности ощущений диктуется потребностями профессиональной деятельности. Геологи тренируются в распознавании своих *индигово-синих, кошенильно-красных, тампаково-коричневых, медово-желтых* минералов...» (Демидов 1987: 102).

В цветоводстве можно обнаружить такие редкие для обычного употребления названия цветов и оттенков, как *киноварно-красный, лососиновый, лососиново-шарлаховый, палево-розовый, суриково-красный*. Кроме того, там же встречаются цветонаименования со словами-модификаторами, в которых уточняется интенсивность окраски или дается ссылка на образ-впечатление: *густо, интенсивно, нежно, светло, чисто, свежо* и т.д. (Демидов 1987: 17).

Флора и фауна кавказских гор во всем великолепии цветовых переливов отразилась в произведении К. Гамсахурдиа «Десница великого мастера». Здесь ранней весной «на лугах соревновались краски цвета дикого голубя и дикого

волка», «крылья журавля отливали цветом турача», один из медведей был «цвета спелых каштанов», «другой – цвета осеннего папоротника».

Подобная универсальность человеческих чувств, в конечном счете, обусловлена универсальностью человеческой практики, которая, как особо подчеркивает Т.И. Ойзерман, «также является чувственной деятельностью» (1994: 56). Конечно, чувствует, воспринимает предметы мыслящий человек. Наивно думать, что без тесной связи с разумом были бы возможны утонченно-изысканные метафоры К. Гамсахурдиа и В. Набокова типа: «... *тех папирос, которые он курил, тут не держали, и он ушел бы без всего, не оказись у табачника крапчатого жилета с перламутровыми пуговицами и лысины тыквенного оттенка*». И все-таки современная наука доказывает, что человеческий индивид обладает сознанием лишь постольку, поскольку он чувственным образом воспринимает внешний мир (Дельгадо 1971: 69). Не случайно в ключевых словах культуры, в мифологемах сознания, подобных судьбе, в устойчивых метафорах и сравнениях бытовой речи и фольклорного творчества, безусловно, преобладает чувственный элемент. Чувственный элемент чрезвычайно существенная часть массового обыденного сознания, того кентавра, по выражению В.М. Найдыша, в напластованиях которого причудливо переплетаются и в чем-то дополняют друг друга уровни научные и мифологические, логико-рациональные и мифопоэтические, рационально-теоретические и иррационально-мистические (1994: 45).

ЛИТЕРАТУРА

1. Амосов Н.М. (1992). Мое мировоззрение // Вопр. философии. Москва. – № 6. – С. 50–74.
2. Веселовский А.Н. (1940). Историческая поэтика. – Л.: ГИХЛ.
3. Дельгадо Х. (1971). Мозг и сознание. – М.: Наука.
4. Демидов В. (1987). Как мы видим то, что видим. – М.: Знание.
5. Каданская М.И. (1976). Руководство к практическим занятиям по минералогии и петрографии. – М.: Просвещение.
6. Караулов Ю.Н. (1987). Русский язык и языковая личность. М.: Наука.
7. Найдыш В.М. (1994). Мифотворчество и фольклорное сознание // Вопр. философии. Москва. – № 2. – С. 45–53.
8. Никитин М.В. (1983). Лексическое значение слова. – М.: Высшая школа.
9. Николаева Т.М. (1983). Качественные прилагательные и отражение картины мира // Славянское и балтийское языкознание. Проблемы лексикологии. – М.: Наука. – С. 235–244.
10. Ойзерман Т.И. (1994). Сенсуалистическая гносеология и действительный научно-исследовательский поиск // Вопр. философии. Москва. – № 6. – С. 55–63.
11. Потебня А.А. (1976) Мысль и язык / Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – М.: Искусство. – С. 35–220.
12. Сепир Э. (1993). Язык и среда // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Издательская группа «Прогресс» «Универс». – С. 270–284.
13. Телия В.Н. (1986). Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука.
14. Юхимчук Д.Ф. (1985). Комнатное цветоводство. – Киев: Урожай.
15. Wierzbicka A. (1980) *Lingua Mentalis: The Semantics of Natural Language*. – Sydney: Academic Press.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ДЕНОТАТИВНОГО АСПЕКТА РЕЧЕВЫХ АКТОВ

Шевченко И.С., канд. филол. наук (Харьков)

Денотативный аспект речевого акта (пропозиция) составляет ядро содержания высказывания и входит в центральный блок модели речевого акта (Шевченко 1998:39). В ходе исторического развития речевой коммуникации денотативный аспект РА претерпевает ряд существенных изменений, что ведет к определенным изменениям всего речевого акта. Ниже рассмотрим проблемы исторического варьирования этого аспекта в 16 - 20 вв. на материале речевых актов, реализованных английским вопросительным предложением (в драматургии).

На развитие денотативного аспекта речевого акта оказывает влияние характерное отличие речевых актов 16-17 вв. от РА современного периода, которое заключается в большем объеме высказывания как в структурном, так и в содержательном плане, что находит отражение в направлениях развития как простых, так и сложных речевых актов. Длина предложения, по нашим данным, составляет в среднем 20 слов и постепенно сокращается в 18-19 вв. до 12 слов, а в 20 в. — до 6-7 слов.

В драматургии ранненовоанглийского периода преобладают длинные и сверхдлинные реплики (50-100 слов), а в пьесах Шекспира, Марло, Джонсона они достигают соответственно 87%, 84% и 62% текста (Мизецкая 1992:80-82). При этом средняя длина реплики персонажа равняется 35 словам в 16-17 вв., 20 словам в 18-19 вв. и 15 словам в 20 в. Тем самым прослеживается общая тенденция к сокращению информативного объема высказываний в современном языке /Будагов, 1977:94/

Денотативный аспект РА содержит однородную либо разнородную информацию, минимально достаточную для одной пропозиции либо избыточную, осложняющую семантическую структуру высказывания. В 16 в. частотными формами, осложняющими высказывание, являются препозитивные лексико-грамматические верификаторы *why, what, how*, которые типичны только для данного исторического периода, ср.: разговор двух трибунов с гражданами Рима:

"Both Tribunes. Why, how are we censur'd? /.../

Men. Why, 'tis no great matter ..." /Shak., Coriolanus, II,1,22ff/

В целом маркеры дискурса, осложняющие семантическую структуру высказывания, проявляют высокую частотность в 16 в. (они функционируют в 60% наших примеров). Она существенно снижается в 17-18 вв.

(48%) и уменьшается до 15% в 20 в. Полученные данные, находящие подтверждение в работах других исследователей (например, (Невзорова 1984:10), позволяют сделать вывод об историческом изменении денотативного аспекта простого РА в сторону уменьшения объема содержащейся информации.

В данной работе исходим из того, что наряду с простыми существуют сложные речевые акты. Поскольку вопрос соотношения объемов понятий речевого акта и предложения-высказывания остается дискуссионным, рассмотрим его подробнее. Разброс мнений исследователей весьма широк: одни считают, что РА может быть как больше, так и меньше предложения-высказывания, т.е. может осуществляться несколькими предложениями или отдельными частями предложения (Серль 1986a,b; Франк 1986). Другие отрицают возможность соотношения предложения и РА, аргументируя положение о том, что произнесение предложения вообще нельзя считать элементарной единицей дискурса (Hartung, 1979:275-291). Большинство исследователей, однако, считают возможным и необходимым соотносить определенным образом понятия предложения-высказывания и речевого акта при анализе связи между иллюкуцией и структурно-семантическим аспектом предложения, хотя это соотношение преломляется по-разному у разных авторов.

Так, Тойн ван Дейк видит возможность несовпадения границ речевого акта и предложения и возможности одного сложного предложения реализовать несколько РА: "один иллюкутивный акт всегда отделен от другого границей предложения, при этом иллюкутивный акт, выражающийся одним предложением, может быть составным" (ван Дейк 1978:301).

Сопоставление речевого действия с высказыванием также свидетельствует о том, что во многих случаях высказывание может состоять из нескольких речевых актов, например, Д.Вандервекен считает, что высказывание *I apologize for what I have done and I promise you not to do it again* содержит акт извинения и обещания, а высказывание *If you do not want to take off your hat, leave this house* представляет собой директив, релевантный при указанном условии /Vanderveken, 1980:248/. Развитие этого положения в том смысле, что речевой акт может быть как больше, так и меньше объема предложения-высказывания находим у И.П.Сусова, Д.Вундерлиха и др. (Сусов 1984:11; Wunderlich 1980).

Отмеченная тенденция уменьшения объема денотативного аспекта простых РА проявляется и в историческом варьировании сложных РА, реализованные вопросительными предложениями. Широта и свобода, с которой разговорная речь 16 в. переносилась в шекспировский театр (а, возможно, и особенность издания его пьес, в которых, зачастую, нельзя говорить об авторской пунктуации), выразились в большом количестве

присоединенных и сегментированных конструкций, эллиптических предложений в тексте.

Вопросительное предложение с синтаксическим присоединением — введением добавочной информации, возникающей неожиданно в сознании говорящего в момент речи и реализуемой в качестве дополнения — может быть как единым речевым актом, так и последовательностью РА. Добавочная информация, содержащаяся в присоединенной части, облегчает ответную реакцию адресата, предлагая пропозицию его ответа. Например, *"I pardon that man's life. What is thy case? Adultery? Thou shalt not die: die for adultery"* /Shak., *King Lear*, IV,6,111-112/.

Высказывания с уточняющей информацией справедливо рассматривать не как отдельные речевые акты (и всю реплику как последовательность РА), а как единый РА — квеситив, на том основании, что в нем имеется единый контекст, единая иллюкутивная цель — спрашивание.

Сложные речевые акты отличаются от последовательности простых РА, где каждый следующий РА имеет собственную пропозицию, направлен на выяснение разных участков информации и предполагает различные ответы. Ср.: *"What are you? Your name? Your quality? and why you answer this present summons?"* /ibid., V,3,119-120/. Таким образом, в данном примере содержатся четыре отдельные РА квеситива, реализованные в одном речевом шаге.

Стремление адресанта реализовать сразу несколько РА за один речевой шаг можно расценить как стремление к экономии в речи. На наш взгляд, оно не противоречит основным коммуникативным постулатам, в частности, постулату количества (Будь краток).

Вслед за В.И. Карабаном, среди сложных речевых актов выделяем: комплексные, композитные, составные (1989). К комплексным относятся такие сложные речевые акты, в которых "компонентные РА-функции находятся в субординаторном прагма-семантическом отношении. Например, *"Oh, wretch! did you swear to me, 'twas for my love and honour you passed for that thing you do?"* /Wycherley, *The Country Wife*/; *"Why not set up as a locksmith? You must know more about locks than most honest men?"* /Shaw, *Heartbreak House*/.

Композитные речевые акты — это такие сложные речевые акты, в которых сочетаются простые РА, выполняющие дискурсивную функцию координированных РА /там же: 69/. Например, *"What think you of this fool, Malvolio? does he not mend?"* /Shak., *The Twelfth Night*, I,5,69/; *"A dod, you are all rogues, and I never will forgive you"* /Etherege, *The Man of Mode*/.

Среди сложных речевых актов, используемых в речевом взаимодействии наиболее "прагматизированными" сложными речевыми единицами являются составные РА. В отличие от комплексных и композитных РА, где между

компонентными РА-функциями существуют как семантические, так и прагматические дискурсивные отношения, они "образуются только на основе прагматического перлокутивного отношения, устанавливаемого между их компонентами" (там же: 79). Например: *"Lory, did you observe that?" / Vanbrugh, The Relapse/; "Holla! brother, what has been the matter?" / Sheridan, The School for Scandal/*. Развитие системы сложных речевых актов с точки зрения объема передаваемой информации, по нашим наблюдениям, идет по линии сокращения количества простых РА в их структуре. Если в 16 в. сложный РА, реализованный вопросительным предложением, может объединять до 5 простых РА, то в 17-18 вв. число простых компонентов сокращается (два, реже три РА) и частотность сложных РА существенно уменьшается. В 19-20 вв. сложные РА, как правило, включают в себя не более двух простых. Например: *"She dies for love, but she has known its joys: Gods, is this just, that I, who knows no joys, Must die, because she loves?" / Dryden, All for Love/; "Where is she, by the way?" / Storey, The Restoration of Arnold Middleton/*.

Рассмотрим особенности денотативного аспекта РА в сложных речевых актах, содержащихся в следующих отрывках (выбор трех периодов обусловлен тем, что материал 16 в., в основном, соответствует материалу 17 в., а материал 19 в. близок по своим особенностям 20 в.). В следующем диалоге Елена и Лизандр не понимают друг друга после того, как сверхъестественные силы сыграли с Лизандром шутку:

(1) *Helena. Do not say so, Lysander; say not so: What thought he love your Hermia? Lord, what thought? Yet Hermia still loves you; then be content.*

Lysander. Content with Hermia? No, I do repent The tedious minutes I with her have spent. (2) Not Hermia but Helena I love: Who will not change a raven for a dove? /.../

Helena. Wherefore was I to this keen mockery born? When at your hands did I deserve this scorn? (3) Is't not enough, is 't not enough, young man, That I did never, no, nor never can Deserve a sweet look from Demetrius' eye, But you must flout my insufficiency?"

/Shak., A Midsummer Night's Dream, II, 2, 107 ff/

В приведенном отрывке содержатся сложные речевые акты, выраженные вопросительными предложениями, образованные в соответствии с нормами 16 в. Сложный РА (1) является комплексным речевым актом, содержащим подчинительную семантико-синтаксическую связь (в 16 в. первый РА имел значение *what does it matter?*). Сложный речевой акт (2) также является комплексным, поскольку его РА-функции соединены причинно-следственной связью. Однако в сложном РА (3) наблюдаем явления, отличающие речь 16 в. от иных исторических периодов: это соединение в одном сложном речевом акте всех трех видов прагматической связи речевых актов: составной тип РА представлен обращением, комплексный

представлен подчинительной связью (определение), а композитный — сочинением двух РА-функций, связанных союзом *but*.

В 17 в. происходит резкое снижение численности сложных РА с проклятиями, клятвами, божбой, благословениями типа *By my Lord, Zounds, 'fore God, plague on't, 'fore Heaven, damn it, God bless you, for God's love, God a mercy on my soul etc.* Оно вызвано тем, что в 1606 г. парламент своим законом запрещает богохульство и неуместное упоминание имени бога и святых на театральной сцене. В редакционных правках текста шекспировского фоліо I (1623) происходит замена выражений из раннего кварио (1600): *God na Heaven, s' wounds* на *why* и пр. Однако эта тенденция не закрепила в истории и уже в 18 в. язык драмы широко воспроизводит божбу и проклятия (последние особенно разнообразны, например, в речевых партиях мужских персонажей Шеридана).

Рассмотрим пример сложных речевых актов 18 в.:

"Mrs. Candour. (4) To be sure they are; tale-bearers are as bad as the tale-makers — 'tis an old observation, and a very true one: but what's to be done, as I said before? how will you prevent people from talking? [...]. (5) Bye-the-bye, I hope 'tis not true that your brother is absolutely ruined?"

/Sheridan, *The School for Scandal*/

В приведенном отрывке содержатся два сложных речевых акта, реализованных вопросительными предложениями. В сложном РА (4) присутствуют шесть простых речевых актов. Это явление практически не встречается в нашей выборке позже 18 в. Сложный РА (4) представляет собой композитный РА, простые РА-функции которого объединены по принципу соположения. Сложный РА (5) представляет собой единство составного и комплексного речевого акта, поскольку РА-функция вводного элемента присоединена к основному РА связью сочинения, а двусоставное главное предложение и его подчиненное придаточное предложение объединены связью подчинения.

Рассмотрим особенности денотативного аспекта речевых актов в сложных РА конца 19 в.: шуточный разговор двух повес:

"Dalton. Not worth flimpering, eh?"

Moss (staring but not recognizing him). Eh, did you speak to me, sir? /.../

Moss (coming down to Dalton). Now, sir, what can I have the pleasure of ordering you, sir? /.../

Dalton. What you will make it champaign? very well. I'm not proud"

/Taylor, *The Ticket-of-leave Man*/

Анализ приведенных примеров четырех сложных речевых актов второй половины 19 в. свидетельствует, что все четыре сложные речевые акта, реализованные вопросительными предложениями, принадлежат к числу

составных. В данном отрывке наблюдается общее для периода 19-20 вв. явление: сокращение численности простых РА-функций в составе сложных речевых актов до двух (трех) компонентов.

В современной драматургии (Д.Арден, Д.Осборн, Г.Пинтер, Т.Уайльдер, Т.Элиот), отличающейся поиском новых форм, синтезом приемов различных жанров, в том числе эпических, а также попытками возрождения сверхдлинных реплик типа "хора", "пролога" и "эпилога" античного театра, по нашим наблюдениям, изредка появляются сложные РА, содержащие 3-5 простых РА-компонентов и более, например, *"Who was in it, dear? Laurence Olivier? I always think he's best for the Greek things, don't you?"*/Shaffer, *Five Finger Exercise*/. Однако в целом это нетипично для сложных РА 20 в.

Таким образом, специфика исторической динамики денотативного аспекта РА, выраженного вопросительным предложением, в целом видится в общей тенденции к уменьшению его объема в простом РА и сокращению длины сложных РА (с 5 простых РА в составе сложного РА в 16 в. до 2 простых РА в 20 в.). Отдельные проявления современной противоположной тенденции лишь подчеркивают общее направление развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карабан В.И. Сложные речевые единицы: прагматика английских асиндетических полипредикативных образований. — Киев: Вища школа, 1989— 11 с. 2. ван Дейк Т.А. Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. — М.: Прогресс, 1978. — С. 259-336. 3. Мизецкая В.Я. Коммуникативно-речевая организация персональной подсистемы в драматургическом тексте. — Одесса: Черноморье, 1992— 150 с. 4. Невзорова Г.Д. Развитие вопросительных высказываний в английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. / Ленинград. гос. ун-т. — Л., 1984. — 16 с. 5. Серль Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. — М.: Прогресс, 1986а. — С. 170-194. 6. Серль Дж. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. — М.: Прогресс, 1986б. — С. 195-222. 7. Сусов И.П. Коммуникативно-прагматическая лингвистика и ее единицы // Прагматика и семантика синтаксических единиц: Межвуз. сб. научн. трудов. — Калинин: Изд-во Калинин ун-та, 1984. — С. 3-12. 8. Франк Д. Семь грехов прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. — М.: Прогресс, 1986. — С. 363-373. 9. Шевченко И.С. Историческая динамика прагматики предложения: английское вопросительное предложение 16 - 20 вв. — Харьков: Константа, 1998. — 168 с. 10. Hartung W. Kommunikation und Text als Objecte der Linguistik // Zeitschrift fur Germanistik. — 1987. — Nr. 3. — S. 275-291. 11. Vanderneken D. Illocutionary Logic And Self-defeating Speech Acts // Speech Act Theory And Pragmatics/ Ed. by J. Searle et al. — Dordrecht: Reidel, 1980. P. 247-273. 12. Wunderlich D. Methodological remarks on speech act theory // Speech Act Theory And Pragmatics/ Ed. by J. Searle et al. — Dordrecht: Reidel, 1980. — P. 291-312.

Содержание

Бахарева О.М., Беляева І.А. ДО ПИТАННЯ ПРО МОВНО-КУЛЬТУРНУ СИТУАЦІЮ В НЕЗАЛЕЖНІЙ УКРАЇНІ	3
Белова А.Д. АМЕРИКАНИЗМ, АМЕРИКАНСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И ИДИОСТИЛЬ ПРЕЗИДЕНТА ТЕОДОРА РУЗВЕЛЬТА	6
Белогуб А. Л. НЕМЕЦКАЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	13
Бороздова В.Н. О КОМПЛЕКСНОМ КОННОТАТИВНОМ АНАЛИЗЕ СИНОНИМИЧЕСКОГО РЯДА	18
Гарань О.В. СТИЛІСТИЧНІ МОЖЛИВОСТІ ПОРІВНЯННЯ У ПАРАЛІНГВІЗМАХ В СУЧАСНІЙ НІМЕЦЬКІЙ МОВІ	20
Грайворонська О.В. ДЕЯКІ СПІЛЬНІ ОСОБЛИВОСТІ ТВОРІВ ПЕСТУВАННЯ У РІЗНИХ НАРОДІВ	23
Давыдов О.И. К ВОПРОСУ О ГЛАГОЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ (В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ)	27
Денисов О.И. К ВОПРОСУ О ПРОФЕССИОНАЛИЗМЕ	30
Dmitrenko V. O., Morozova O.I. STRATEGIES OF HUMOR AND DECEPTION AND LINGUISTIC CHOICES	35
Донец С.М. О НЕКОТОРЫХ ВИДАХ ИМПЛИКАТИВНОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ ОБРАЗА	38
Жук Л. Я., Пихтовникова Л.С. РОЛЬ И КОМПОЗИЦИЯ ПРИМЕРА В ДИСКУРСЕ	42
Ivanchenko A.I. SPEECH ACTS AND LANGUAGE TEACHING	45
Кобзарь Е.И., Лешнева Н.А. ПРОБЛЕМНЫЕ СИТУАЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ГРАММАТИКЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА КАК СРЕДСТВО АКТИВИЗАЦИИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ	49
Кондратюк Т.В., Полина В.С. УПРАВЛЕНИЕ ПРОЦЕССОМ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОЙ ФОНЕТИКЕ ЧЕРЕЗ ИНТЕРАКТИВНЫЕ УПРАЖНЕНИЯ	53

Костенко В.Г.

ОСОБЛИВОСТІ УТВОРЕННЯ ВІДІМЕННИХ ДІЕСЛІВ**ТА ЇХ ПОДАЛЬША СЛОВОТВОРЧА РЕАЛІЗАЦІЯ****(на матеріалі англійської біологічної термінологіки) 57**

Куриная С.Д., Пихтовникова Л.С.

О СТИЛЕ И КОМПОЗИЦИИ НЕМЕЦКОЙ ПРИТЧИ 62

Лебедева Т.Б.

ВПЛИВ СОЦІАЛЬНИХ ФАКТОРІВ НА ВІЙСЬКОВИЙ**ВОКАБУЛЯР НІМЕЧЧИНИ 65**

Левицкий А. Э.

ОСОБЕННОСТИ КОНВЕНЦИОНАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИОНАЛЬНО**ПЕРЕОРИЕНТИРОВАННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ****(на материале современного английского языка) 69**

Лихинин М.В.

РОЛЬ ОППОЗИЦИИ "СВОЙ-ЧУЖОЙ" В ФОРМИРОВАНИИ**ЯКМ (на материале английской фразеологии) 74**

Масалитина Е.С.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕСТОВ КАК**ФОРМЫ КОНТРОЛЯ УЧЕБНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ****УЧАЩИХСЯ (на материале иностранного языка) 78**

Маслова Н. И., Паповянец Э. Г.

КОММУНИКАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ СЛОГАНА В**АНГЛО И УКРАИНОЯЗЫЧНОЙ РЕКЛАМЕ 83**

Матюхина Ю.В.

К ПРОБЛЕМЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АНГЛИЙСКОГО**ФАТИЧЕСКОГО РЕЧЕВОГО АКТА 87**

Мизецкая В.Я., Насалевич Т.В., Тупикина И.А.

ПОРТРЕТНОЕ ОПИСАНИЕ В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ТЕКСТА 92

Мірошниченко М. Ю.

REDEDARSTELLUNG IN DER NOVELLE**„EIN FLIEHENDES PFERD“ MARTIN WALERS 96**

Мищенко В.Я.

КОСВЕННЫЕ СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИЛЛОКУЦИИ**КОМПЛИМЕНТА. 101**

Морозова И.Б.

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ АВТОРСКОГО**МОНОЛОГА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ 108**

Музейник И.В.

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИНТЕГРАЦИИ ИРРЕАЛЬНЫХ**ФОРМ КОНДИЦИОНАЛА С ОТРИЦАНИЕМ****(на материале французского языка) 111**

Нефёдова Е.Д.

СУБЪЕКТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ДИСКУРСА**АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ 114**

Novikova O.

EVOLUTION DES MOTES ALS KENNZEICHEN DER HISTORISCHEN ENTWICKLUNG DER GESELLSCHAFT (zum Problem der Erweiterung des deutschen Wortschatzes im 17. Jahr hundert)	120
--	------------

Омельченко Л.Ф., Максимчук Н.Н.

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЛОЖНОКОНВЕРТИРОВАННЫХ ГЛАГОЛОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	126
--	------------

Панасенко О.И.

ФРАНЦУЗСКИЕ ОБЩЕВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В АСПЕКТЕ ИНТЕГРАТИВНОЙ ПРАГМАТИКИ	129
--	------------

Пасинок В.Г.

СЛОВО ЯК ШЛЯХ САМОРЕАЛІЗАЦІ ТА САМОРЕГУЛЯЦІ ОСОБИ.....	134
---	------------

Перлина Ю. Г.

ГИБРИДНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ НА ПЕРИФЕРИИ ЖАНРОВ	144
--	------------

Подолкова С.В.

ЭКСПЛИЦИТНЫЕ И ИМПЛИЦИТНЫЕ СВЯЗИ В НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ	151
--	------------

Потапова Е. И.

К ВОПРОСУ О КОГНИТИВНЫХ МЕТАФОРАХ ЛЖИ И ОБМАНА	156
---	------------

Prorotschenko O.P.

LINGUOLANDESKUNDLICHER ASPEKT DER DEUTSCH-UKRAINISCHEN PHRASEOLOGISCHEN PARALLELE	160
--	------------

Рудякова В.М.

ДИСТАНЦИЯ ВЛАСТИ И ЕЁ ОТРАЖЕНИЕ В КОММУНИКАЦИИ	168
---	------------

Рябых Н.В.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ ТРЕВОЖНОСТИ КАК ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА И СИТУАЦИОННОЙ ТРЕВОЖНОСТИ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ УСВОЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА	173
--	------------

Сердюк В.Н.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФОРМ ДЛИТЕЛЬНОГО ВИДА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	178
---	------------

Сімонок В.П.

МОВНІ КОНТАКТИ	182
-----------------------------	------------

Соколова И.В.

ПОВТОР КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СВЯЗНОСТИ ТЕКСТА	189
---	------------

Сукаленко Н.И.

ЧУВСТВЕННАЯ СИСТЕМА ПОЗНАНИЯ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА	194
---	------------

Шевченко И.С.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ДЕНОТАТИВНОГО АСПЕКТА РЕЧЕВЫХ АКТОВ	199
--	------------

ВІСНИК ХДУ №430

Відповідальний редактор
Редактор
Технічний редактор
Художній редактор

І.С. Шевченко
А.В. Бондарь
Л.П. Зябченко
Г.П. Ульяніч

Підписано до друку 15.03.99. Формат 60х84/16
Папір офсетний. Друк офсетний. Гарнітура Прагматика.
Ум. друк. арк. 13,0. Ум. вид. арк. 15,2
Зам. № УП0203/99 Наклад 300 прим.
Видавництво "Константа"
310145 м. Харків, вул. Космічна, 26.

Віддруковано в друкарні видавництва "Константа"
310145 м. Харків, вул. Космічна, 26.

4-00=